ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2013

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2013, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Соловьёв Б.С. Этнокультурные процессы на юге лесного Поволжья в конце среднего – начале позднего бронзового века. 3
Казанцев Д.Е. Некоторые мысли о суффиксах множественного числа в марийском языке. 22
Сибатрова С.С. Роль русских заимствований в формировании системы частиц марийского языка. 30

СООБЩЕНИЯ

Душенкова Т.Р. Религиозная лексика М.Г. Атаманова и его научная харизма. 46
Федосеева Н.А. Вятский просветитель Кушелев Павел Семёнович. 64
Горинова Н.В. Традиции В.Савина в пьесе-сказке Г. Юшкова «Ен ныв» («Дочь Бога»). 70
Зиявадинова О.С. Поэтика очеловечивания природы в художественном мире В.И. Лыткина. 79
Шабдарова Л.Е. Фольклоризм рассказа В.И. Бояриновой «Ӱштӧ». 84
Казакова Н.К. Традиционная кукла горных мари. 92

ПЕРСОНАЛИИ

Лехтинен И. К 200-летию со дня рождения Матиаса Александра Кастрена (1813–1852). 98
Пустяков А.Л. К 100-летию со дня рождения Эркки Итконена. 101
Григорьева Л.Я. Служение науке и школе (к 80-летию Г.И. Лаврентьева). 106
Кузнецова М.Н. К юбилею Р.Бартепс. 110
Цыпанов Е.А., Пунегова Г.В. К юбилею Г.А. Некрасовой. 113

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Вершинин В.И. Рец.: Tiit-Rein Viitso, Valts Ernštreits. Līvõkīel-ēstikīel-leţkīel sõnārõntõz Liivi-eesti-läti sõnaraamat Lībiešu-igauņu-latviešu vārdnīca. – Tartu / Rīga, 2012. 415 l. 116
Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н. Рец.: Сануков К.Н. Финно-угры и финно-угроведение. Сб. статей. – Йошкар-Ола: Мар.гос. ун-т, 2012. – 324 с. 120

ХРОНИКА

Федосеева Н.А. Международная научно-практическая конференция «Литературно-культурное наследие С.Г. Чавайна». 123
Сведения об авторах. 125

«Финно-угроведение», 2013, № 2

СТАТЬИ

Борис Соловьёв
Йошкар-Ола

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ ЛЕСНОГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ СРЕДНЕГО – НАЧАЛЕ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

Конец III – начало II тыс. до н.э. – беспокойное время «великого переселения народов» Северной Евразии, смены социально-экономических и культурных стереотипов, появления революционных технологий металлургии и металлообработки, возникновения многочисленных новых этнокультурных популяций. На юге лесного Поволжья климатические особенности ксеротермической фазы суббореала (SB–II, 4100–3200 лет назад), характеризующейся формированием лесостепных ландшафтов, привели к контактам аборигенных охотников и рыболовов с мигрантами, стремившимися занять экологические ниши, пригодные для ведения производящего хозяйства.

При изучении первобытной истории Волго-Камья проблемы культурогенеза решались двумя путями. Наиболее ярким примером автохтонной теории служит идея А.Х. Халикова о доминировании местных прафинских этносов эпохи раннего металла (1; 2; 3; 4). Среди сторонников миграционных взглядов, прежде всего, следует отметить В.П. Третьякова, считавшего, что вторжение более развитых скотоводческих племен в середине II тыс. до н.э. приостановило развитие древних волго-окских финно-угорских народов (5). По мнению В.В. Никитина, продвижение лесостепных группировок вызвало утрату этнических элементов лесного энеолитического субстрата в генетически связанных с ним образованиях бронзового века (6).

Особо выделим точку зрения С.В. Большова, категорически отрицающего наличие культурогенетических процессов на территории лесной зоны Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (7). Мы неоднократно коснемся спорных положений этой концепции.

Ниже излагается позиция автора, неоднократно обращавшегося к различным аспектам данной проблемы (8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15). Очертим круг сообществ юга лесного Поволжья рассматриваемого периода.

1. *Средневолжский вариант аборигенной волосовской культуры.*

А.Х. Халиков отнес позднейшие поселения: Удельно-Шумецкое IV, Сутырские I, II, Выжумское II ко второй четверти II тыс. до н. э. Были обозначены диагностирующие признаки керамики: плоскодонные горшки с отогнутым краем горла; сложные композиции из вертикальных и горизонтальных линий, заштрихованных зон; сочетание гребенчатых оттисков с прочерчиванием, отсутствие шагающей гребенки и оттисков рамчатых штампов (1; 2).

В.В. Никитин датировал поздний этап (Ахмылово II, Уржумка, Выжум II и др.) первой четвертью II тыс. до н. э., затем – рубежом III-II тыс. до н. э.; завершающий или переходный период (смешанные поселения типа Галанкиной горы) – первой половиной II тыс. до н. э. Керамические материалы характеризуются плоскодонными и круглодонными горшковидными, баночными, чашевидными сосудами с Г-образным, Т-образным, отвернутым или расширенным краем горла; доминированием оттисков мелких и средних зубчатых штампов, прочерчивания, небольшим процентом ногтевидных насечек, сосуществованием сплошных (сетка, елочка, зигзаг, пересекающиеся отрезки) и разреженных композиций, включающих геометрические элементы (6; 16).

Автор выделил «выжумские» керамические комплексы финала средневолжской волосовской культуры (первая треть II тыс. до н. э.): Выжум II, Удельный Шумец IV, Мольбище, Сутыри V и др. (11). Их отличительными чертами являются: плоскодонность; сосуществование пористой толстостенной и плотной тонкостенной, иногда лощеной посуды; абсолютное преобладание горшковидных и горшечно-баночных сосудов с короткой резко или плавно отогнутой шейкой, Г-образным отворотом венчика; значительная доля неорнаментированной керамики. Своеобразие орнаментации отражает строгая горизонтальность композиций, расположенных в верхней части тулова; небольшое количество мотивов, среди которых до 90% составляют ряды ногтевидных, прямоугольных, округлых оттисков, сочетающихся с зигзагами, ромбами и треугольниками, скошенными отрезками; незначительное употребление средне- и мелкозубчатых отпечатков (рис. 1). Типична немногочисленность невыразительного каменного инвентаря.

Трудно признать чем-то новым выделение С.В. Большовым «типолого-хронологического горизонта волосовских поселений эпохи раннего металла» (7; 17). Этот обширный пласт, объединяющий субкультурно различные комплексы развитого, позднего, завершающего этапов по периодизации В.В. Никитина, маркируется наличием металлообработки, появлением инородной балановско-атликасинской и абашевской керамики, кремневых треугольно-черешковых т. н. «сейминских» наконечников стрел. Позволим ряд замечаний. Принадлежность поздних волосовских древностей к эпохе раннего металла доказана А.Х. Халиковым еще в середине прошлого столетия (1). Многокомпонентные поселения типа Галанкиной горы, отнесенные А.Х. Халиковым и автором к периоду формирования чирковской культуры, нельзя считать собственно поздневолосовскими (1; 2, 8; 11). Начало контактов с носителями балановской культуры фиксируется лишь на памятниках позднего

этапа (18). Аргументы взаимодействия с абашевским населением на развитом этапе, по крайней мере, некорректны (11). «Сейминские» наконечники стрел отсутствуют в «чистых» волосовских коллекциях Марийского Поволжья (19, с. 21–31); касаясь ссылки на окское поселение Володары, приведем высказывание О.Н. Бадера: «… кремневых наконечников сейминского типа в Володарской стоянке нет, по крайней мере, среди опубликованных, а если и есть, то они единичны и вряд ли связаны с основным (волосовским – Б.С.) комплексом» (20, с. 32).

Абсолютные датировки немногочисленны. Вызывают сомнение ранние даты Сутырского V поселения: 4900–4880±80 ВР, 3950–3350 ВС; для сравнения приведем радиоуглеродные определения балановско-выжумского жилища Удельного Шумца VII: 3710±30 ВР, 2190–2030, 2200–2020 ВС и поздневолосовского горизонта верхневолжской стоянки Ивановское III: 3720±50 ВР, 2200–2030, 2290–1960 ВС (21).

Основой приспособленной к влажной фазе раннего суббореала присваивающей экономики волосовских коллективов являлся водный тип хозяйства (22). Очевидно, с наступлением засушливого ксеротермического периода они покинули возвышенное Предволжье и ушли в низменное южно-таежное Заволжье, более пригодное для интенсивного рыболовства. Подтверждением этой точки зрения служит близость керамики правобережных: Новая Деревня, Утюж I (23) и левобережных: Ахмылово II, Уржумка и др. (24; 25) поздних волосовских поселений, отсутствие на правом берегу Волги посуды «выжумского» типа (11).

2. *Атликасинская культура общности боевых топоров.*

Своеобразные атликасинские комплексы, долгое время считавшиеся продуктом эволюции балановских древностей (26), выделены в особую археологическую культуру П.М. Кожиным (27; 28). Автор поддержал правомерность этой концепции (11; 14).

В рассматриваемом регионе проявления культуры тяготеют к Нижнему Присурью и возвышенным районам Ветлужско-Вятского междуречья. Могильники представлены небольшими курганами с кремацией и ингумацией в мелких ямах и на погребенной почве: Атликасы, Раскильдино, Кумаккасы, Синцово, Верхние Ачаки, Саруй, Красный Октябрь I; поселениями и местонахождениями: Кубашево, Васильсурск II, нижний слой, Новоселово, Полянки II, Моргауши II, Малое Князь-Теняково и др. Керамика характеризуется небольшими уплощенно-сферическими емкостями и приземистыми круглодонными горшками с относительно высокой наклонной или вертикальной шейкой, заостренным отогнутым венчиком. Оригинальный зонально-геометрический орнамент включает штрихованные широкие зигзаги, крупные ромбы, квадраты, прямоугольники, равнобедренные и равносторонние треугольники, переменно-наклонные группы отрезков, прямые линии, короткие вертикальные и скошенные отрезки; расположенные в нижней части тулова разнообразные крестообразные ленты (рис. 2). Каменные изделия представлены кремневыми треугольно-черешковыми «сейминскими» наконечниками стрел, пластинчатыми ножами, плоскими клиновидными остроообушковыми и сверленными короткообушковыми топорами, шаровидной булавой.

Лесостепное происхождение атликасинских популяций, вероятно, проникших в лесную зону Среднего Поволжья с юга или юго-запада, подтверждают курганный погребальный обряд и находки миниатюрных моделей сплошных колес со ступицей (11; 29; 30; 31). П.М. Кожин справедливо исключил эти древности из круга восточноевропейских «амфорных» и «шнуровых» культур общности боевых топоров (27; 28). С.В. Большов предполагает культурогенетическую близость с катакомбными племенами (7); несмотря на то, что Д.А. Крайнов (32) убедительно обосновал неправомерность точки зрения (33) о катакомбных истоках культур боевых топоров. Гипотеза В.В. Ставицкого о формировании атликасинского населения в Среднем Поочье и районах, расположенных к западу и северо-западу от него (34), не снимает проблемы происхождения и требует объяснения отсутствия на этих территориях могильников и долговременных поселений атликасинского типа.

Несколько слов о хронологии. Стратиграфия свидетельствует о более раннем возрасте по отношению к ошпандинско-хуласючским комплексам балановской культуры (35). Известны две радиоуглеродные даты могильников с атликасинскими проявлениями: Ново-Сюрбеевский – 3985±40 BP, 2570–2465, 2620–2340 BC; Волосово-Даниловский – 3650±80 BP, 2140–1920, 2300–1750 BC (21).

3. *Балановская культура общности боевых топоров.*

Правомерность выделения О.Н. Бадером балановской культуры (36; 37) остается предметом дискуссий; некоторые исследователи отрицают ее самостоятельность, рассматривая в рамках «средневолжского варианта фатьяновской культуры», «фатьяновской историко-культурной общности» или «единой культурной общности фатьяновско-балановских племен» (32; 38; 39).

Неоднозначными выглядят мнения об истоках балановского населения. Отмечается генетическая связь с ямно-катакомбными племенами; в качестве отправного пункта миграции рассматриваются южнорусские степи, Западное Причерноморье, Предкарпатье, Верхнее Поволжье (32; 37; 40; 41).

Особо выделим концепцию П.М. Кожина, считающего, что собственно балановская культура возникла на Средней Волге при взаимодействии древнего «протофатьяновского» субстрата и носителей особой атликасинской культуры. Истоки «протофатьяновского» комплекса он связывает с ареалом «амфорных» сообществ, включавшим украинские лесостепные области, граничившие с территорией трипольской культуры (28, 29).

Давно выглядит анахронизмом разработанная О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым периодизация, включающая балановский – XIX–XV вв. до н. э., атликасинский – XV–XIV вв. до н. э., ошпандинский – XIV–XII вв. до н. э., хуласючский – XI–IX вв. до н. э. этапы (26). Так, П.Ф. Кузнецов относит балановско-фатьяновскую общность к позднему этапу среднего бронзового века – XXV–XXII вв. до н.э. (42). Ее радиоуглеродные калиброванные датировки охватывают XXVI–XVIII вв. до н. э. (21).

Автор рассматривает данную проблему следующим образом (11, 13). Бала-

новская культура, существовавшая в последней четверти III – первой четверти II тыс. до н. э., сложилась на Средней Волге в результате взаимодействия двух групп мигрантов – представителей общности боевых топоров. Первый субстрат, близкий верхневолжскому «фатьяновскому», характеризуют крупные амфорные сосуды (рис. 3, *3*), грунтовые могильники: Козловский, Павлушатский (рис. 3, *2, 4*), первая группа погребений Балановo, глубокие обширные склепы, дифференцированные по половому признаку скорченные захоронения, отсутствие применения огня в погребальных ритуалах. Оригинальность второй – атликасинской группировки отмечена выше. Интенсивные интеграционные процессы между ними иллюстрируют синкретические комплексы курганных: Чурачикский, Аблязовский и грунтовых: Балановский, Ново-Сюрбеевский I, Таутовский I могильников (рис. 3, *1, 5*). Формирование балановской культуры завершилось появлением многочисленных памятников ошпандинско-хуласючского типа. Особенно четко смешанные черты проявляется в керамике, сочетающей «раннебалановские» и атликасинские признаки (рис. 3, *6, 7*). Курганный погребальный обряд демонстрирует доминирование атликасинских культурных традиций.

4. *Чирковская культура.*

А.Х. Халиков, выделивший чирковскую (чирковско-сейминскую) культуру, рассматривал ее как крупное этнокультурное образование, сформировавшееся на балановско-волосовской основе при участии западносибирского кротовского населения. Наряду с многочисленными поселениями в нее были включены европейские могильники сейминско-турбинского типа. Периодизация, состоящая из четырех этапов: галанкиногорского -- XVI–XV вв. до н. э., сеймино-кубашевского – XV–XIV вв. до н. э., юринского – XIII--XII вв. до н. э., чирковского – XI–IX вв. до н. э., была привязана к схеме развития балановской культуры (1, 2, 43).

Концепция А.Х. Халикова дополнена и уточнена автором (11). Ареал ограничен югом лесной полосы Среднего Поволжья, отмечено отсутствие прямой связи чирковских поселений с сейминско-турбинскими могильниками. Предложены новая хронология (первая половина II тыс. до н. э.) и периодизация, включающая симбиозный, синкретический, поздний этапы. Гибридная керамика позднего этапа свидетельствует о сложении органически единой культуры (рис. 4). Как мне представляется в настоящее время, наиболее реальна датировка концом III – первой третью II тыс. до н. э. Материалы подробно опубликованы и проанализированы (1; 2; 11; 44; 45; 46).

Практически всеми исследователями чирковская культура принимается как реальный культурно-исторический субъект, только С.В. Большов считает ее инструментом исследования. Приведем цитату из его монографии: «Есть веские основания утверждать, что памятники с чирковскими материалами отражают лишь процесс взаимодействия племен различных культурных традиций в лесной зоне Среднего Поволжья. В результате этих контактов появляется гибридная керамика, включавшая в себя черты посуды этих культур, что, прежде всего, фиксируется в

орнаментации и формах сосудов. Позднее в эти процессы включаются сейминско-турбинские племена, с которыми, вероятно, связываются комплексы керамики с валиком и «змейкой», но завершения эти процессы в образовании новой культуры не получили» (7, с. 118).

Кратко прокомментируем эти «веские» основания. Наиболее полно своеобразие чирковских древностей отражает довольно часто применяющийся в археологической науке термин «синкретическая культура». Зауральские аналогии гибридной посуде с «пышным» орнаментом и «змейкой», по мнению исследователя, составляющей единый культурный комплекс с западносибирской «валиковой» керамикой (7, с. 115), неизвестны; представление С.В. Большова о чирковских керамических комплексах отражает иллюстрация «Абашевская керамика Юринской стоянки», где размещены типичные чирковские сосуды (7, рис. 27). Недоумение вызывает тезис об отсутствии поселений с «чистым» чирковским материалом (7, с. 114–115), закономерен вопрос: почему к ним нельзя относить Чирковскую стоянку, Макарьевское, Носельское поселения, содержащие единичные фрагменты волосовских, абашевских, ошпандинско-хуласючских сосудов? Отрицанию наличия у чирковского населения каких-то только для них характерных жилых построек, да и вообще каких-либо объектов (7, с. 116), противоречит широко известный жертвенник Чирковской стоянки (1); кстати, недавно А.В. Михеевым на Носельском поселении изучены наземные изолированные жилища (46).

5. *Средневолжская абашевская культура.*

Данная культура, входящая в обширную преимущественно лесостепную абашевскую культурно-историческую общность, известна с двадцатых годов прошлого столетия и является одним из наиболее исследованных образований эпохи бронзы Среднего Поволжья. Раскопано большое количество курганных могильников, поселения неизвестны. Подробно изучен погребальный обряд, вещевой материал. Выделено своеобразие керамических комплексов (рис. 5). Исчерпывающая характеристика средневолжских абашевских древностей в специальных работах С.В. Большова (7, 47) избавляет нас от излишней тавтологии. Кратко рассмотрим лишь аспекты, касающиеся интересующей нас проблемы.

В настоящее время, несмотря на недостаточную разработанность хронологии, большинство современных исследователей относит средневолжские абашевские памятники к среднему бронзовому веку, соответствующему концу досейминского – началу сейминского хронологических горизонтов. Единственную, довольно древнюю радиоуглеродную дату Пепкинского кургана: 3850±95 BP, 2470–2190, 2600–2000 BC (48) трудно использовать для абсолютно строгих заключений.

Достоверные данные об участии абашевцев в культурогенетических процессах, происходивших на юге лесного Поволжья, отсутствуют. Налицо преобладание конфронтационных теорий. Так, А.Х. Халиков, анализируя материалы Пепкинского кургана, пришел к выводу о враждебном характере взаимоотношений с балановским и чирковским населением (49). С.В. Большов и П.Ф Кузнецов считают «братскую» воинскую могилу Пепкинского кургана результатом столкновения абашев-

цев с носителями сейминско-турбинских культурных традиций (7, 50)*. Наибольшее развитие идея абашевско-сейминско-турбинского противостояния получила в работах С.В. Большова. По его мнению, часть средневолжских абашевцев была уничтожена или насильственно включена в сейминско-турбинские группировки, а оставшееся население, спасаясь от преследования, мигрировало в Волго-Вятское междуречье и Верхнее Поволжье (7).

6. *Сейминско-турбинский феномен.*

Долгое время оригинальные сейминско-турбинские древности рассматривались в рамках автохтонных теорий, базировавшихся на привязках, имеющих сибирские корни сейминско-турбинских металлических изделий, к кремневому инвентарю и керамике местных племен. Наиболее четко данную точку зрения сформулировали О.А. Кривцова-Гракова: «Сейма отражает в себе бронзу Восточной Европы, распространенную на огромном пространстве в разных культурах» (51) и О.Н. Бадер: «... следует искать целый ряд локальных культур, родственных по происхождению или историческим судьбам; их родственность и объясняла распространение сейминско-турбинских бронз» (52).

Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отошли от традиционной культурологической модели (53). Созданная ими принципиально новая концепция сейминско-турбинского транскультурного феномена базируется на идее стремительной западной миграции смешанных популяций, субстратную основу которых составляли металлурги-коневоды горно-предгорного Алтая и охотники-рыболовы таежной зоны Прибайкалья, Приангарья, Восточных Саян, Среднего Енисея. Их движение включало фазы быстрого передвижения и стабильного обитания. Предполагается, что вблизи Уральских гор единый массив разделился: северная группировка проникла через западносибирскую тайгу, Средний или Северный Урал в бассейн р. Печоры; центральная, пройдя лесостепное Приуралье, заняла Среднее Прикамье; южная, остановившись вблизи камского устья, пошла на запад вдоль Волги и Оки, достигнув северо-запада европейской России, Восточной Прибалтики, Южной Финляндии.

Мнению С.В. Большова о продвижении сейминско-турбинских группировок в лесостепное Самарское Поволжье (7) противоречит отсутствие ниже устья Камы характерных сейминско-турбинских изделий: кельтов, пластинчатых ножей, наконечников копий с вильчатым стержнем (15).

С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук полагают, что феномен был обусловлен не столько передвижением «металлургов-коневодов» из глубинных районов Сибири,

---

* Основой этой точки зрения служит спорная посылка о сейминско-турбинской принадлежности наконечников «сейминского» типа из средневолжских абашевских захоронений с признаками насильственной смерти. Такие наконечники, считающиеся так же чирковскими, сейминско-турбинскими заимствованиями от абашевцев, встречены всего в двух сейминско-турбинских комплексах. При этом два экземпляра из Турбинского могильника (всего учтено 189 наконечников стрел) справедливо связываются с абашевским компонентом, а коллекцию Сейминской дюны нельзя использовать для абсолютных заключений (15).

сколько сложными социальными и демографическими процессами, протекавшими на территории андроновской культурной общности (54). В.В. Ткачев предполагает лишь сложение вблизи Южного Урала культурного синкретического явления, оформившегося за счет наложения на местную среду, при непрерывных контактах с исходным районом миграции (55).

Сейминско-турбинские древности региона, представленные случайными находками медно-бронзовых изделий, условными (Базяково III, Мурзиха I, Березовка-Омары, Красный Яр, Соколовка) и достоверными (Усть-Ветлуга) могильниками (рис. 6), подробно опубликованы (15; 53; 56).

Неоправданно широкую традиционную сейминско-турбинскую хронологию – XVII–VIII вв. до н. э. конкретизируют калиброванные радиоуглеродные даты Елунино 1, Сатыги XVI, Усть-Ветлуги – XXII–XVIII вв. до н. э., в целом соответствующие абсолютным датировкам – XXI–XVII вв. до н. э. южно-таежных, лесостепных, степных евразийских культур конца среднего – начала позднего бронзового века (57). Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых считают, что «на всю историю сейминско-турбинских народов вряд ли приходится более двух столетий» (53).

Очевиден синкретический облик сейминско-турбинских коллективов, включавших представителей различных евразийских сообществ. Среднекамские сейминско-турбинские группировки активно взаимодействовали с представителями южноуральского, волго-окские – средневолжского варианта абашевской культурно-исторической общности, нижнекамские – с раннесрубным (покровским) населением (53). Автор считает евразийский субстрат Усть-Ветлуги носителями покровских культурных традиций. Очевидно, именно с ним связано появление на юге лесного Поволжья литых наконечников с округло-ромбическим стержнем пера; массивнообушных втульчатых топоров; плоских тесел; ножей с перекрестьем-перехватом, прямой и закругленной пяткой. Не отрицая сейминско-абашевского взаимодействия, отметим, что вопрос о «чисто» абашевском, тем более средневолжском, компоненте Усть-Ветлуги остается открытым (15). Роль сейминско-турбинских племен в культурогенических процессах региона требует специального исследования.

7. Займищенский культурный тип.

Могильники и поселения этого типа (Новое Мордово II–IV, VI, Займище II, III, Криуши, Обсерватория III, Ошутьялы III, Пестрецы IV), занимающие устье Камы и прилегающее левобережье Волги (1; 2; 3; 11; 58, 59; 60), остаются наиболее загадочным культурным субъектом бронзового века Волго-Камья (12). А.Х. Халиковым они включены в первый этап приказанской культуры, (XVI–XV вв. до н.э.), сформировавшейся «на базе наиболее восточных групп волосовской культурной общности при определенном воздействии … покровско-абашевских племен (3). Вряд ли можно согласиться с близостью займищенской и поздневолосовской керамики (рис. 1, 7), но по-прежнему актуально мнение (61; 62) об их покровско-абашевской подоснове и принадлежности к покровско-синташтинскому этапу бронзового века Поволжья и Приуралья.

Автор статьи сопоставил керамику займищенского типа, характеризующуюся штрихованной поверхностью, примесью раковины, плоскодонными банками и горшками с желобчатыми шейками, орнаментом в виде горизонтальных прочерченных линий, скошенных отрезков, заштрихованных треугольников. рядов выпуклин (рис. 7), с абашевско-срубной (покровской) посудой (11). О лесостепном происхождении займищенских памятников свидетельствует курганный погребальный обряд (59).

Диапазон радиоуглеродных датировок ранних срубных (покровских) комплексов Поволжья составляет 1950–1660 ВР, 2050–1400 ВС (63). Приведем данные для относительной хронологии: высокие желобчатые шейки с внутренним ребром типичны для абашевских, хуласючских, чирковских сосудов; ряды выпуклин – для орнаментации хуласючской, ранней поздняковской, примокшанской керамики (11). Эти признаки позволяют отнести займищенские древности к началу сейминского хронологического горизонта.

На наш взгляд, этнокультурная ситуация на юге лесной зоны Среднего Поволжья в конце среднего – начале позднего бронзового века выглядела следующим образом. Прослеживаются две линии культурогенеза. Первая отражает формирование балановской культуры на основе взаимодействия родственных племен индоевропейской общности боевых топоров, вторая – появление синкретической чирковской культуры, сложившейся при участии местного (прафинского в этническом плане) поздневолосовского, балановско-атликасинского и зауральского елунинско-кротовского субстрата, связанного с носителями сейминско-турбинских культурных традиций. Спорным выглядит участие в этнокультурных процессах индоиранских абашевских группировок, поскольку большинство исследователей склоняются к мысли о враждебном характере их отношений с представителями атликасинской, балановской, чирковской культур, сейминско-турбинского феномена, включавшего лесостепное, в основном покровское население. Требует специального изучения проблема формирования оригинального займищенского культурного типа, возможно являющегося поздним дериватом лесостепных покровских древностей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭМК -- Археология и этнография Марийского края
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды МарАЭ. Т. I. – Йошкар-Ола, 1960.

2. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М., 1969.

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура. САИ. Вып. В1–24. – М., 1980.

4. *Халиков А.Х.* Переход от ранней (энеолит) к поздней (бронзовый век) стадии эпохи раннего металла в лесной полосе Восточной Европы // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. АЭМК. Вып. 19. – Йошкар-Ола, 1991.

5. *Третьяков В.П.* Финал волосовских древностей на Оке и Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Вып. 3. – Йошкар-Ола, 1978.

6. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края (середина III – начало II тысячелетия до н. э.). – Йошкар-Ола, 1991.

7. *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). – Йошкар-Ола, 2006.

8. *Соловьёв Б.С.* Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. АЭМК. Вып. 19. – Йошкар-Ола, 1991.

9. *Соловьёв Б.С.* К вопросу о соотношении культур эпохи ранней бронзы юга лесной полосы Волго-Уралья // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Материалы международной научной конференции, посвященной столетию П.Д. Степанова. – Саранск, 1998.

10. *Соловьёв Б.С.* Ранний бронзовый век лесной полосы Волго-Камья // Проблемы первобытной и средневековой археологии. Тезисы докладов Первых Халиковских чтений. – Казань, 1999.

11. *Соловьёв Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды МарАЭ. Т. VI. – Йошкар-Ола, 2000.

12. *Соловьёв Б.С.* Сейминско-турбинское время на юге лесного Поволжья // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 2004.

13. *Соловьёв Б.С.* Основные тенденции культурогенеза в эпоху раннего металла в лесной полосе Волго-Камья (этнический аспект) // Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа. АЭМК. Вып. 29. – Йошкар-Ола, 2007.

14. *Соловьёв Б.С.* К вопросу об атликасинской культуре // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения). – Йошкар-Ола, 2007.

15. *Соловьёв Б.С.* Культурные компоненты Усть-Ветлужского могильника // Поволжская археология. 2013, №2.

16. *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края. Труды МарАЭ. Т. IV. – Йошкар-Ола, 1996.

17. *Никитин В.В., Большов С.В.* Типолого-хронологический горизонт волосовских поселений эпохи раннего металла // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара, 2006.

18. *Соловьёв Б.С.* Хронологические рамки балановской культуры в Волго-Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 30. – Йошкар-Ола, 2007.

19. *Никитин В.В.* Основные типы каменных орудий волосовского населения Средней Волги // Древности Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 13. – Йошкар-Ола, 1987.

20. *Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М., 1970.

21. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. – М., 2011.

22. *Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы). Труды МарАЭ. Том VII. – Йошкар-Ола, 2002.

23. *Березина Н.С.* Исследования стоянки Новая деревня в Цивильском районе Чувашской Республики в 2005 году // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Книга 2. – Чебоксары, 2009.

24. *Архипов Г.А., Никитин В.В.* Уржумкинское поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1977.

25. *Никитин В.В.* Ахмыловское II поселение // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1977.

26. *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры. САИ. В1–25. – М., 1976.

27. *Кожин П.М.* О происхождении фатьяновской культуры. АДКИН. – М., 1967.

28. *Кожин П.М.* Атликасинская культура в свете исследований балановской культуры О.Н. Бадером и А.Х. Халиковым // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004.

29. *Кожин П.М.* О глиняных моделях колес из Балановского могильника // СА. 1966. №3.

30. *Челяпов В.П.* Инякинское III поселение // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 6. – Рязань, 1997.

31. *Гришаков В.В.* Поселение Широмасово 1 и проблема происхождения фатьяноидных древностей // Королев, Ставицкий. Примокшанье в эпоху раннего металла. – Пенза. 2006.

32. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. – М., 1972.

33. *Брюсов А.Я.* Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. // СА. 1961, №3.

34. *Ставицкий В.В.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья. – Пенза, 2005.

35. *Халиков А.Х., Халикова Е.А.* Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. №110. – М.–Л., 1963.

36. *Бадер О.Н.* К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950, №1

37. *Бадер О.Н.* Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. – М., 1963.

38. *Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа. САИ. Вып. В1–21. – М., 1976.

39. *Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. – М., 1996.

40. *Брюсов А.Я.* Восточная Европа в III тыс. до н. э. // СА. 1965, №2.

41. *Кривцова-Гракова О.С.* Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. Вып XVI. – М., 1947.

42. *Кузнецов П.Ф.* Основные этапы раннего и среднего бронзовых веков Волго-Уралья во взаимосвязи с процессами культурогенеза Восточной Европы // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. – Уфа, 2010.

43. *Халиков А.Х.* Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.

44. *Патрушев В.С.* Памятники волосовской культуры у пос. Юрино и с. Кокшайск // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Вып. 3. – Йошкар-Ола, 1978.

45. *Никитин В.В., Соловьёв Б.С.* Юринская стоянка (по раскопкам 1999, 2000 гг.) // Проблемы древней и средневековой археологии окского бассейна. – Рязань, 2003.

46. *Михеев А.В., Соловьёв Б.С.* Носельское поселение (раскопки 2008 г.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 6. – Йошкар-Ола, 2012.

47. *Большов С.В.* Средневолжская абашевская культура (по материалам могильников). Труды МарАЭ. Т. VIII. – Йошкар-Ола, 2003.

48. *Кузнецов П.Ф.* К вопросу о хронологии абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. – Чебоксары, 2003.

49. *Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М.* Пепкинский курган. Труды МарАЭ. Т. III. – Йошкар-Ола, 1966.

50. *Кузнецов П.Ф.* Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической общности бронзового века Европы // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Вып. 2. – Самара, 2004.

51. *Кривцова-Гракова О.А.* Бессарабский клад // Памятники культуры. Труды ГИМ. Вып. 1. – М., 1949.

52. *Бадер О.Н.* Новый могильник сейминского типа на Оке и вопрос о связи могильников с поселениями // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1976.

53. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии. – М., 1989.

54. *Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* «Переселение народов» в археологии Среднего Приуралья // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (8). – Пермь, 2007.

55. *Ткачёв В.В.* Сейминско-турбинский феномен и культурогенез позднего бронзового века в Урало-Казахстанских степях // Уфимский археологический сборник. Вып. 3. – Уфа, 2001.

56. *Соловьёв Б.С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005, №4.

57. *Соловьёв Б.С.* Сейминско-турбинская проблема // Научный Татарстан. 2009, №2.

58. *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Поселения эпохи бронзы в Приказанском Поволжье по раскопкам 1951–1953 гг. // МИА. № 43. – М., 1954.

59. *Халиков А.Х.* Ново-Мордовские курганы. МИА. №130. – М., 1965.

60. *Лыганов А.В., Галимова М.Ш., Бугров Д.Г., Аськеев И.В., Мельников Л.В., Хисяметдинова А.А.* Предварительные результаты комплексного изучения нового памятника эпохи раннего металла Казанского Поволжья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации. – Пермь, 2012.

61. *Халиков А.Х.* Покровско-абашевский этап эпохи бронзы Поволжья и Приуралья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья (неолит и бронзовый век). – Куйбышев, 1976.

62. *Халиков А.Х.* Поволжье в покровское время // Археология восточноевропеской степи. Вып. 1. – Саратов, 1989.

63. *Епимахов А.В.* «Горизонт колесничных культур» бронзового века: оценка эвристических возможностей // Известия Челябинского научного центра. Вып. 1 (39). – Челябинск, 2008.

64. *Соловьёв Б.С., Михайлов Е.П.* Новосюрбеевский I могильник – новый памятник балановской культуры в Чувашии // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары, 2003.

65. *Никитин В.В., Соловьёв Б.С.* Атлас археологических памятников Марийской АССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. – Йошкар-Ола, 1990.

Boris Solovyev

ETHNIC AND CULTURAL PROCESS ON THE SOUTH OF FOREST VOLGA REGION IN THE END OF MIDDLE AND BEGINNING OF LATE BRONZE AGE

The article is devoted to the ethnic and cultural processes in the south of the forest Volga region during the «Great Migration» of the late Middle – early Late Bronze Age. A range of communities of time is outlined, including the media late volosovskiy, balanovsko-atlikasinskiy, chirkovskiy, abashevskiy, seiminsko-turbinskiy, pokrovskiy, zaymischenskiy cultural traditions. According to the author two lines of cultural genesis is characterized for the region. The first reflects the formation of balanovskaya culture based on the interaction of kindred tribes of Indo-European community of battle-axes, and the second – the emergence of a syncretic culture of chirkovskiy, formed with the participation of late volosovskiy, Balanovsky-atlikasinskiy, the substrate with the Trans-Ural «the roll» ceramics. It emphasizes the point of view of the invalidity of the lack of cultural genesis in the study area in the Middle Bronze Age.

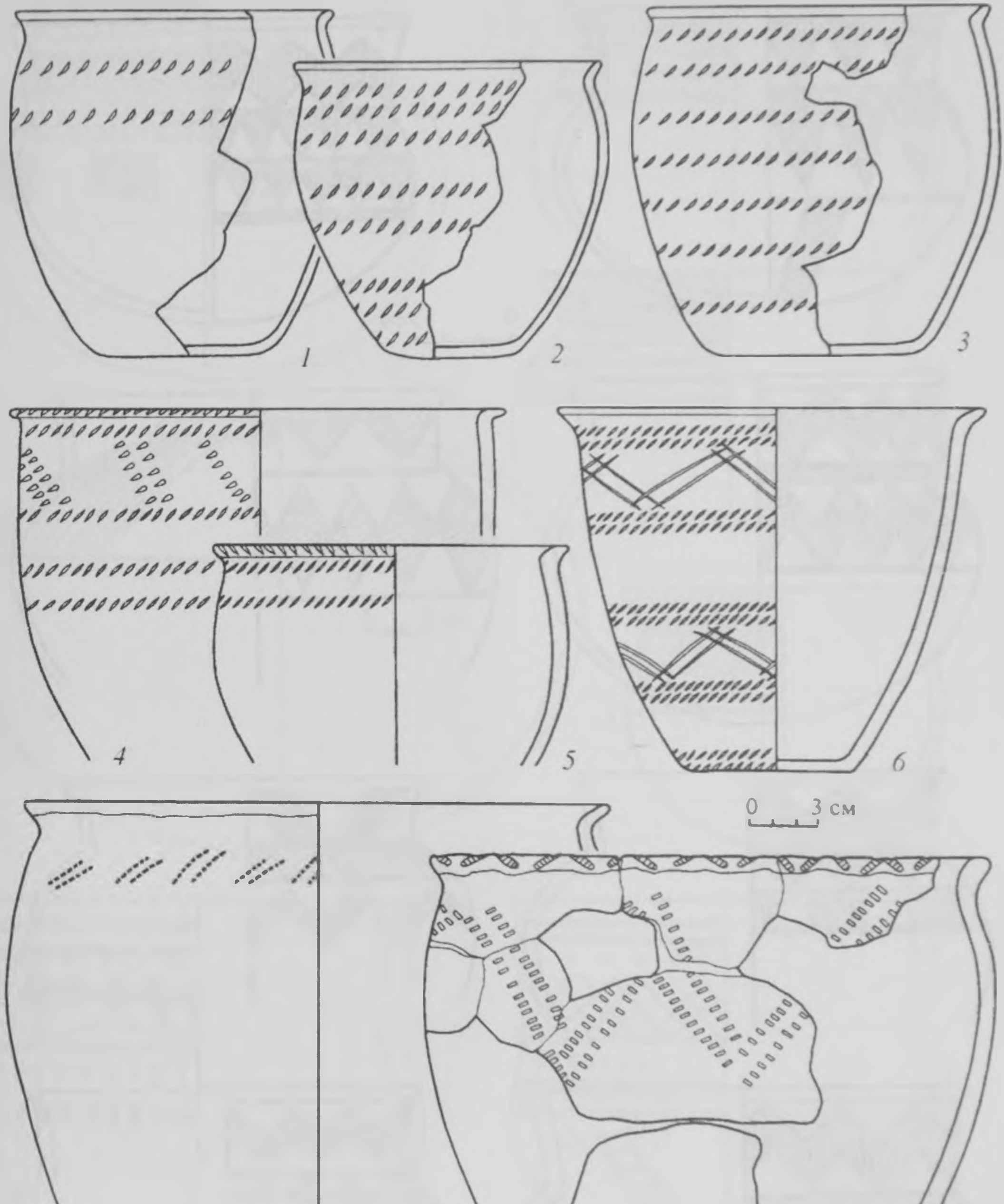

Рис. 1. Керамика «выжумского» типа позднего этапа волосовской культуры (по Б.С. Соловьёву, 2000)

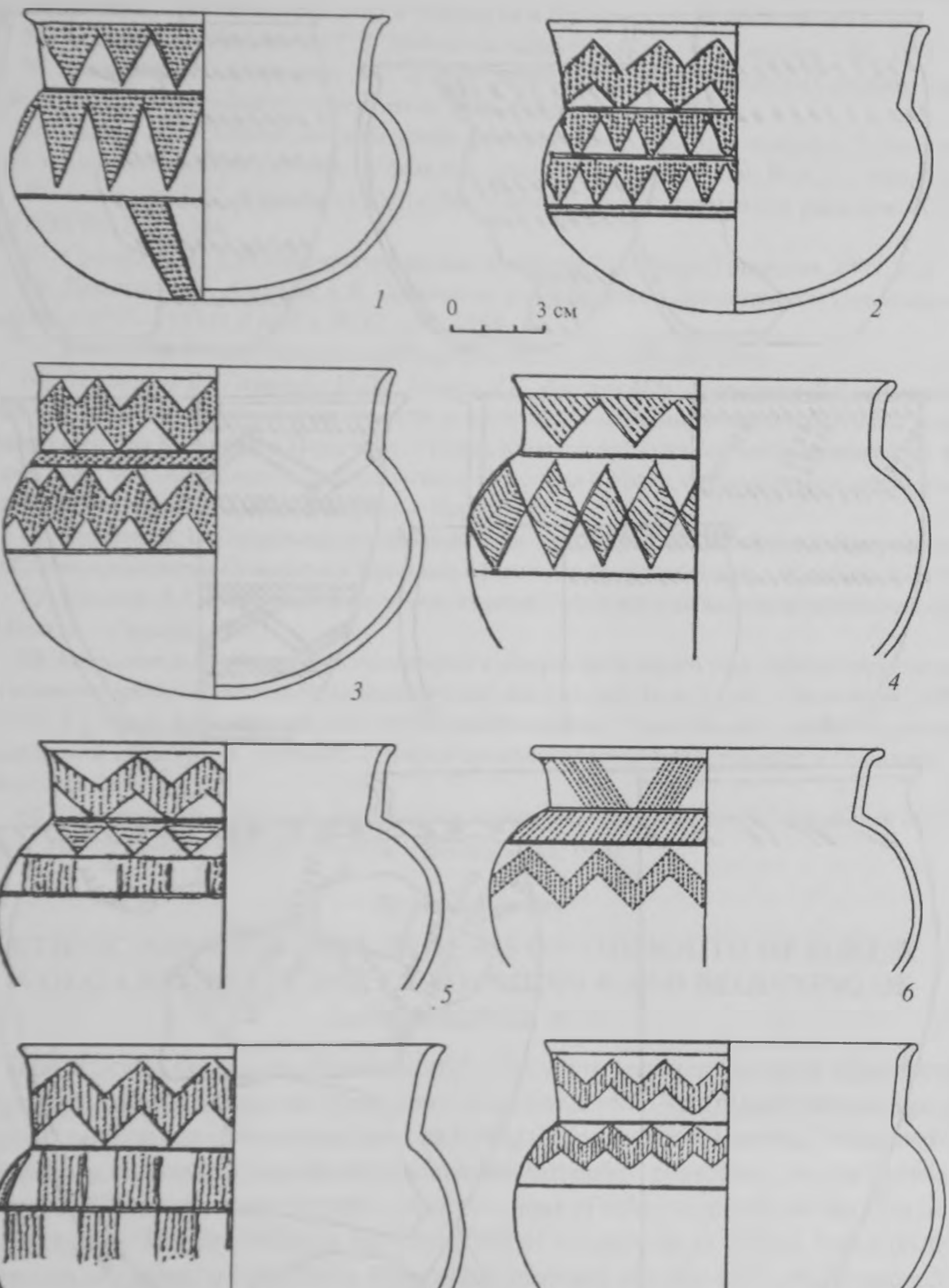

Рис. 2. Керамика атликасинской культуры
(по Б.С. Соловьёву, 2007)

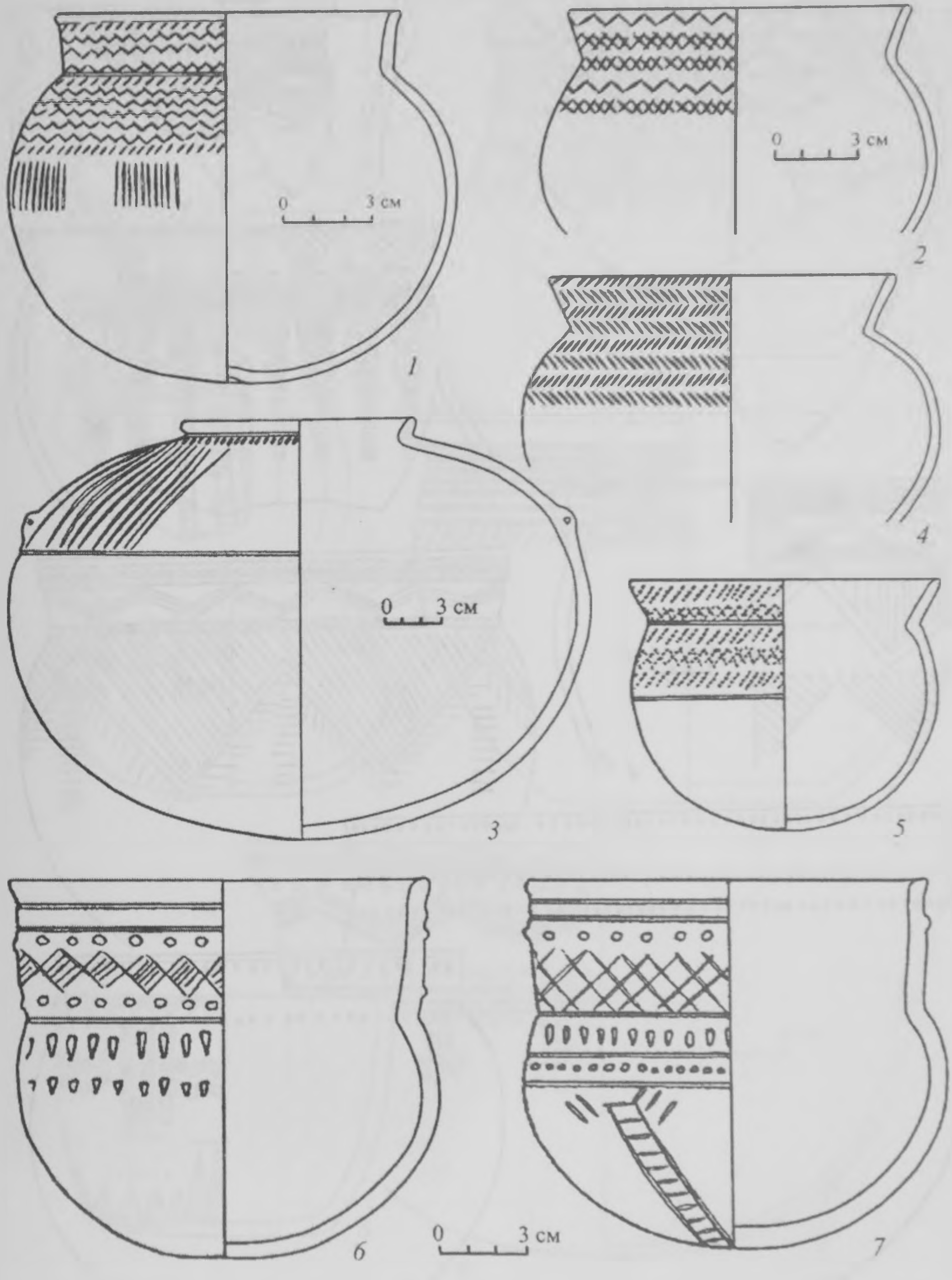

Рис. 3. Керамика балановской культуры (*1, 2, 4, 6, 7* – по О.Н. Бадеру, А.Х. Халикову, 1976; *3, 5* – по Б.С. Соловьёву, Е.П. Михайлову, 2003)

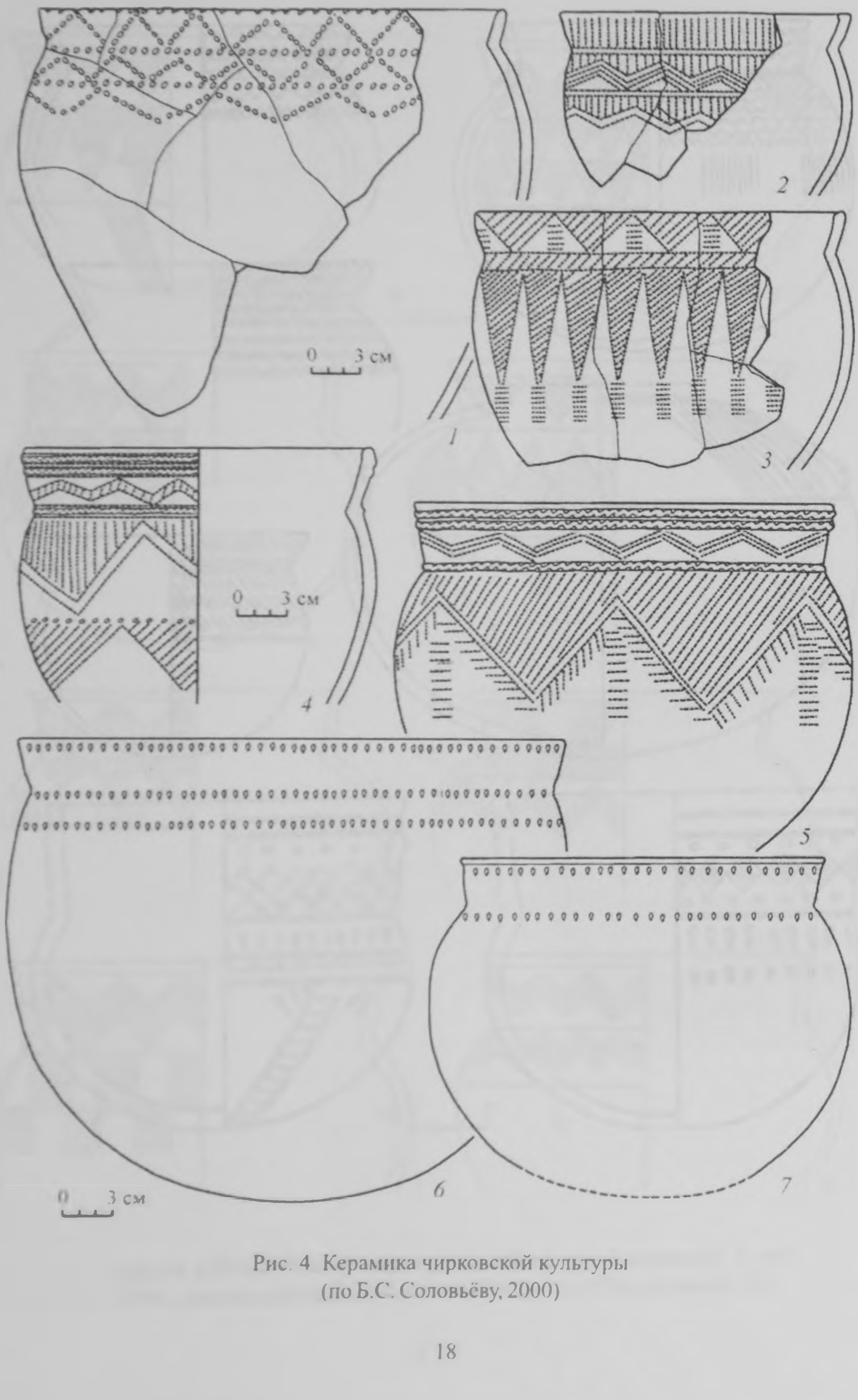
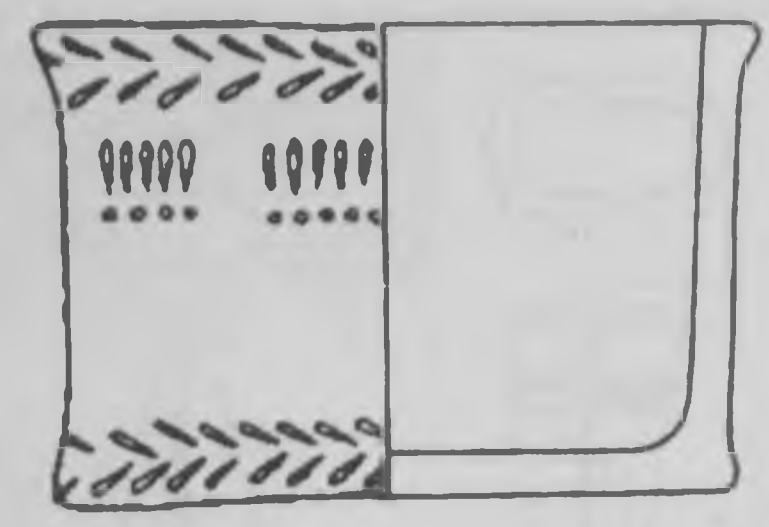
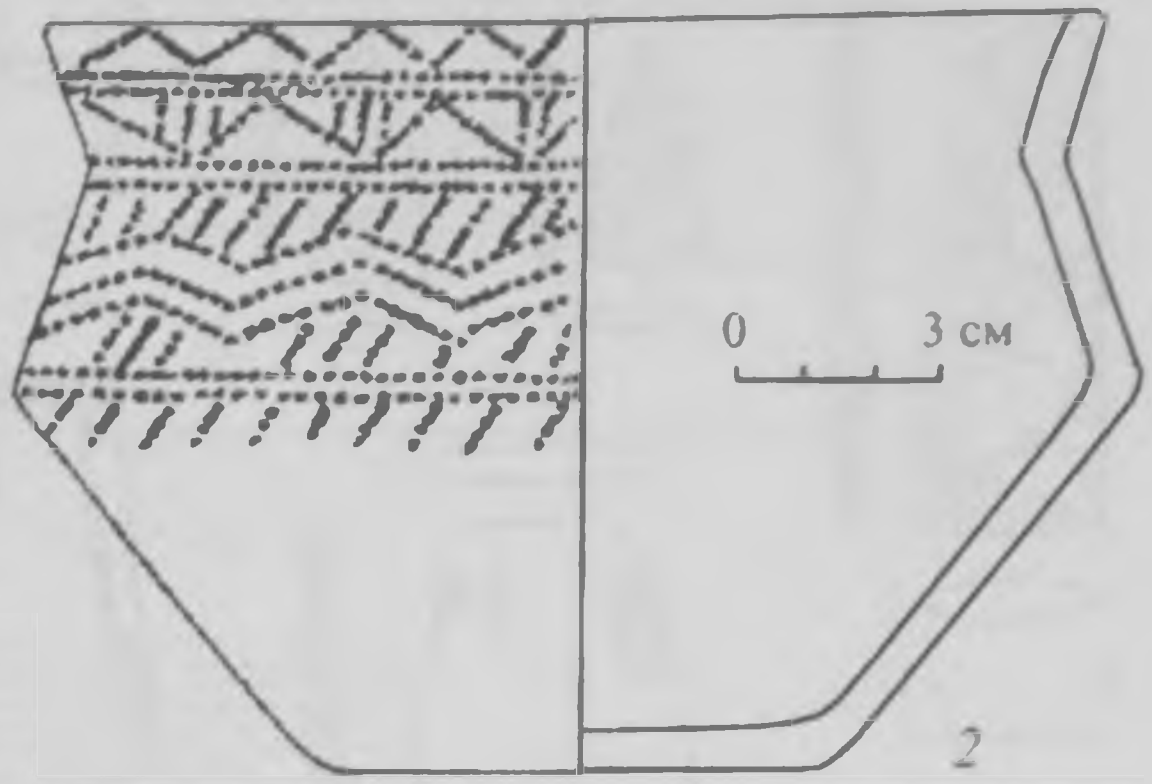

Рис. 4 Керамика чирковской культуры
(по Б.С. Соловьёву, 2000)

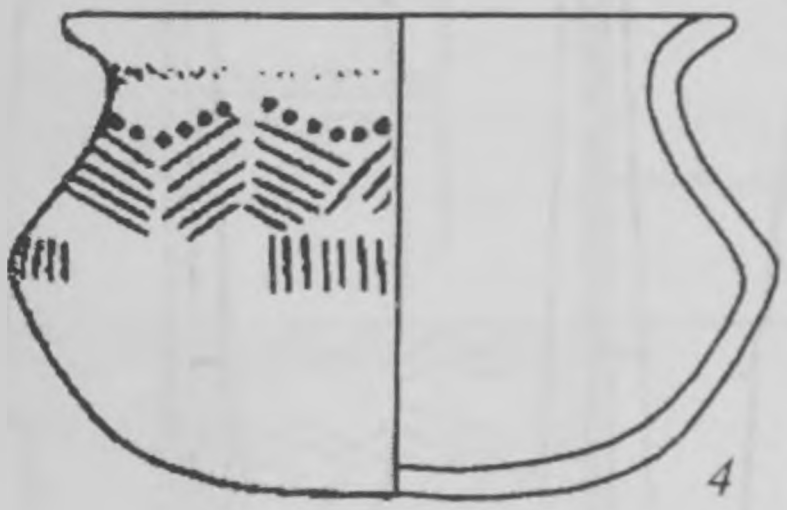
1

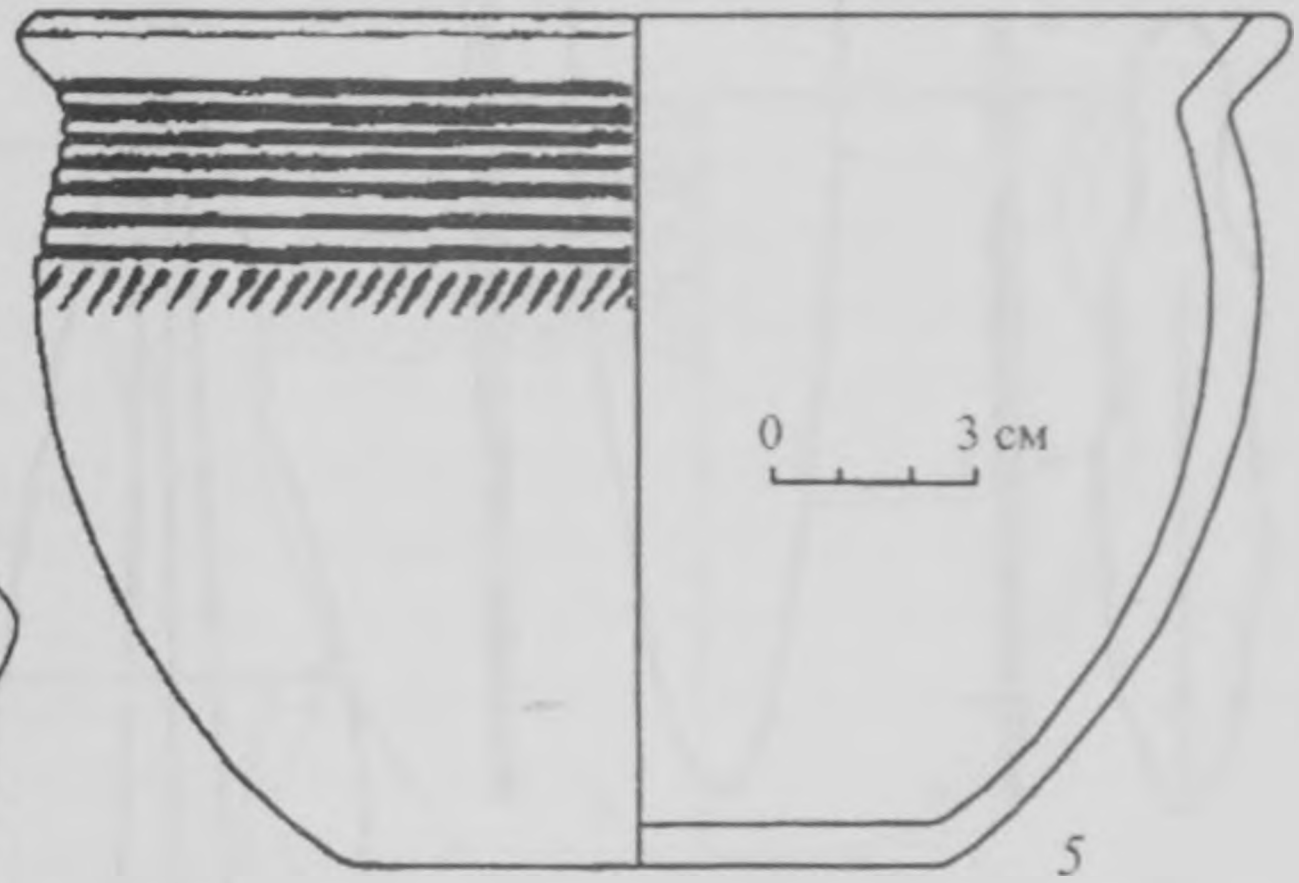
2

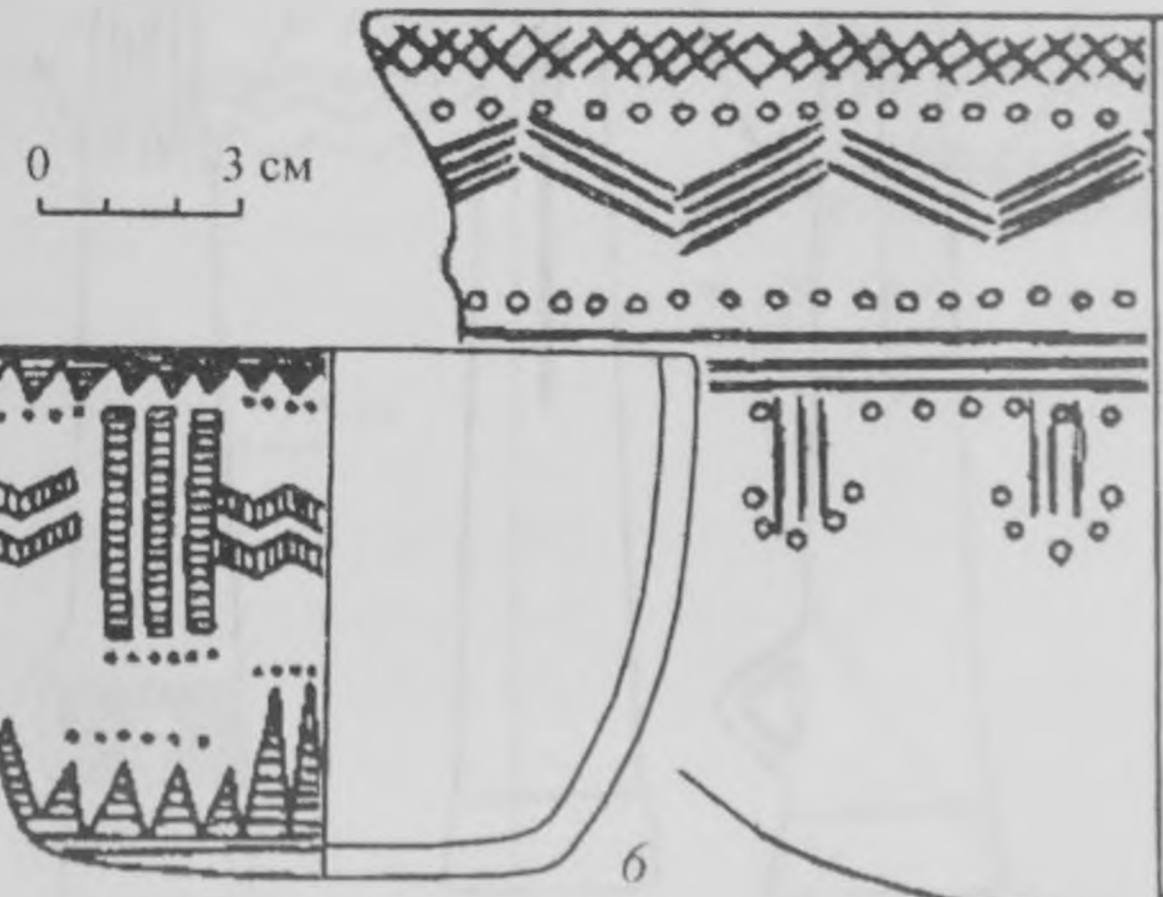
3

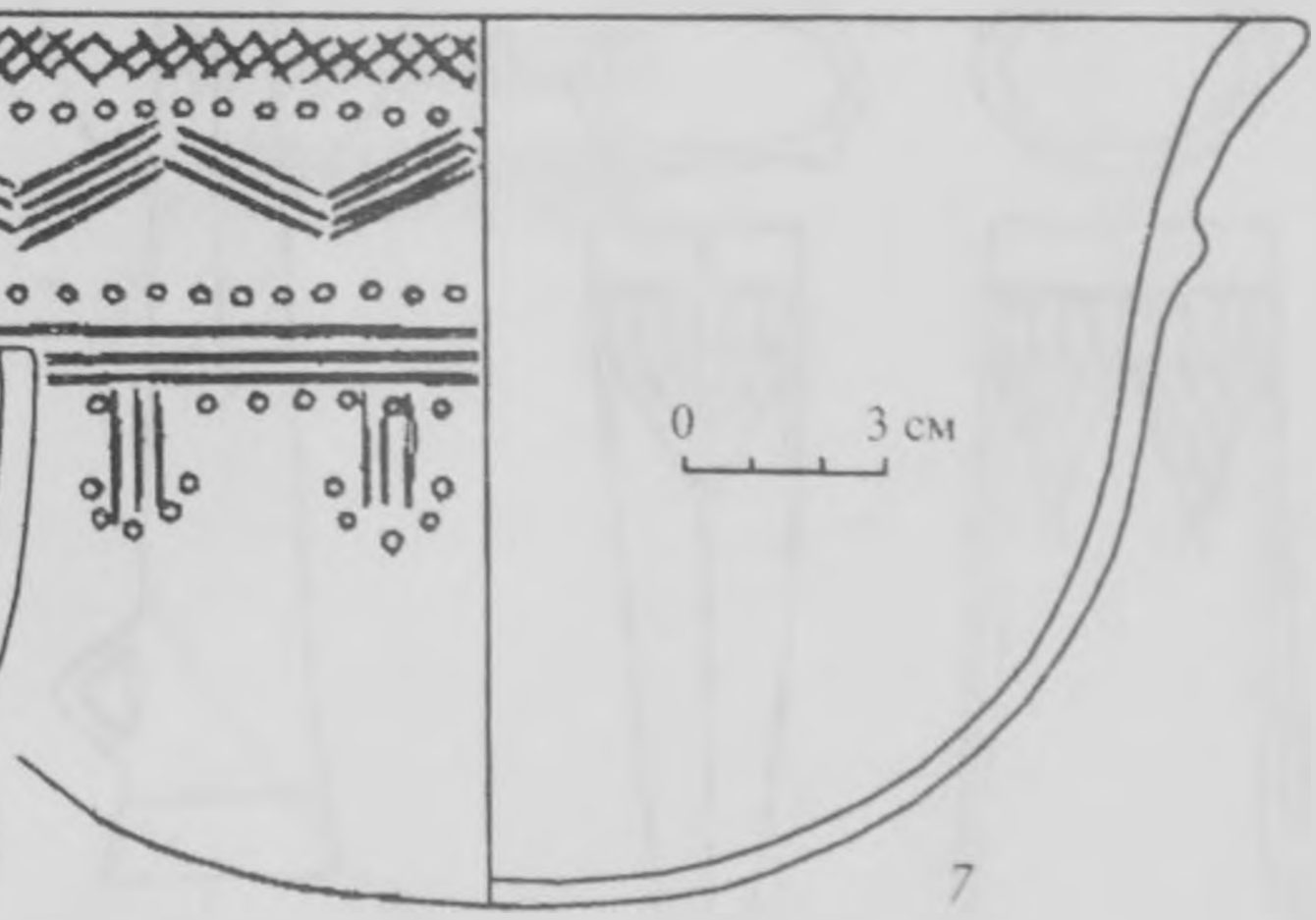
4

5

6

7

Рис. 5. Керамика средневолжской абашевской культуры
(*1, 2, 5* – по С.В. Большову, 2003; *3, 4, 6, 7* – по В.В. Никитину и Б.С. Соловьёву, 1990)

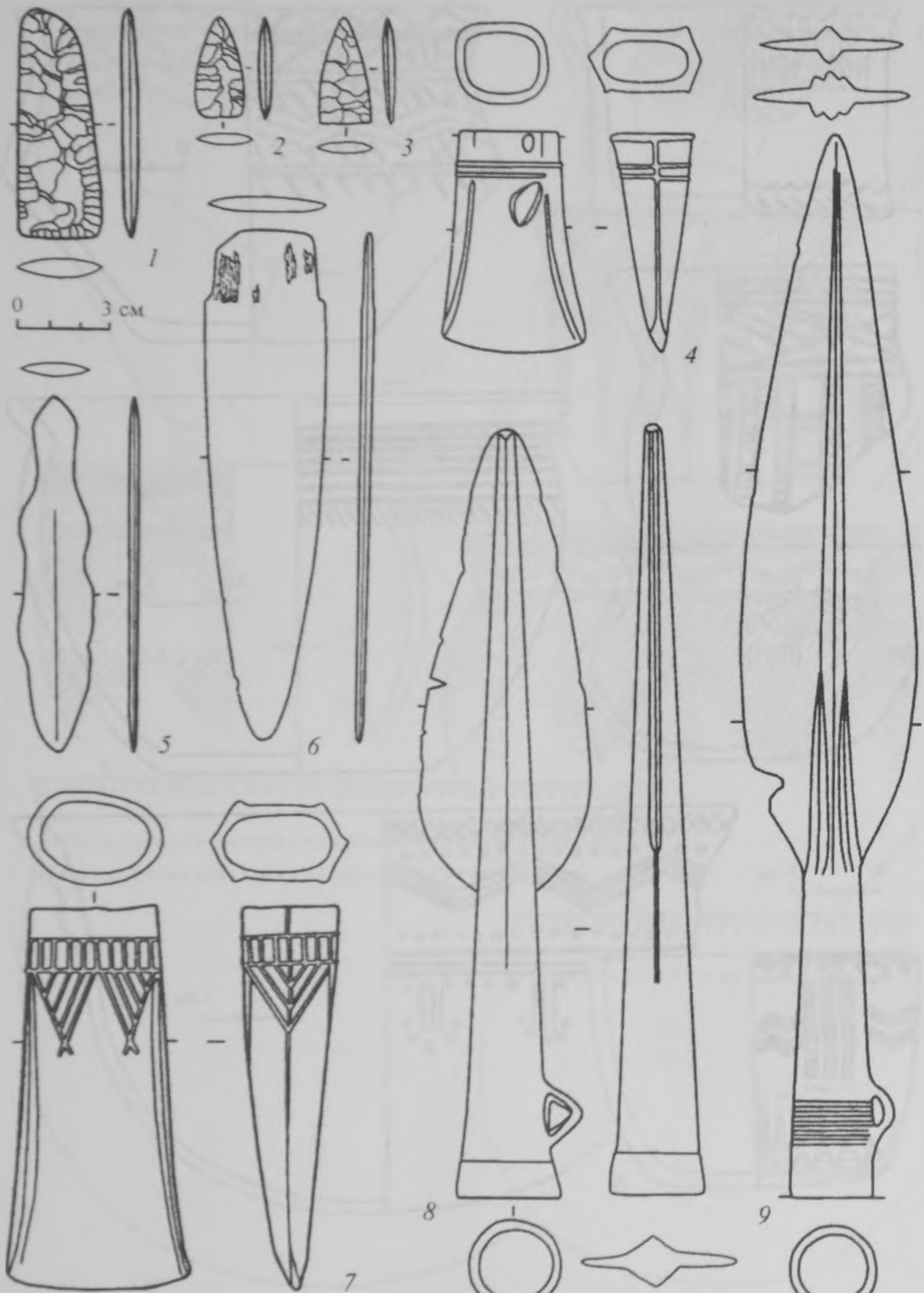

Рис. 6. Сейминско-турбинский феномен, медно-бронзовые и кремневые изделия (*1–8* – по Б.С. Соловьёву, 2013; *9* – по Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, 1989)

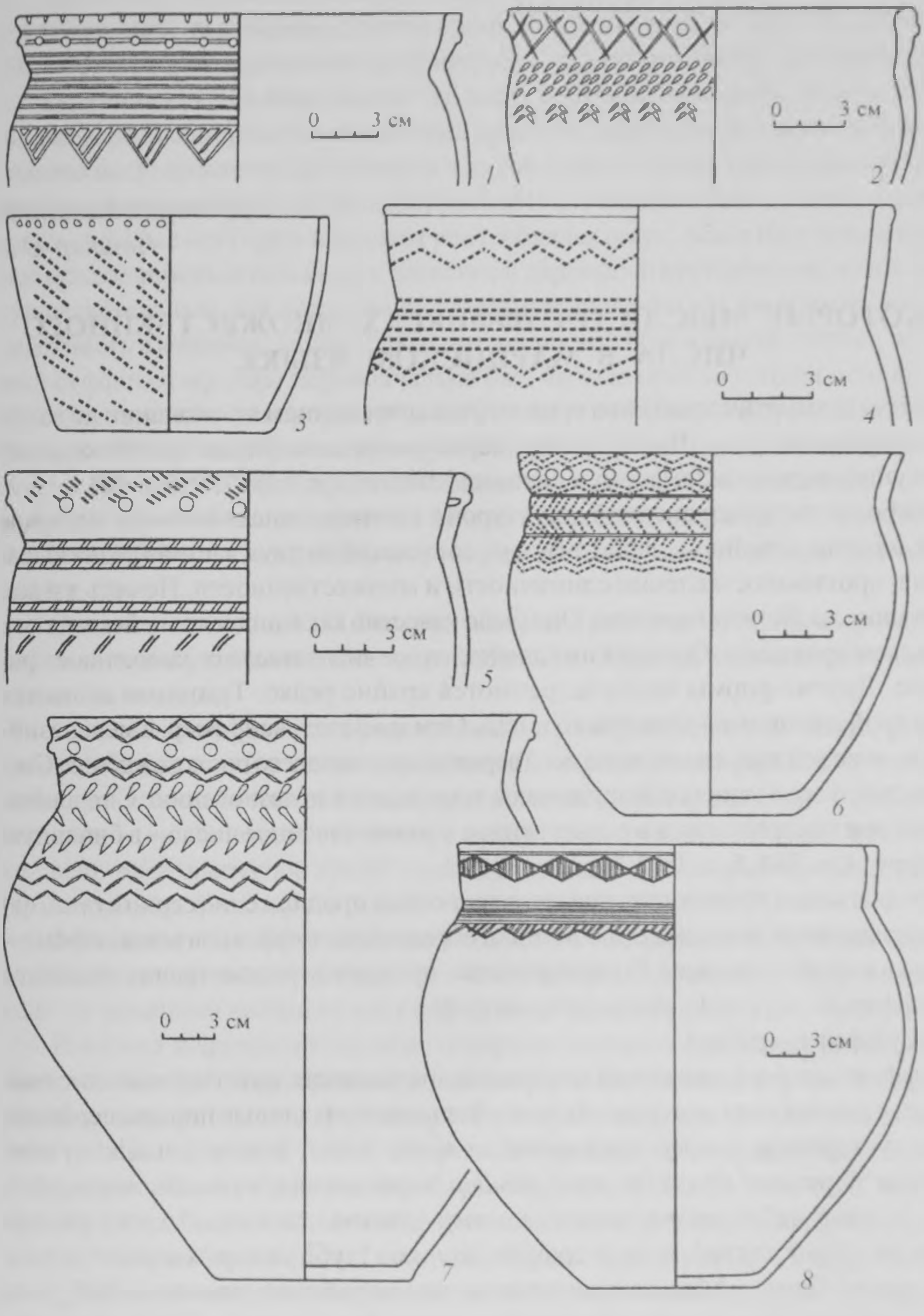

Рис. 7. Керамика займищенского типа
(*1–7* – по А.Х. Халикову, 1980; *8* – по А.В.Лыганову, М.Ш. Галимовой и др., 2012)

Дмитрий Казанцев
Йошкар-Ола

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О СУФФИКСАХ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статус грамматической категории числа в современном языкознании до конца еще не определен (1, с. 20–21). Но некоторые языковеды безоговорочно относят число существительных к формам словоизменения (2, с. 138–139; 6, с. 45).

Наиболее распространенной структурой в категории числа является бинарная (от лат. *binarius* «двойной, двойственный, состоящий из двух частей»). Она выражается в противопоставлении единичности и множественности. Но есть языки, содержащие двойственное число. Оно было известно как в индоевропейском, так и в уральском праязыках. Однако в них двойственное число имело ограниченное применение. Другие формы числа встречаются крайне редко. Таковыми являются формы тройственного и четверного числа. Они имеются, например, в меланезийских и полинезийских языках и, по всей вероятности, позднего происхождения. Специфические формы числа обнаруживают тенденцию к исчезновению. С течением времени они превращаются в единственное и множественное число – в бинарную структуру (4, с. 584; 5, с. 253).

Предлагаемая публикация представляет собой продолжение серии статей автора, посвященных исследованию истории образования суффиксов множественного числа в марийском языке. В данной статье предметом рассмотрения являются три суффикса: *-ер (-эр), -дар (-дер), -ла (-лä)*.

1. **Суффикс *-ер (-эр)***

Суффикс *-ер (-эр)*, имеющий собирательное значение, присоединяется к именам существительным, которые обычно обозначают различные породы деревьев, а также кустарники: *вондер* ‘кустарник’ от *вондо* ‘куст’, *кожер* ‘ельник’ от *кож* ‘ель’, *куэр* ‘березняк’ от *куэ* ‘береза’, *ломбер* ‘черемушник’ от *ломбо* ‘черемуха’, *нӧлпер* ‘ольшаник’ от *нӧлпӧ* ‘ольха’, *пистер* ‘липняк’ от *писте* ‘липа’, *пӱнчер* ‘сосняк’ от *пӱнчӧ* ‘сосна’, *тумер* ‘дубняк’ от *тумо* ‘дуб’, *укшер* ‘хворост’ от *уки* ‘ветка, сучок’. Этот суффикс встречается во всех марийских диалектах. И.С. Галкин относил его к числу словообразовательных суффиксов (6, с. 13). Это мнение вряд ли является правильным. Б.А. Серебренников считал *-ер (-эр)* суффиксом собирательной множественности (7, с. 161). Автор настоящей работы склоняется к его мнению и рассматривает *-ер (-эр)* в ранге словоизменительных суффиксов.

История вопроса. Историю суффикса *-ер (-эр)* И.С. Галкин объясняет, исходя из мнений, высказанных в свое время Т. Лехтисало (8, с. 184) и Й.Дьёрке (9, с. 40). Соответствия марийскому суффиксу *-ер (-эр)*, признанному уральским по происхождению, И.С. Галкин находит во всех родственных языках, вплоть до самодийских, хотя собирательное значение древнего суффикса, по собственному признанию исследователя, проявляется в них не совсем четко. Различие в грамматических значениях общих суффиксов привело И.С. Галкина к выводу, что в марийском языке суффикс *-ер (-эр)* в прошлом употреблялся шире, чем в настоящее время, и мог присоединяться не только к названиям деревьев и кустарников, но и к другим существительным, как показывают отдельные диалекты, ср., например: *мучывуер* 'местность с кочками', *шудер* 'травянистое место'. При этом он считает, что гласный суффикса *-ер (-эр)* первоначально был частью производящей основы, а позднее в результате ее переразложения отошел к суффиксу, прауральскую форму которого И.С. Галкин реконструирует в виде **-ra (*-re)*, исходя из традиционной теории, согласно которой праязык в непервом слоге знал только гласные **a*, **ä* и **e* (6, с. 15). При этом исследователь ссылается на В.Халлапа (10, с. 7). Но позднее Дь. Дечи отмечал, что в финно-угорском языке были лишь основы с гласными *a* и *ä* (11, с. 59–64).

Однако объяснения И.С. Галкина истории и развития суффикса *-ер (-эр)* в марийском языке уязвимы во многих отношениях. Обратим внимание на некоторые мысли языковеда:

1. Значения суффиксов в родственных языках, как отмечено выше, не имеют ничего общего с собирательным значением марийского суффикса *-ер (-эр)*. Они либо полностью изменяют вещественное значение корня (ср., например: фин. *mantere* 'материк' – *mantu* 'земля', коми-зыр. *мыгӧр* 'тело, туловище' – *мыг* 'стан рубашки', венг. *odor* 'выпуклое дупло' – *odu* 'дупло'), либо оставляют его без изменения (ср., например: фин. *saparo* 'хвост' – эст. *sapa* 'хвост').

2. Вызывает сомнение морфологический состав, выделенный в отдельных словах. Так, ненецкое слово *пэдара* 'лес' выводится из *пя* 'дерево'. При таком подходе в ненецком названии леса суффиксом является не *-ра*, а – *-дара*.

Имеются и другие объяснения морфологического состава в упомянутом ненецком слове. Б.А. Серебренников, например, выделял в нем корень *пэда*, с которым были сопоставлены финское *petäjä* и эрзя-мордовское *пиче* 'сосна', и суффикс *-ра*. На основании такого морфемного членения им сделан вывод, что слово *пэда-ра* в ненецком языке раньше имело значение «сосняк» (7, с. 162). Это значение, вероятно, было восстановлено по аналогии с марийским *пӱнчер* 'сосняк'.

3. Этимологии отдельных слов, на которые опирается И.С. Галкин, либо устарели, либо не совсем точны. Так, марийское слово *воштыр* 'прут' им ошибочно сопоставлено с финским *vihta* 'веник'. Между тем слово *воштыр* 'прут' в марийском языке имеет иное происхождение. Ю.Тойвонен сопоставлял его с мансийским *oś̌tər* и венгерским *ostor* 'кнут, бич' (12, с. 198). Но другие исследователи (13, с. 170) отделяют марийское слово от угорских. Очевидно, они находят фонетичес-

кие и семантические расхождения между марийским названием прута и угорскими словами, обозначающими бич, кнут. Но эти расхождения легко объяснимы. Согласный *в* в начале марийского слова – это не что иное, как протеза (ср., например: мар. *водар* 'вымя' и морд. *одар* 'вымя'), отсутствующая в угорских языках. И в семантике двух групп слов можно найти общую точку. Она проявляется в функциональном сходстве. Помнится, еще сравнительно недавно дети, равным образом и взрослые люди, в нашем крае использовали прут в качестве кнута (бича) для понуждения запряженной в телегу или в сани лошади. Нужно добавить, что исследователи мало обращают внимания на индоиранское происхождение рассмотренных слов; ср., например: авест. *astra* 'кнут, бич', санскр. *astra* 'стимул'.

Таким образом, слово *воштыр* 'прут' в марийском языке является простым по образованию. В нем нет уральского суффикса **-ra (*-re)*.

4. Требует уточнения также этимология марийского *могыр* «тело», с которым сопоставлено коми-зырянское *мыгӧр* 'тело, туловище' (6, с. 14). В один ряд с ними Т. Лехтисало включал удмуртское *мугор, мыгор* 'тело' (8, с. 181). К. Редеи к ним добавляет венгерские слова *mag* 'семя, зерно, косточка, ядро, потомок', *maga* 'сам, самый', *magas* 'высокий', хотя они семантически и фонетически далеко стоят от слов марийского и пермских языков. Тем не менее для всех приведенных слов К.Редеи восстанавливает уральскую праформу в виде **mиŋkз* 'тело' (14, с. 286). При такой реконструкции приведенные слова марийского и пермских языков действительно выступают как производные. Но общие слова марийского и пермских языков могут быть простыми по морфологическому составу. В данном случае мы имеем в виду мнение Г.С. Кнабе. Он сопоставлял с марийским и пермскими словами мокшанское *мокорь* и эрзянское *мукорь* 'пень, чурбан, обрубок'. В. Томсен и Б.А. Серебренников, на которых ссылается Г.С. Кнабе, возводят их к литовскому *nugara* и латышскому *mugura* 'спина, крестец'. Закономерного соответствия между литовским *n* и латышским *m* в начале слова не существует. Поэтому Г.С. Кнабе объясняет, что первый звук латышского слова можно рассматривать как результат лабиализации изначального *n-* под влиянием последующего заднеязычного смычного согласного. Следовательно, латышская форма с *m* является более поздней по сравнению с литовской и в восточнофинские языки могла проникнуть в эпоху отдельного существования латышского языка или его диалектов (после IX–X вв. н.э.) (15, с. 68–69).

К объяснениям Г.С. Кнабе можно добавить следующее:

1) изменение *n- > m-* в начале латышского слова могло быть обусловлено не столько лабиализирующим влиянием последующего заднеязычного согласного, сколько регрессивной аккомодацией, обусловленной действием последующего огубленного гласного *и*;

2) название р. Оки, которая пересекает прародину волжских финнов, совпадает с латышским словом *ака* 'источник, колодец'. Некоторые исследователи название р. Оки возводят к германским языкам: гот. *aha*, др.-верх.-нем. *aha* 'река' (16, с. 671).

Таким образом, некоторые слова волжских и пермских языков, рассматриваемые в настоящее время как производные с уральским суффиксом **-ra (*-re)*, представляют собой простые лексические образования. И никакого переразложения в них не было.

5. Вопреки мнению И.С. Галкина, круг слов, к которым присоединился суффикс *-ер (-эр)*, первоначально был небольшой. Он ограничивался названиями отдельных деревьев и кустарников. Позднее сфера употребления этого суффикса расширилась за счет использования существующей модели. Такие образования встречаются как в диалектах (*кӱэр* 'камни', *шудер* 'травянистое место'), так и в литературном языке (*мутер* 'словарь', *рӱдер* 'центр', *тоштер* 'музей'). В литературном языке многие из них являются авторскими неологизмами.

2. **Суффикс *-дер (-дар)***

И.С. Галкин (6, с. 15) формант *-ер (-эр)*, возводимый к уральскому праязыку, находит также в составе собирательного суффикса *-дар (-дер)*, который встречается в единичных словах. К числу редких слов он относит *кождар* 'ельник' от *кож* 'ель' и *атыдер* 'посуда (совокупность)' от *ате* 'посудина'. Первое слово зафиксировано в с. Шаранга Нижегородской области, но в названии посуды суффикс *-дер* встречается повсеместно: горн. и сев.-зап. *ӓтӹдер*, вост. и луг. *атыдер*. По мнению М.Рясянена (17, с. 117), название посуды заимствовано из чувашского языка, где оригинал имеет два значения: 'сапог', 'сосуд'. С первым значением он этимологически связан, например, с татарским *itək*, киргизским *etik* и куманским *ätik*. Второе значение чувашского слова является переносным. Причиной его появления смогла послужить своеобразная форма сосуда, похожего на сапог. Семантический переход 'сосуд' → 'посуда' произошел уже на почве марийского языка до его разделения на современные диалекты.

История вопроса. Этимологию суффикса *-дер (-дар)* объяснил И.С. Галкин, придерживаясь в какой-то степени младограмматического принципа. Он делит этот суффикс на два элемента. Второй элемент образует суффикс *-ер (-эр)*, имеющий уральское происхождение, а первый элемент *-д*, присоединившийся к уральскому суффиксу, выступает как протеза, которая появилась по аналогии с такими словами, как *вондер* 'кустарник'. Замысловатое объяснение И.С. Галкина привлекло внимание Л.П. Васиковой. Она по образцу со словами, имеющими суффикс *-дер (-дар)*, в горномарийской литературной норме создала новое слово *лӹмдер* (*лӹм* 'имя' + *-дер*), буквально означающее 'имéнник'. Но оно употреблено в значении 'словарь' (18). Между тем в горномарийский орфографический словарь Л.П. Васикова включила не только имена, но и другие части речи, а также грамматические формы и словосочетания.

Собирательный суффикс *-дер (-дар)* в марийском языке имеет прямые соответствия в тюркских языках. Он восходит к суффиксу *-лар (-лəр)*. В основе перехода *-лар (-лəр)* → *-дар (-дер)* может быть регрессивная диссимиляция. Не совсем ясно, какой тюркский язык явился источником заимствования суффикса *-дер (-дар)*. Но надежные примеры имеются в казахском языке: *сез* 'слово'→

сездер 'слова', *каз* 'гусь' → *каздар* 'гуси'. Вполне очевидно, в период контактов с марийским языком в тюркских языках нынешний суффикс *-дер (-дар)* мог употребляться как самостоятельная лексическая единица. В противном случае трудно объяснить его агглютинацию к знаменательным словам в чужом языке. В процессе грамматикализации заимствованное слово приобрело значение собирательной множественности, возможно, под влиянием суффикса *-ер (-эр)*.

3. **Суффикс *-ла (-лä)***

Он имеет собирательное значение и встречается лишь в названиях деревьев. На луговой стороне он выделяется в словах *уала* 'хворост, ветки' и *кожла* 'ельник'. Но жители Сернурского района под последним словом обычно понимают «лес». В Медведевском районе *-ла* употребляется в названии дер. *Шапкела* (букв. 'осинник'). В горном и северо-западном наречиях этот формант присоединяется к несколько большему кругу слов, хотя и там список подобных слов ограничен; ср. горн. *кугилä* 'березняк', *шапкилä* 'осинник'; сев.-зап. *куэлä* 'березняк', *шапкилä* 'осинник'. Производным от них являются названия деревень *Кугилäнсола* и *Шапкилä* в Горномарийском районе.

История вопроса. Существует мнение, что суффикс *-ла (-лä)* в марийском языке является финно-угорским по своему происхождению. Но истоки его объясняются по-разному. И.С. Галкин для этого суффикса находил соответствие в финском *taloloessa* 'в домах', в котором искомый формант, как видно, имеет значение множественности (19, с. 69). Б.А. Серебренников считал, что в прибалтийско-финских языках *-л*-овый суффикс с самого начала был собирательным по значению и приводил в качестве примера *Kalevala* 'страна или род Калевы' (7, с. 160).

Различие в подходах, используемых исследователями при объяснении древнего значения марийского *-ла (-лä)*, наводит на мысль о том, что этот суффикс может иметь совершенно иное происхождение. По всей вероятности, он восходит к какому-то самостоятельному слову.

Ключом к пониманию истории суффикса *-ла (-лä)* в марийском языке могут быть материалы селькупского языка. В южных диалектах этого языка показателем отвлеченной абсолютной множественности является суффикс *-la: gum* 'человек' – *gula* 'люди', *adu·kka* 'дед' – *adu·kkala* 'деды'. В некоторых селькупских диалектах возможно параллельное употребление суффиксов *-la* и *-t* в качестве показателей множественного числа: *loγa·la – loγa·t* 'лисы', *kiba·marla – kiba·mart* 'дети' (20, с. 205). По мнению А.П. Дульзона, суффикс *-la* восходит к существительному, от которого посредством уменьшительного суффикса *-ка* образовалось слово *laka* 'кусок, часть, отдельное'. Таким образом, множество осмысливается им как некоторое количество отдельностей. Далее исследователь добавляет, что суффикс *-лар* в тюркских языках, который был упомянут выше, первоначально состоял из того же слова *ла*, «но с показателем множественного числа (*р*)» (21, с. 36). Реликты самостоятельного употребления *-р* скудны, но они все же встречаются. Наличие его предполагает Б.А. Серебренников в этнониме *татар* 'татарин' (из *тата + р*) (7, с. 163), основа которого в значении 'инородец' сохранилась в орхоно-

енисейских памятниках. Отсюда можно заключить, что суффикс *-ла*, являющийся результатом грамматикализации, из тюркских языков проник в марийский до объединения его с суффиксом *-р* и стал употребляться как показатель собирательной множественности.

Знаменательно то, что собирательные суффиксы *-ер (-эр)* и *-ла (-лä)*, когда они присоединяются к названиям деревьев, могут образовать междиалектные грамматические синонимы: луг. *куэр* – горн. *кугилä* 'березняк', луг. *шопкер* – горн. *шапкилä* 'осинник'. Однако между грамматическими синонимами, возникшими подобным образом, могут развиваться семантические различия. Так, слова *кожер* и *кожла*, имеющие синонимические грамматические показатели, в сернурском говоре различаются по лексическому значению. Здесь *кожла* имеет значение 'лес', а *кожер* – значение 'ельник'.

В заключение следует отметить, что в марийском языке оба собирательных суффикса могут употребляться вместе, образуя сложный грамматический формант. Он характерен для существительных, обозначающих кустарники и различные породы деревьев: *вондерла* 'кустарники', *кожерла* 'ельники', *куэрла* 'березняки', *пистерла* 'липняки', *пӱнчерла* 'сосняки', *тумерла* 'дубняки', *укшерла* 'хворост (в разных местах)', *чашкерла* 'чащобы', *шопкерла* 'осинники'. Типологически сходные образования имеются в селькупском языке. В нем, как и в марийском языке, в которых встречаются контаминированные формы, одновременно могут употребляться оба суффикса множественного числа, и *-la*, свойственный южным диалектам, и *-t*, характерный для северных диалектов ср., например: *kiba·ma·rlat* 'дети' (20, с. 205).

СОКРАЩЕНИЯ

авест. – авестийский язык
венг. – венгерский язык
вост. – восточное наречие марийского языка
горн. – горное наречие марийского языка
гот. – готский язык
др.-верх.-нем. – древневерхненемецкий язык
коми-зыр. – коми-зырянский язык
луг. – луговое наречие марийского языка
мар. – марийский язык
морд. – мордовские языки
санскр. – санскрит
сев.-зап. – северо-западное наречие марийского языка
фин. – финский язык
эст. – эстонский язык

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Зиндер Л.Р., Строева Т.В.* Историческая морфология немецкого языка. – Л., 1968.

2. *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. – М., 1970. – Вып. V.

3. *Одри Ж.* Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXI.

4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

5. *Itkonen E.* Kieli ja sen tutkimus. – Helsinki, 1966.

6. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. – Йошкар-Ола, 1966. – Ч. 2.

7. *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. – М., 1974.

8. *Lehtisalo T.* Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe // Mémoires de la Sosiété Finno-Ougrienne. – 1936. – LXXII.

9. *Györke J.* Die Wortbildungslehre des uralischen (primäre bildungssuffixe). – Tartu, 1934.

10. *Халлап В.* Суффиксы образования глаголов в мордовских языках (общемордовские суффиксы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таллин, 1955.

11. *Décsy Gy.* Zum Lautwandel *-a/-ä > e* im Urfinnischen // Ural-Altaische Jahrbücher. 1971, Bd. 43.

12. *Toivonen Y.H.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten // Finnisch-ugrische Forschungen. 1928, XIX.

13. *Décsy Gy.* Einführung in die Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. – Wiesbaden, 1965.

14. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch – Budapest – Wiesbaden, 1986. – III. –

15. *Кнабе Г.С.* Словарные заимствования и этногенез (К вопросу о балтийских заимствованиях в восточных финно-угорских языках) // Вопросы языкознания. 1962, № 1.

16. *Гамкрелидзе Г.К., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. I–II. – Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

17. *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Mémoires de la Sosiété Finno-Ougrienne. – 1920. – XLVIII

18. *Васикова Л.П.* Кырык мары орфографи лӹмдер. – Йошкар-Ола, 1994.

19. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. – Йошкар-Ола, 1964. – Ч. 1.

20. *Кузьмина А.И., Киселёва Э.Г.* Категория множественности и ее отражение в числе селькупского существительного // Советское финно-угроведение. 1975, № 3.

21. *Дульзон А.П.* Общность падежных суффиксов самодийских языков с енисейскими // Вопросы финно-угроведения. – Йошкар-Ола, 1970. – Вып. V.

Dmitry Kazantsev

SOME THOUGHTS ABOUT THE PLURAL SUFFIX IN THE MARI LANGUAGE

This publication is a continuation the author's articles devoted to the study of the history of the formation of plural suffixes in the Mari language. The subject of this article is three suffixes: -yer (-er) -dar (-der), -la (-lä).

The suffix -yer (-er), erected to the Ural proto-language, originally was used in a few words of Mari. It is limited to the names of individual trees and shrubs. To date, the range of words that have in their composition proto-Ural suffix expanded through the use of an existing model. In the literary language many of these tumors are copyright.

Until recently, the formant -yer (-er) was isolated as part of a collective suffix -dar (-der). which occurs in a few words. Meanwhile, the said suffix has direct correspondence

in the Turkic languages and meaningfully identical suffix -lar (-lə r). What a Turkic language was the source of the mysterious suffix for borrowing is not quite clear. But obviously, in the period of contact with the Mari language the current suffix -der (-dar) in the source language can be used as an independent lexical unit.

In explaining history of the suffix -la (-lä) previous researchers usually relied on the materials of the Finnish language. The key to understanding the history of this suffix can be data of Selkup.

In the Mari language, both collective suffix -yer (-er) and -la (-lä), which are attached to the names of trees and shrubs can be used together: kozherla 'spruce'. Typologically similar formations are in Selkup: kibamarlat 'children'.

«Финно-угроведение», 2013, № 2

Серафима Сибатрова
Йошкар-Ола

РОЛЬ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЧАСТИЦ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В специальной литературе относительно истории частиц в уральских и финно-угорских языках представлены неоднозначные мнения. Так, К.Е. Майтинская в монографии по основам финно-угроведения утверждала, что «служебных слов за исключением отрицательных вспомогательных глаголов в прафинно-угорский период еще не было» (1, с. 215). Однако в более поздней работе на базе сопоставительного анализа служебных слов финно-угорских языков пришла к заключению об употреблении отдельных (а именно, трех – отрицательной, вопросительной и усилительной) частиц «уже в финно-угорском языке-основе» (2, с. 151–152). П.Хайду допускал существование частиц в виде «односложных свободных основ» даже в уральском праязыке (3, с. 227). Во всяком случае, согласно исследованию К.Е. Майтинской, категория частиц «по-настоящему богатой ... стала лишь сравнительно поздно – после разделения наиболее поздних ветвей финно-угорских языков на отдельные языки» (2, с. 151–152, см. также с. 158). При этом отмечено значительное увеличение численности частиц большинства финно-угорских языков «за счет заимствованных из других (родственных и неродственных) языков», прежде всего из русского (2, с. 152, 142, см. также с. 157). Заимствование финно-угорскими языками большого количества частиц из русского языка К.Е. Майтинская объясняет тем, что «ареал живого соприкосновения русского языка с финно-угорскими был в течение многих веков более обширным, чем соответствующий ареал с тюркскими и тем более с германскими или балтийскими языками» (2, с. 142).

Г.Берецки писал, что «самые древние частицы марийского языка тоже возникли не ранее прамарийского периода. Этот факт свидетельствует, что данная часть речи сформировалась довольно поздно» (4, с. 258). По результатам изучения исторической грамматики марийского языка И.С. Галкиным, «собственно-марийских частиц довольно мало, основная масса их вошла в марийский язык из соседних тюркских языков и русского языка» (5, с. 193).

Целью настоящей статьи является определение роли русских заимствований в пополнении общего фонда и отдельных семантических групп частиц марийского языка. Для этого составлен перечень частиц по группам с указанием их использования в диалектах, вычленены из их числа русские заимствования (а также едини-

цы с компонентами, восходящими к русским источникам) и сделаны некоторые выводы относительно их места в той или иной группе и в системе марийских частиц в целом. При выявлении русских заимствований учитывалось утверждение К.Е. Майтинской о том, что «заимствованными могут считаться только такие служебные слова, которые уже в языке-источнике употреблялись в качестве соответствующих служебных слов» (2, с. 157). Следует заметить, что в статье не рассматривались формообразующие частицы, при этом остались не учтенными прежде всего глагольные отрицания и показатели описательных прошедших времен (всего около 40 единиц, и русских заимствований среди них нет); частицы же, образующие превосходную степень прилагательных и наречий, повелительное наклонение глагола, включены в соответствующие семантические группы.

Круг частиц, их распространенность определялись на основе обобщения материалов современных работ по морфологии марийского языка и его диалектов (6, 7, 8, 9), словарей (10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22), а также других исследований (23, 24, 25, 26, 27 и др.). В необходимых случаях, прежде всего в целях установления недостающих (отсутствующих в указанных источниках) диалектных параллелей, привлекались данные словарной картотеки МарНИИЯЛИ. Так как до сих пор не разработаны четкие критерии разграничения частиц от соответствующих единиц других лексико-грамматических категорий (например, от наречий, союзов, междометий, местоимений), а также от вводных слов и словосочетаний и, действительно, граница между ними незакрытая и довольно зыбкая, представленный здесь список частиц может содержать отдельные спорные и переходные в этом отношении единицы.

Ввиду того что значительная доля частиц многозначна, то в существующих функционально-семантических классификациях наблюдается некоторый разнобой: одни и те же частицы отнесены или к совершенно разным группам, или даже в одной и той же работе, параллельно к нескольким группам. В данной статье для удобства подсчета многозначные частицы приводятся только в одной, на взгляд автора, в наиболее характерной, группе.

Семантические группы при этом располагаются в целом в традиционной для марийских грамматик последовательности. В пределах одной группы частицы перечисляются в порядке убывания степени их распространенности в языке: в самом начале даются общемарийские единицы (после буквы *а*), затем – встречающиеся в трех (после буквы *б*) и двух (после буквы *в*) диалектах, в конце – употребляющиеся в отдельных диалектах (после буквы *г*). К сожалению, в иных случаях, по причине недостаточности источников, особенно диалектных, не удалось создать полную картину об ареале распространения частиц; также не всегда в полном объеме приводятся фонетические варианты частиц; в целях экономии места в русских переводах отражаются не все возможные значения частиц.

Итак, ниже представляются на общем фоне семантических групп частицы, заимствованные из русского языка, с указанием их количества и процентного соотношения.

Выделительно-усилительные (всего 38 единиц, в т.ч. русских заимствований 17, или 44,7%):

а) л., в. *-ак*, г., с.-з. *-ок* 'же'; л., в. *-ат*, г., с.-з. *-ат/-ӓт* 'и, даже'; *вет* 'ведь, же'; г., с.-з. *соромно*, с.-з. *соровно*, л. *сыромно/соромно/соровно*, в. *сьоравно/сьоромно* 'все равно'; л., г., с.-з. *содыки*, в. *содаки, сӧдаки*, с.-з. *содык* 'все-таки, все же'; л., в., г. *даже*, г. *дажы*, с.-з. *дӓжы* 'даже'; л., в., г. *как*, с.-з. *кӓк* 'как'; *ну и* 'ну и';

б) л. *-ыс/-с*, в. *-ысь/-исъ/-ыс*, г. *-ыш/-ӹш/-ш* 'же, ведь'; л. *вовсек, вовсье*, в. *вопсьо/вопсы/вопсӧк/вопсье*, г. *воксе(ок)/вофсе* 'даже, вовсе'; г. *просто/просты*, л., в. *просто* 'просто';

л., г. *уже* 'уже', *уж* 'уж', с.-з. *уш* 'уж'; л., г. *дык/тык* 'так, дак', с.-з. *дӹк* 'же'; л., г., с.-з. *и* 'и'; л., г., с.-з. *што*, с.-з. *той* 'и то'; л., г. *низашто*, с.-з. *незашты* 'ни за что';

в) л. *лаваса*, в. *лабаса/лаваса/лавасан/ласа/лӓвсӓн/лӓпсӓ* 'ведь, же'; л., в. *-ла* 'ну и, ведь, же'; в., л. *-лай* 'же'; л. *садак*, л., в. *садыгак* 'все равно'; л., в. *эсмаса*, в. *эсмасам* 'даже, и; хоть, хоть бы'; л., в. э 'ну, ну и, эх и'; л., в. *эй* 'ну, ну и, эх и';

л. *гынат*, г. *гӹнят* 'даже, и'; л. *ты* 'таки, и', г. *тӹ* 'тут, тут и'; л., г. *ынде* 'же'; л. волж. *(ы)скала*, г. *ӹшкӓлӓ* 'ведь, же, да'; л. *ужат*, г. *ыжат/жат* 'смотри-ка, гляди-ка'; л., г. *то-то* 'то-то'; л., г. *так* 'так';

г. *таки*, с.-з. *тӓки* 'таки';

г) л. *эсогыл* 'даже, и';

в. *гыст* 'еще, же', *-да* (*эшода* 'еще', *пушыда* 'пуще');

г. *ач* 'же, ведь, да', *вӓк* 'даже', *йо/йок* 'да, так, айда', *ӹне/не* 'же, уж, да', *соикток* 'все равно';

с.-з. *дӹкӹн* 'же', *дӹкӓт/дӹкӹнӓт* 'даже, и'.

Из них к русским источникам восходят:

а) *вет* 'ведь' < рус. *ведь* (5, с. 186; 23, с. 71, 91; 2, с. 139; 28, с. 95; 4, с. 170, 29, с. 44).

г., с.-з. *соромно*, с.-з. *соровно*, л. *сыромно/соромно/соровно*, в. *сьоравно/сьоромно* 'все равно' < рус. *все равно* (23, с. 92; 26, с. 157);

л., г., с.-з. *содыки*, в. *содаки, сӧдаки*, с.-з. *содык* 'все-таки, все же' < рус. *все-таки* (23, с. 71, 92). В работе Д.Е. Казанцева о русских говорах Республики Марий Эл указывается уступительная частица «*с'отк'и* = все-таки» (30, с. 67);

даже 'даже' < рус. *даже* (23, с. 71, 94; 2, с. 139; 28, с. 253);

л., в., г. *как*, с.-з. *кӓк* 'как' < рус. *как*;

ну и 'ну и' < рус. *ну и*;

б) л. *вовсек, вовсье*, в. *вопсьо/вопсы/вопсӧк/вопсье*, г. *воксе(ок)/вофсе* 'даже, вовсе' < рус. *вовсе* (23, с. 92; 28, с. 125);

г. *просто/просты*, л., в. *просто* 'просто' < рус. *просто* (26, с. 157);

л., г. *уже* 'уже', *уж* 'уж', с.-з. *уш* 'уж' < рус. *уже, уж* (23, с. 120);

л., г. *дык/тык* 'так, дак', с.-з. *дӹк* 'же' < рус. *дык* (28, с. 276);

л., г., с.-з. *и* 'и' < рус. *и*;

л., г., с.-з. *ито*, с.-з. *той* ‘и то’ < рус. *и то*;

л., г. *низашто*, с.-з. *незашты* ‘ни за что’ < рус. *ни за что*;

в) л., г. *то-то* ‘то-то’ < рус. *то-то*;

л., г. *так* ‘так’ < рус. *так* (23, с. 118);

г. *таки*, с.-з. *тäки* ‘таки’ < рус. *таки*;

Источниками л., в. *эй, э* ‘ну, ну и, эх и’, скорее всего, являются не русские междометия *э, эй*, а соответствующие татарские с усилительным значением ‘ну и’ (тат. *Эй кунелле булды да соң!* ‘Ну и весело же было’ – 31, с. 680).

По мнению Ф.И. Гордеева, г. *ач* ‘же, ведь, да’ восходит к «рус. (ряз.) *ач* ‘вот еще, как бы не так; еще что’, *аци, че, еще* (Даль I, с. 31, 8) ‘если, если же, буде, коли’ – общеслав. (Фасмер I, с. 99)» (32, с. 172–173). М.Р. Федотов связывает г. *ач* с чув. *-иҫ* (= тат. *-ич*) (33, с. 119).

Возможно, г. *йӧне/не* ‘же, уж, да’ имеет отношение к русской отрицательной частице *не (= нет)*.

Выделительно-ограничительные (всего 24 единицы, в т.ч. русских заимствований 4, или 16,7%):

а) л., в., г. *веле*, г., с.-з. *вел (велӧ)* ‘лишь, только, лишь только’; л. *кеч/коч/коть*, в. *кеч/коч*, г. *хоть*, с.-з. *коть* ‘хоть, хотя (бы)’; л., в. *иже*, г., с.-з. *ижӧ* ‘лишь, только, лишь только’; л., в. *только*, г. *только/толькы*, с.-з. *тольык* ‘только’;

б) л., в. *гын*, г. *гӧнь* ‘же, -то; ли’;

л. *отна*, г. *отни*, с.-з. *отне* ‘одни, лишь, только’;

в) л., в. *гына* ‘лишь, только, лишь только’; л., в. *керек* ‘хоть’; л., в. *эре* ‘всё, сплошь, только, лишь’; л., в. *эртак* ‘всё, сплошь, только, лишь’;

л. *гын веле*, г. *гӧнь веле* ‘разве что’; л., г. *лач (ик)… веле* ‘лишь только (один)’;

г) л. *гына веле* ‘лишь только’, *лач (ик)… гына* ‘лишь только (один)’, *вуйгак (шат… гына)* ‘всего лишь, только лишь’, *улыжат-укежат* ‘всего лишь, только лишь’, *улыжат… веле* ‘всего лишь, только лишь’, *але… гына* ‘еще только’, *але… веле* ‘еще только’;

г. *ирсӓ* ‘лишь, только, одни’.

Из них к русским источникам восходят:

а) л. *кеч/коч/коть*, в. *кеч/коч*, г. *хоть*, с.-з. *коть* ‘хоть, хотя (бы)’ < рус. *хоть* (5, с. 179; 34, с. 80; 23, с. 71,121; 2, с. 141; 4, с. 242);

л., в. *иже*, г., с.-з. *ижӧ* ‘лишь, только, лишь только’ < рус. *иже* (4, с. 170). По мнению И.С. Галкина, «происхождение неясно, возможно: *и* ‘год, время’ + *-же* притяжательный суффикс» (34, с. 82);

л., в. *только*, г. *только/толькы*, с.-з. *тольык* ‘только’ < рус. *только* (23, с. 71, 118; 2, с. 138);

б) л. *отна*, г. *отни*, с.-з. *отне* ‘одни, лишь, только’ < рус. *одно* (23, с. 106), *одни*.

Определительные (всего 12 единиц, в т.ч. русских заимствований 7, или 58,3%):

а) л., в. *лач(ак)*, г. *лач*, с.-з. *лаҫ* ‘как раз, ровно, именно’; л., в. *чылт*, в. *чалт*, г.,

с.-з. *цЫлт* 'совсем, совершенно, как раз'; л. *укурат/вокурат*, в. *вокурат*, г. *выкурат/вокурат*, с.-з. *вокурат* 'аккурат, в аккурат';

б) л., в., г. *ялт* 'точно; совсем, совершенно как'; г. *цишти* 'чисто', л. *чисте/чисти*, в. *чистый* 'совсем, совершенно';

в) л. *ровно/ромно*, г. *ромны* 'ровно';

г. *какрас/какраз*, в. *кäк(ы)рäз* 'как раз';

г) г. *имЫн* 'именно', *почти* 'почти', *точ-точ* 'точь-в-точь', (с. Картуково) *колой* 'весь';

с.-з. *ци* 'совершенно, совсем'.

Из них к русским источникам восходят:

а) л. *укурат/вокурат*, в. *вокурат*, г. *выкурат/вокурат*, с.-з. *вокурат* 'аккурат, в аккурат' < рус. *в аккурат* (23, с. 71, 91; 28, с. 132);

б) г. *цишти* 'чисто', л. *чисте/чисти*, в. *чистый* 'совсем, совершенно' < рус. *чисто, чистый*;

в) л. *ровно/ромно*, г. *ромны* 'ровно' < рус. *равно* (23, с. 71), *ровно*.

г. *какрас/какраз*, в. *кäк(ы)рäз* 'как раз' < рус. *как раз* (23, с. 71, 98; 2, с. 139);

г) г. *имЫн* 'именно' < рус. *именно* (23, с. 71; 2, с. 139);

почти 'почти' < рус. *почти* (23, с. 71; 2, с. 139);

точ-точ 'точь-в-точь' < рус. *точь-в-точь* (23, с. 71; 2, с. 139).

Указательные (всего 8 единиц, в т.ч. русских заимствований 3, или 37,5%):

а) *теве* 'вот (это)'; л., в. *тӧвӧ*, в. *тӱвӧ, тhвӧ, тово, тыво*, г. *тЫве*, с.-з. *тhвӧ, тӧвӧ* 'вот (то)'; *вот*, с.-з. также *ват* 'вот';

б) л. *тиде*, в. *тыде*, г. *тидЫ* 'это'; л., в. *тудо*, г. *тЫдЫ* 'это, то';

в) л. *уна*, в. *ана* 'вот, вон';

г. *иш*, с.-з. *виш* 'вишь, вот';

г) с.-з. *вон* 'вон'.

К русским источникам восходят:

а) *вот*, с.-з. также *ват* 'вот' < рус. *вот* (5, с. 187; 34, с. 82; 23, с. 70, 92; 2, с. 138; 28, с. 145, также 59);

в) с.-з. *виш* 'вишь, вот' < рус. *вишь* (28, с. 122); г. *иш* 'вишь, вот' < рус. *ишь*;

г) с.-з. *вон* 'вон' < рус. *вон* (28, с. 138).

Присоединительные (всего 11 единиц, в т.ч. русских заимствований 3, или 27,3%):

а) л. *эше/эша*, в. *эшо/эшä/ешӧ*, г. *эче*, с.-з. *эше* 'еще'; л., в. *тожо*, г., с.-з. *тожы* 'тоже';

б) л., в. *адак* , с.-з. *ädäk* 'еще, опять';

в) л. *монь/мойн*, в. *мой/монь* 'и прочее, да что'; л. *да мо/да монь/да мойн*, в. *да мой/да монь* 'и прочее, да что';

с.-з. *дамада*, л. *да мо да* 'и прочее, и тому подобное, да что', букв. 'да что да';

г. *опять*, с.-з. *äпäть* 'опять';

г) л. *мо да* 'и прочее, да что', букв. 'что да';

в. *ешода* ‘еще’;

г. *моло* ‘еще, да что’;

с.-з. *йама* ‘да что’.

К русским источникам восходят:

а) л. *эше/эша,* в. *эшо/эшӓ/ешӧ,* г. *эче,* с.-з. *эше* ‘еще’ < рус. *еще* (5, с. 187; 34, с. 82; 23, с. 71, 97; 9, с. 271; 24, с. 88; 4, с. 169);

л., в. *тожо,* г., с.-з. *тожы* ‘тоже’ < рус. *тоже* (23, с. 118);

в) г. *опять,* с.-з. *ӓпӓть* ‘опять’ < рус. *опять* (9, с. 271).

Выражающие степень распространения, влияния (всего 11 единиц, в т.ч. русских заимствований 4, или 36,4%):

а) л., в., с.-з. *пеш,* г. *пиш* ‘очень, весьма, чрезвычайно’; л. *самый,* в., г. *самой/самый,* с.-з. *самой* ‘самый’; л. *тотово/дытово/дотово/дотыво/дотовы,* в. *тотыво/дотово,* г. *дытово/дотово,* с.-з. *дотово* ‘очень, весьма, до того’;

б) л., в. *эн,* с.-з. *ин* ‘самый’;

г., с.-з., л. м.-с. *сек* ‘самый’;

в) л. *беда/веда,* в. *беда* ‘очень, весьма’; л. волж. *зра,* л. м.-с. *ызыра,* в. *зра/зыра/(ы)з(ы)ра/дрӓ* ‘очень, в сильной степени’;

г) л. *мо вала* ‘значительно’;

в. *лон* ‘очень’, *батька* ‘очень’;

с.-з. *запсек* ‘самый, наи-’.

К русским источникам восходят:

а) л. *самый,* в., г. *самой/самый,* с.-з. *самой* ‘самый’ < рус. *самый* (5, с. 98; 34, с. 43; 23, с. 114; 35, с. 161; 36, с. 131; 4, с. 62);

л. *тотово/дытово/дотово/дотыво/дотовы,* в. *тотыво/дотово,* г. *дытово/дотово,* с.-з. *дотово* ‘очень, весьма, до того’ < рус. *до того* (23, с. 71, 95; 28, с. 269, 279). Д.Е. Казанцев в местном русском говоре отмечает усилительную частицу *дотово* (30, с. 67, 55);

б) г., с.-з., л. м.-с. *сек* ‘самый’ < рус. *всех* (5, с. 98; 34, с. 43; 35, с. 157–158; 37, с. 34; 36, с. 131; 4, с. 62);

г) с.-з. *запсек* ‘самый, наи-’ < рус. диал. *за всех* (38, с. 53–54).

Частицу л. м.-с. *ызыра* ‘очень, в сильной степени’ И.Г. Иванов считает русским заимствованием (37, с. 34), с рус. *зря* связывает происхождение в. *дрӓ* Ф.И. Гордеев (28, с. 271). Однако распространение частицы и ее нехарактерная для русского языка семантика говорят о том, что, очевидно, прав В.И. Вершинин, который в. *зра/зыра/(ы)з(ы)ра* ‘очень’ рассматривает как татарское заимствование (ср. *зерӓ* ‘очень, в высшей степени’), а к русскому *зря* возводит только наречие в. *зра/зыра* ‘зря’ (22, с. 91).

Несмотря на то что слова л. *беда/веда,* в. *беда* ‘очень, весьма’ (< рус. *беда* – 32, с. 210; 28, с. 78; 37, с. 34; см. также 23, с. 89) и в. *батька* ‘очень’ (< вероятно, рус. *батька*, «переосмысление» – 32, с. 204) восходят к русским источникам, характерное значение выражения высокой степени они приобрели только в самом марийском языке.

Модально-волевые (всего 30 единиц, в т.ч. русских заимствований 15, или 50,0%):

а) *тек* ‘пусть, пускай’; л., в., г., с.-з. *айда*, с.-з. *ӓйдӓ* ‘айда, давай’; л. *айста/айдыза*, в. *айтса/а(й)дыза*, г. *айдати/айдате/айдада*, с.-з. *айдате* ‘айдате, давайте’; *давай* ‘давай’; *давайте* ‘давайте’; *ну* ‘ну’; л. *ну-ка*, в. *ну-ко*, г. *ну-кы*, с.-з. *ноко/нокон* ‘ну-ка’;

б) л., в. *-я*, г. *йӓ* ‘-ка, же’;

г., с.-з. *-ай/-ӓй*, л. волж. *-ай* ‘-ка’; с.-з., л. волж. *доко/докон/докан*, г. *доко* ‘-ка’; л., г., с.-з. *мотри* ‘смотри’;

в) л., в. *-ян/-ан* ‘-ка’; л., в. *-але* ‘-ка, же’;

в. *дай*, с.-з. *дӓй* ‘дай’;

г., с.-з. *-ок* ‘же, -ка’; с.-з. *вуй*, г. лб. *вый* ‘бы’; *знай* ‘знай’;

г) г. *-ма/-мӓ* ‘-ка, же’, *ӓл/ӓлӓй/ӓлок/ӓлӹмӓ/ӓлӓл* ‘айда(-ка), давай(-ка)’, *ӓлдӓ/ӓлдӓдӓ/ӓлдок/ӓлӹмӓдӓ* ‘айдате(-ка), давайте(-ка)’, *кад/кадай/кай/кадок/кадемӓ* ‘дай(-ка), давай(-ка)’, *кадда/кадемӓдӓ* ‘давайте(-ка)’, *шӹл/шӹлӧ/шӹлок/шӹлӓй* ‘уйди(-ка), перестань(-ка)’, *пускай* ‘пускай’, *пусть* ‘пусть’, *пущай* ‘пущай’;

л. *-огыла* ‘(ну) что же, пусть’;

с.-з. *-кы/-кӹ, -кын/-кӹн* ‘-ка’, *дӓйкӹ/дайкын/дӓйкӹн* ‘дай-ка, давай-ка’, *вуде/вуди* ‘буди (обл.), уж’.

К русским источникам восходят:

а) *давай* ‘давай’ < рус. *давай* (23, с. 71, 94; 2, с. 141; 28, с. 252);

давайте ‘давайте’ < рус. *давайте* (28, с. 252).

ну ‘ну’ < рус. *ну* (5, с. 188; 34, с. 82; 23, с. 71; 24, с. 88; 2, с. 141);

л. *ну-ка*, в. *ну-ко*, г. *ну-кы* ‘ну-ка’ < рус. *ну-ка* (5, с. 190; 34, с. 82; 23, с. 106; 2, с. 141); с.-з. *ноко* < рус. *ну-ка*;

б) с.-з., л. волж., г. *доко* ‘-ка’ < рус. *токо, тока* (ограничительная частица в местных говорах – см. 30, с. 67; см. также происхождение *докон, докан* – 28, с. 266);

л., г., с.-з. *мотри* ‘смотри’ < рус. *смотри*;

в) в. *дай*, с.-з. *дӓй* ‘дай, давай’ < рус *дай*;

с.-з. *вуй*, г. лб. *вый* ‘бы’ < рус. *будь, буди* (28, с. 155);

г., с.-з. *знай* ‘знай’ < рус. *знай*;

г) г. *пускай* ‘пускай’ < рус. *пускай* (23, с. 71; 2, с. 141);

пусть ‘пусть’ < рус. *пусть*;

пущай ‘пущай’ < рус. *пущай* (23, с. 71; 2, с. 141);

с.-з. *-кы/-кӹ* ‘-ка’ < рус. *-ка* (2, с. 141). Г.М. Тужаров отмечает общность происхождения частиц *-кы/-кӹ* с мокша-мордовскими *-ka/-kɛ/-ga/-gɛ/-ŋga/-ŋgɛ*, эрзя-мордовской *-jak* и финскими *-ka(an)/-kä(än)* (39, с. 104–105);

дӓйкӹ ‘дай-ка, давай-ка’ < рус. *дай-ка* (28, с. 253);

вуде/вуди ‘буди, уж’ < рус. *буде, буди*. Д.Е. Казанцев среди оценочных частиц в местном русском говоре приводит «*буд'и* = может быть, возможно» (30, с. 67).

Утвердительные (всего 34 единицы, в т.ч. русских заимствований 9, или 26,5%):

а) л., в. *туге*, г. *тыӈге*, с.-з. *тӈге* ‘так, да’; л. *тугак*, в. *тугок*, г. *тыӈгеок*, с.-з. *тӈгок* ‘так, да’; л., в. *тыге*, в. *тыӈге*, г. *тенге*, с.-з. *теге* ‘так, да’; л. *йӧра*, в. *йӧра/йӧрӓ* , г., с.-з. *яра* ‘ладно, хорошо’; л., в., г. *да*, с.-з. *дӓ* ‘да’; л., в. *конешне*, г., с.-з. *конешнӹ* ‘конечно’; л., в., г. *ну да*, с.-з. *нодӓ* ‘ну да’;

б) л., в. *точно*, г. *точны* ‘точно’;

л. *тыгак*, г. *тенгеок*, с.-з. *тегек* ‘так, да’; л., г. *ане, анеш*, с.-з. *йне* ‘да, так’;

в) л., в. *шол* ‘да, же’; л. *ие/йэ*, в. *ие* ‘да, так’; л., в. *товат(ат)* ‘правда, вправду’;

л. *ага/ыгы*, г. *ага/аха* ‘ага, да’; л., г. *но* ‘но, вот именно’; л. *знаме*, г. *знамӹ* ‘знамо’; л. *верне*, г. *верньӹ* ‘верно’;

л. *кернак(ак)*, с.-з. *керок* ‘действительно, правда, вправду’;

г. *прават(ат)*, с.-з. *пырават* ‘право (же), правда, ей-богу’;

г) л. *туге шол* ‘так’, *туге ынде* ‘так’, *чын(ак)/чынжсым* ‘правда, действительно’, *товро* ‘добро’, л. волж. *амо* ‘да, же’;

в. *ай/ая/ае* ‘да, ага’, *ӱмырат/ӱмӱрат* ‘правда, ей-богу’;

г. *мане* ‘да’, *мане ма* ‘ну да’, *сенге* ‘так’, *седӹ* ‘конечно’, *лачок* ‘правда’, *цурат(ат)* ‘правда, действительно, ей-богу’.

К русским источникам восходят:

а) л., в., г. *да*, с.-з. *дӓ* ‘да’ < рус. *да* (5, с. 187; 34, с. 82; 24, с. 88; 2, с. 140; см. также 28, с. 250, 252);

л., в. *конешне*, г., с.-з. *конешнӹ* ‘конечно’ < рус. *конечно* (23, с. 71, 100);

л., в., г. *ну да*, с.-з. *нодӓ* ‘ну да’ < рус. *ну-да* (5, с. 187; 34, с. 82; 24, с. 88);

б) л., в. *точно*, г. *точны* ‘точно’ < рус. *точно* (23, с. 71);

в) л. *ага/ыгы*, г. *ага/аха* ‘ага, да’ < рус. *ага, аха* (32, с. 43, 169);

л., г. *но* ‘но, вот именно’ < рус. *но*;

л. *знаме*, г. *знамӹ* ‘знамо’ < рус. *знамо* (23, с. 71);

л. *верне*, г. *верньӹ* ‘верно’ < рус. *верно* (23, с. 91);

г) л. *товро* ‘добро’ < рус. *добро*.

Отрицательные (всего 9 единиц, в т.ч. русское заимствование 1, или 11,1%):

а) л., в., г. *уке*, с.-з. *уко, hкей* ‘нет’;

г) л. *-моч, -мочет, -моэт, -можо* ‘(да) какое, (да) какое там; (да) никакое’;

г. *молыжы, молет* ‘(да) какое, (да) какое там; (да) никакое’, *ылде* ‘нет уж, не...’;

с.-з. *н'е* ‘не’ < рус. *не* (например: *н'е тегень'ӹлӓн* ‘не за такого’).

Вопросительные (всего 24 единицы, в т.ч. русских заимствований 10, или 41,7%):

а) л., в. *мо*, г. *ма*, с.-з. *май* ‘что, ли, ль, да’; *вара* ‘ли, же’; *а* ‘а’; л., в. *але*, г. *ӓли/ӓль/ӓй*, с.-з. *ӓли* ‘али, аль, или’, л. волж. *ай* ‘а’; л., в., г. *неужели*, с.-з. *неужельӹ* ‘неужели’; л., в. *разве/райзы*, г. *разве/райзы/райзи/райзе/рай*, с.-з. *рӓзӹ* ‘разве’; *штоза* ‘что за’;

б) л., в. *туге вет*, г. *тенге вет* ‘так ведь’; л., г., с.-з. *ли* ‘ли’; л. *мол*, г. лб. *маль*, с.-з. *май/маль/мали/мальы* ‘что ли’; л., г., с.-з. *кол* ‘неужели, коли, коль’; л., г., с.-з. *но* ‘но, ну’;

в) л. *мо вара*, г. *ма вара* ‘что ли’; л. *гала*, г. лб. *гәлә* ‘ли, же’; л. волж. *пал*, г. *вәл* ‘ли, же’; л. *туге ли*, г. *тенге ли* ‘так ли’; л. *неушто*, г. *неушты* ‘неужто’;

г., с.-з. *ә* ‘а, да’;

г) л. волж. *и* ‘ли’, *си* ‘же, -то’, *моси* ‘ли, что ли’;

г. *гыце* ‘разве, что ли, да’, *ы/ы-ы* ‘а, да’;

с.-з. *или* ‘или’.

К русским источникам восходят:

а) *а* ‘а’ < рус. *а* (5, с. 188; 34, с. 82; 24, с. 88; 2, с. 140);

л., в. *але*, г. *әле/әль*, с.-з. *әли* ‘али, аль, или’ < рус. *али, аль* (23, с. 88; 32, с. 87); г. *әй*, л. волж. *ай* ‘а’ < рус. *ай* (= *аль*);

л., в., г. *неужели*, с.-з. *неужелы* ‘неужели’ < рус. *неужели* (5, с. 188; 34, с. 82; 23, с. 71; 24, с. 88);

л., в. *разве/райзы*, г. *разве/райзы/райзи/райзе/рай*, с.-з. *рәзы* ‘разве’ < рус. *разве* (5, с. 188; 34, с. 82; 23, с. 71, 113; 24, с. 88; 2, с. 140). Д.Е. Казанцев в ряду частиц местных русских говоров приводит вопросительную частицу *раз'е* (30, с. 67);

штоза ‘что за’ < рус. *что за*;

б) л., г., с.-з. *ли* ‘ли’ < рус. *ли* (5, с. 188; 29, с. 44);

л., г., с.-з. *коли* ‘неужели, коли, коль’ < рус. *коли* в диалектном значении ‘неужели’ (23, с. 71, 81, 100);

л., г., с.-з. *но* ‘но, ну’ < рус. *но*;

в) л. *неушто*, г. *неушты* ‘неужто’ < рус. *неужто* (23, с. 105). В местном русском говоре зафиксирована вопросительная частица *н'еушто* (30, с. 67);

г) с.-з. *или* ‘или’ < рус. *или*.

Неясно, имеет ли отношение происхождение частицы г., с.-з. *ә* ‘а, да’ к вопросительной частице рус. *а*; Ф.И. Гордеев в данном случае предполагает татарское заимствование (32, с. 30).

Выражающие отношение к достоверности высказываемого: сомнение, неуверенность, предположение, недоверие и др. (всего 28 единиц, в т.ч. русских заимствований 12, или 42,8%):

а) л., в. *чай*, г. *сәй*, с.-з. *цәй* ‘чай, может быть’; л. *пуйто*, в. *пуйто/бутто/путто/вуйто*, г. *вуйта*, с.-з. *пуйто* ‘будто, как будто’; л., в. *можыч/можыт/можеч*, г. *можыть*, с.-з. *можыт* ‘может, может быть’;

б) л., в., г. *ик* ‘около, примерно’ (о количестве); л., в. *иктаж*, г. *иктә* ‘около, примерно’ (о количестве); л., в. *наверне/наверно*, г. *наверно/наверны* ‘наверно(е)’;

л. *ала*, в. *әлә/әл*, с.-з. *әлә* ‘может быть, возможно, вероятно; вряд ли’;

л., г., с.-з. *гай* ‘будто бы, кажется, вроде’; л. *анят*, г. *әнят*, с.-з. *ньәт/әньәт* ‘возможно, может быть’; л. *витне/викны*, г. *видны/викны*, с.-з. *витны* ‘видно’; л. *пожале/пожалуй*, г. *пожал/пожалуй*, с.-з. *пжалы* ‘пожалуй’;

с.-з., в. *незнәй*, г. *незнай* ‘не знай, неизвестно’;

в) л., в. *дыр* ‘наверно(е), очевидно, вероятно’;

л. *векат*, г. *векăт* ‘вероятно, пожалуй, наверно(е)’;

л. *очыни*, с.-з. *оцын* ‘должно быть, вероятно, наверно(е)’;

г) л. *докан* ‘наверно(е), вероятно, видимо’, *аман* ‘видимо, видно’, *ала мо* ‘наверно(е), видимо, вероятно’, *гын веле* ‘может быть, возможно’, *коеш/гойыш* ‘видно, видимо, кажется’;

в. *эмыш* ‘вроде, будто, как будто’, *мекан* ‘то ли, может, чай’;

г. *тама* ‘кажется, наверно(е), вероятно’, г. *можвыть* ‘может быть, может’;

вӹрăтли ‘вряд ли’, *едвали* ‘едва ли’;

с.-з. *нигак* ‘никак, может быть, очевидно’, *пой/пойи* ‘поди’.

К русским источникам восходят:

а) л., в. *чай*, г. *сăй*, с.-з. *цăй* ‘чай, может быть’ < рус. *чай*; вятск. *чать* (5, с. 191; 34, с. 82), диал. *чай* ‘вероятно’ (24, с. 89). По мнению И.С. Галкина, форма *сăй* «возникла, очевидно, под чувашским влиянием» (5, с. 191);

л. *пуйто*, в. *пуйто/бутто/путто/вуйто*, г. *вуйта*, с.-з. *пуйто* ‘будто, как будто’ < рус. *будто* (5, с. 180; 34, с. 82; 23, с. 90; 2, с. 140), рус. *будьто* (28, с. 163);

л., в. *можыч/можыт/можеч*, г. *можыть*, с.-з. *можыт* ‘может, может быть’ < рус. *может* (23, с. 104, 71);

б) л., в. *наверне/наверно*, г. *наверно/наверн?* ‘наверно(е)’ < рус. *наверно* (23, с. 71, 104);

л. *витне/викны*, г. *видны̆й/викны̆й*, с.-з. *витны̆й* ‘видно’ < рус. *видно* (23, с. 71, 92; 28, с. 116);

л. *пожале/пожалуй*, г. *пожал/пожалуй*, с.-з. *пӈжалы* ‘пожалуй’ < рус. *пожалуй* (23, с. 71, 109);

с.-з., в. *незнăй*, г. *незнай* ‘не знай, неизвестно’ < рус. *не знаю* (23, с. 71, 105), *не знай* (в местном русском говоре – см. 30, с. 60);

г) г. *можвыть* ‘может быть, может’ < рус. *может быть* (23, с. 104, 71);

г. *вӹрăтли* ‘вряд ли’ < рус. *вряд ли*;

г. *едвали* ‘едва ли’ < рус. *едва ли*;

с.-з. *нигак* ‘никак, может быть, очевидно’ < рус. *никак*;

с.-з. *пой/пойи* ‘поди’ < рус. *поди*.

Возможно, источником частицы л. *очыни*, с.-з. *оцын* ‘должно быть, вероятно, наверно(е)’ является наречие рус. *очми (= очами)* в значении ‘очевидно’.

Выражающие субъективную передачу чужой речи, или вводные (всего 5 единиц, в т.ч. русских заимствований 2, или 40,0%):

а) л., г., с.з. *манеш*, в. *манеш/маеш* ‘мол, говорят’, букв. ‘говорит’; в литературном языке также широко употребляется *маныт* ‘говорят’;

в) г. *ескыть*, с.-з. *йескӹть* ‘дескать’;

г) с.-з. *мӈл* ‘мол’, *новот* ‘говорит’.

К русским источникам восходят:

в) г. *ескыть*, с.-з. *йескӹть* ‘дескать’ < рус. *дескать*;

г) с.-з. *мӈл* ‘мол’ < рус. *мол*. В монографии Д.Е. Казанцева среди оценочных частиц в местном русском говоре приводится и единица *мол* (30, с. 67).

Словообразовательные (всего 13 единиц, в т.ч. русских заимствований 3, или 23,1%):

а) л., в. *иктаж-*, г. *иктä-*, с.-з. *иктäж-* ‘-нибудь, -либо’; л., в. *-гынат*, г., с.-з. *-гынят* ‘-нибудь, -либо, -то’; л. *ала-*, в. *ала-/ал-/älä-/äл-*, с.-з., г. лб. *älä-* ‘-то’; л. *ни-/ны-*, в. *ны-/нӹ-*, г. *ни-*, с.-з. *ни-/н'ӱ-/н'h-* ‘ни-’; л. *кеч-/коч-/коть-*, в. *кеч-/коч-*, г. *хоть-*, с.-з. *коть-* ‘хоть’;

б) л., в., г. *керек-* ‘хоть-, ... угодно’;

с.-з. *незнäй-*, в., г. *незнай-*, г. лб. *незна-* ‘-то’;

в) г. *äнят-*, *-äнят*, с.-з., г. лб. *нят-*, *-нят* ‘-то, -нибудь’; г. *та-/тä-*, с.-з. шар. *та-* ‘-то’;

г) г. *-шон* ‘... попало, попадется’ (в данном значении используются также глаголы-частицы *попаза, вäрештеш* – 9, с. 272–273; *попазаш* < рус. *попасть*);

с.-з. *-гäлä/-кäлä* ‘-то’, *-гай* ‘-нибудь’, *-дӹкät* ‘-нибудь, -либо’.

Как словообразовательные, вероятно, следует квалифицировать также единицы тюркского происхождения, выражающие большую степень проявления признака, которые выступают в качестве первых компонентов прилагательных: л., в. *чап-*, с.-з., г. *цäп-* (*чап-чара, цäп-цäрä* ‘совершенно голый’); л., в. *сап-* (*сап-сар* ‘желтее желтого’); л., в. *тӱп-* (*тӱп-шеме* ‘совершенно черный’); л. *туп-* (*туп-тура* ‘совершенно прямо, очень крутой’); л., в. *яп-* (л. *яп-яра* ‘совершенно пустой’, в. *яп-яндар* ‘совершенно чистый’) и др. (при подсчете они не учитывались).

К русским источникам восходят:

а) л. *ни-/ны-*, в. *ны-/нӹ-*, г. *ни-*, с.-з. *ни-/н'ӱ-/н'h-* ‘ни-’ < рус. *ни-* (23, с. 62–63, 71, 105; 9, с. 171; 35, с. 229; 2, с. 140; 34, с. 41, 82). На взгляд Г. Берецки, «частица *ны-, ни-, н'и-* ..., которая в конечном счете восходит к рус. *ни-*, в марийский язык попала при посредничестве чувашского языка, как считал еще Б. Мункачи» (4, с. 242);

л. *кеч-/коч-/коть-*, в. *кеч-/коч-*, г. *хоть-*, с.-з. *коть-* ‘хоть’ < рус. *хоть* (6, с. 144; 5, с. 179, 186; 34, с. 80, 82; 40, с. 84, 101; 41, с. 238; 35, с. 223; 23, с. 121; 42, с. 46–47; 4, с. 242; 29, с. 27);

б) с.-з. *незнäй-*, в., г. *незнай-*, г. лб. *незна-* ‘-то’ < рус. *не знаю, не знай* (см. выше).

Количественную характеристику вышеизложенного материала по русским заимствованным частицам на фоне всех частиц в марийском языке можно обобщенно представить в таблице 1.

Таблица отражает количество частиц, общее и русских заимствований, по семантическим группам и по распространенности в диалектах. Согласно подсчетам, в марийском языке всего 247 частиц (без учета глагольных отрицаний и частиц, оформляющих описательные прошедшие времена), из русского языка заимствовано 90 единиц (или 36,4%). Русскими заимствованиями в той или иной мере пополнились все рассмотренные группы частиц. В процентном отношении больше всего таких заимствований среди определительных (58,3%) и модально-волевых частиц (50,0%), меньше всего – среди отрицательных (11,1%; 1 частица из 9 – с.-з. *не: не*

Таблица 1

Количество частиц (общее и русских заимствований) в марийском языке и его диалектах

№ п/п	Семантические группы частиц	Общее кол-во и кол-во русских заимствований (в цифрах и в %)			Общемарийские (а)	Встречающиеся в трех диалектах (б)				Встречающиеся в двух диалектах (в)						Встречающиеся в одном диалекте (г)			
						л., в., г.	л., г., с.-з.	л., в., с.-з.	с.-з., в., г.	л., в.	л., г.	в., г.	л., с.-з.	в., с.-з.	г., с.-з.	л.	в.	г.	с.-з.
1.	**Выделительно-усилительные**	всего	38		8	3	5			7	7				1	1	1	5	
		рус.	17	44,7	6	2	5			0	2				1	1	0	0	
2.	**Выделительно-ограничительные**	всего	24		4	1	1			4	3					10		1	
		рус.	4	16,7	3	0	1			0	0					0		0	
3.	**Определительные**	всего	12		3	2					1	1						4	1
		рус.	7	58,3	1	1					1	1						3	0
4.	**Указательные**	всего	8		3	2				1					1				1
		рус.	3	37,5	1	0				0					1				1
5.	**Присоединительные**	всего	11		2			1		2			1		1	1	1	1	1
		рус.	3	27,3	2			0		0			0		1	0	0	0	0
6	**Выражающие степень распространения**	всего	11		3		1	1		2						1	2		1
		рус.	4	36,4	2		1	0		0						0	0		1
7.	**Модально-волевые**	всего	30		7	1	3			2				1	3	1		9	3
		рус.	15	50,0	4	0	2			0				1	2	0		3	3
8.	**Утвердительные**	всего	34		7	1	2			3	4		1		1	7	2	6	
		рус.	9	26,5	3	1	0			0	4		0		0	1	0	0	
9.	**Отрицательные**	всего	9		1											4		3	1
		рус.	1	11,1	0											0		0	1
10	**Вопросительные**	всего	24		7	5					5				1	3		2	1
		рус.	10	41,7	5	3					1				0	0		0	1
11.	**Выражающие отношение к достоверности высказываемого**	всего	28		3	3	4	1	1	1	1		1			5	2	4	2
		рус.	12	42,8	3	1	2	0	1	0	0		0			0	0	3	2
12.	**Вводные**	всего	5		2										1				2
		рус.	2	40,0	0										1				1
13.	**Словообразовательные**	всего	13		5	1			1						2			1	3
		рус.	3	23,1	2	0			1						0			0	0
	Всего	всего	247		55	19	16	3	2	22	21	1	3	1	11	33	8	36	16
		рус.	90		32	8	11	0	2	0	8	1	0	1	6	2	0	9	10
		в %	36,4		58,2	42,1	68,8	0	100	0	38,1	100	0	100	54,5	6,7	0	25,0	62,5

тегеньйлäн ‘не за такого’) и выделительно-ограничительных (16,7%). Необходимо отметить, среди заимствованных определительных частиц значительное место (3 единицы из 7) занимают единицы, встречающиеся только в горном диалекте; соответственно из 15 модально-волевых частиц, заимствованных из русского языка, 6 единиц выступают только в горном и северо-западном диалектах. Заслуживает внимания доля русских заимствований у общемарийских частиц, она составляет более 58% (понятно, общемарийские заимствования относятся к разным периодам истории языка: судя по внешним признакам, одни проникли еще в прамарийский период, другие – уже после разделения прамарийского языка на отдельные диалекты, в том числе в последнее столетие; данный вопрос требует специального глубокого исследования). Важны показатели, общие и русских заимствований, для отдельных диалектов; они следующие: в луговом – 172 и 61 (35,5%), восточном – 111 и 44 (39,6%), горном – 161 и 77 (47,8%), северо-западном – 107 и 62 (57,9%). Как видно, наибольшее количество таких заимствованных частиц в северо-западном (около 58%) и горном диалектах (около 48%), более всего подвергшихся влиянию русского языка; меньшая их доля в луговом и восточном диалектах, по-видимому, объясняется довольно сильным влиянием на них татарского языка, в т.ч. в области частиц.

Рассматривая вопрос о русских заимствованиях в системе марийских частиц, нельзя оставить в стороне и собственно марийские частицы, образованные при том или ином участии лексем (частиц, союзов, наречий), восходящих к русским источникам. Такими являются частицы:

– усилительно-выделительные: в. *эшода* ‘еще’ < наречие *эшо* (< рус. *еще*) + союз в значении частицы *да* (< рус. *да*); в. *пушыда* ‘пуще’ < наречие *пушо* (< рус. *пуще*) + частица *да* (< рус. *да*);

с.-з. *дӹкӹ̈н* ‘же’ < *дӹк* ‘если’ < рус. *дык* (см. выше) + усилительная частица *-ӹ̈н*, исторически восходящая к инструктивному форманту **-ин*; *дӹкät* ‘даже, и’ < *дӹк* ‘если’ + усилительная частица *-ат* ‘и, же’ (28, с. 276–277); *дӹкӹ̈нät* ‘даже, и’ < *дӹкӹ̈н* + частица *-ӓт*;

– присоединительные л. *да мо* ‘и прочее, да что’ < союз *да* (< рус. *да*) + местоимение *мо* ‘что’ (см. 28, с. 254), так же образованы л. *да монь/да мойн*, в. *да мой/да монь* ‘и прочее, да что’;

с.-з. *дамада*, л. *да мо да* ‘и прочее, и тому подобное’, букв. ‘да что да’ < союз *да* (< рус. *да*) + местоимение *ма, мо* ‘что’ + союз в значении частицы *да* (< рус. *да*);

л. *мо да* ‘и прочее, да что’, букв. ‘что да’ < местоимение *мо* ‘что’ + союз в значении частицы *да* (< рус. *да*);

– модально-волевые с.-з. *нокон* ‘ну-ка’ < *ноко* (< рус. *ну-ка*) + *-н* (см. ниже *-н* в частицах с.-з. *докон*, л. волж. *докон/докан* ‘-ка’, с.-з. *-кын/-кӹ̈н* ‘-ка’, *дайкын/дäйкӹ̈н* ‘дай-ка, давай-ка’);

с.-з. *докон*, л. волж. *докон/докан* ‘-ка’ < *доко* ‘-ка’ < рус. *токо, тока* (см. выше) + *-н*. Г.М. Тужаров считал, что частица с.-з., л. волж. *докон* «образовалась путем контаминации *-dok* и усилительного (в настоящее время нейтрального) *n*-ового элемента посредством соединительного гласного *o*», при этом генетичес-

кую параллель марийскому *-dok* видел в мордовском языке (*-dok*) (39, с. 105). По мнению Ф.И. Гордеева, с.-з. *докон* «вероятно, того же происх-я. что и *докан* 'вероятно, наверное' (с переносом семантики)», л., в. *докан* является собственно марийской единицей, образованной с помощью суффикса наречия *-н* (локативного форманта) «от *тока* 'недавно' < рус. *токи* 'только'» (28, с. 266);

с.-з. *-кын/-кӹн* '-ка' < частица *-кы/-кӹ* '-ка' < рус. *-ка* (2, с. 141) + *-н*. По мнению Г.М. Тужарова, частица *-кын/-кӹн* идентична с мордовскими частицами *-ko/-ke/-kə* , *-dak* и финской *-kin* (39, с. 105);

дайкын/дӓйкӹн 'дай-ка, давай-ка' < *дайкы/дӓйкӹ* < рус. *дай-ка* (28, с. 253) + *-н*;

утвердительные: г. *правам(ам)*, с.-з. *пыравам* 'право (же), правда, ей-богу' < *п(ы)рава* (< рус. *право*) (23, с. 80, 111) + усилительная частица *-ам(-ам)*;

волж. *амо* 'да, же' < вопросительная частица *а* 'ли' (< рус. *а*) + *мо* 'что' (5, с. 187–188; 32, с. 100; 2, с. 145);

вопросительные л., в. *туге вет*, г. *тенге вет* 'так ведь' < частица *туге, тенге* 'так, да' и частица *вет* 'ведь' < рус. *ведь* (см. выше);

л. *моли*, г. лб. *маль*, с.-з. *май/маль/мали/мальы* 'что ли' < местоимение *мо, ма* 'что' + вопросительная частица *ли, ль* < рус. *ли, ль* (см. выше); очевидно, полукалька русской частицы *что ли, что ль*;

л. *туге ли*, г. *тенге ли* 'так ли' < частица *туге, тенге* 'так, да' и частица *ли* 'ли' < рус. *ли* (см. выше); вероятно, полукалька русской конструкции *так ли*;

вводная частица с.-з. *новот* 'говорит' < рус. *но вот* или *ну вот*; вероятно, переосмысление в конструкциях типа *но вот (ну вот) говорят*;

словообразовательная с.-з. *-дӹкӓт* '-нибудь, -либо' < *дӹк* 'если' (< рус. *дык*) + усилительная частица *-ат* 'и, же'» (28, с. 276–277).

Таким образом, русский язык оказал существенное влияние на развитие системы марийских частиц. За счет русских заимствований значительно (в целом более чем на 36%) пополнился ее состав. Русизмы в различной степени представлены во всех семантических группах частиц, однако самый высокий процент содержат определительные и модально-волевые частицы, наименьший – отрицательные и выделительно-ограничительные. Многочисленны (более 58%) русские заимствования среди общемарийских частиц, они проникли в разные периоды развития языка. В горном и северо-западном диалектах около половины частиц являются заимствованиями из русского языка, в луговом и восточном – более одной трети. В обогащении состава марийских частиц определенную роль сыграли также собственные сложные и составные образования с участием различных лексем русского происхождения.

СОКРАЩЕНИЯ

в. – восточный диалект марийского языка
вятск. – вятский говор русского языка
г. – горный диалект марийского языка
диал. – диалектный
л. – луговой диалект марийского языка

лб. – левобережные говоры горного диалекта марийского языка
л. волж. – волжский говор лугового диалекта марийского языка
л. м.-с. – моркинско-сернурский говор лугового диалекта марийского языка
морк. – моркинский подговор лугового диалекта марийского языка
прибел. – прибельский говор восточного диалекта марийского языка
рус. – русский язык
серн. – сернурский подговор лугового диалекта марийского языка
с.-з. – северо-западный диалект марийского языка
тат. – татарский язык
чув. – чувашский язык
с.-з. шар. – шаранский говор северо-западного диалекта марийского языка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Майтинская К.Е.* Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М., 1974.

2. *Майтинская К.Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. – М., 1982.

3. *Хайду П.* Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е.А. Хелимского. – М., 1985.

4. *Bereczki G.* A cseremisz nyelv történeti alaktana. – Debrecen, 2002.

5. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. – Йошкар-Ола, 1964.

6. Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола, 1961.

7. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Северо-западное наречие марийского языка. – Йошкар-Ола, 1970.

8. *Учаев З.В.* Марий йылме: Факультативный занятийым эртарыме учеб. пособий. Туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. – Йошкар-Ола, 1985.

9. *Саваткова А.А.* Горное наречие марийского языка // Bibliotheca ceremissica. T. V. – Savariae. 2002.

10. *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола, 1971.

11. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола, 1981.

12. Словарь марийского языка. Т. I: А–З. – Йошкар-Ола, 1990.

13. Словарь марийского языка. Т. II: И – К (кабак – коса). – Йошкар-Ола, 1992.

14. Словарь марийского языка. Т. III (косараш – ляпкыме). – Йошкар-Ола, 1994.

15. Словарь марийского языка. Т. IV: М – Ӧ (ма – ӧрчыктарымаш). – Йошкар-Ола, 1998.

16. Словарь марийского языка. Т. V: Ӧ (Ӧрчыктарыме –), П. – Йошкар-Ола, 2000.

17. Словарь марийского языка. Т. VI: Р – С. – Йошкар-Ола, 2001.

18. Словарь марийского языка. Т. VII: Т. – Йошкар-Ола, 2002.

19. Словарь марийского языка. Т. VIII: У, Ӱ, Ф, Х, Ц, Ч. – Йошкар-Ола, 2003.

20. Словарь марийского языка. Т. IX: Ш, Щ. – Йошкар-Ола, 2004.

21. Словарь марийского языка. Т. X: Ы, Ӹ, Э, Ю, Я. – Йошкар-Ола, 2005.

22. *Вершинин В.И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. – Йошкар-Ола, 2011.

23. *Саваткова А.А.* Русские заимствования в марийском языке. – Йошкар-Ола, 1969.

24. *Коведяева Е.И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). – М., 1976.

25. *Сибатрова С.С.* Частицы горного наречия марийского языка // Вопросы марийского языка. Материалы и исследования по марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1987.

26. *Сиивонен А.Т.* Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010.

27. *Лаврентьев Г.И.* Послелоги и частицы в волжском говоре марийского языка // Вопросы марийского языкознания: Сб. ст. Вып. II. – Йошкар-Ола, 1968.

28. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. II: В–Д. – Йошкар-Ола, 1983.

29. *Берецки Г.* Взаимосвязи языков Волжско-Камского ареала // Пленарные доклады X Международного конгресса финно-угроведов. Ч. I / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2005.

30. *Казанцев Д.Е.* Русские говоры Республики Марий Эл: Учеб. пособие. – Йошкар-Ола. 2003.

31. Татарско-русский словарь. – М., 1966.

32. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. I: А–Б. – Йошкар-Ола, 1979.

33. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск, 1990.

34. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис: Тунемме книга. – Йошкар-Ола, 1986.

35. *Майтинская К.Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. – М., 1979.

36. *Андуганов Ю.В.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Ч. 1 Введение. Субстантивные словосочетания. – Йошкар-Ола, 1991.

37. *Иванов И.Г.* Марий диалектологий: Университетысе студент-влаклан тунемме книга. – Йошкар-Ола, 1981.

38. *Сибатрова С.С.* О формах степеней сравнения имен прилагательных в марийском языке и влиянии русского языка на их систему // Финно-угроведение. 2005, № 1.

39. *Тужаров Г.М.* Частицы, употребляющиеся с формами императива в яранском говоре марийского языка // Советское финно-угроведение, 1966. № 2.

40. *Майтинская К.Е.* Местоимения в мордовских и марийских языках. – М., 1964.

41. *Майтинская К.Е.* Заимствованные элементы в местоименной лексике финно-угорских языков // Советское финно-угроведение. 1966, №4.

42. *Лаврентьев Г.И.* Состав слова и словообразование в современном марийском языке. – Йошкар-Ола, 1984.

Serafima Sibatrova

THE ROLE OF RUSSIAN BORROWINGS IN THE FORMATION OF MARI PARTICLE SYSTEM

Russian language has had a significant impact on the development of Mari particles. Due to the Russian borrowing significantly (generally more than 36%) added its composition. Russian borrowing represented to varying degrees in all groups semantic particles, but contains the highest percentage Identification (58.3 %) and modal volitional (50%) of the particles, the lowest – negative (11.1%) and excretory – restrictive (16.7%). Numerous (over 58%) of Russian borrowings general Mari particles, they came into the different periods of the language. The greatest number of particles in the Russian north-west (about 58%) and mountain dialects (about 48%) are more exposed to the influence of the Russian language, the smaller their share of the meadow (35.5%) and Eastern (39.6%) due to dialects quite a strong influence on them of the Tatar language , including in the area of the particles. In the enrichment of Mari particles played a role as its own complex and compound units derived using different tokens Russian origin.

СООБЩЕНИЯ

Татьяна Душенкова
Ижевск

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА М.Г. АТАМАНОВА И ЕГО НАУЧНАЯ ХАРИЗМА

В настоящей работе исследуется феномен научной харизмы на примере творчества доктора филологических наук М.Г. Атаманова. Ученый-гуманитарий выполняет функции демиурга в концептуализации научного знания. М.Г. Атаманов обладает большим кругозором, упорством в достижении целей, одухотворенностью высокой научной идеей. В статье рассматривается лишь одна область – религиозная лексика, связанная с его переводческой деятельностью. Проанализированы особо продуктивные способы словообразования. В конце статьи дано приложение – список религиозных терминов.

1. О феномене научной харизмы

Кто из нас не задавался вопросом о феномене творчества, а особенно научного? Человек, который сумел воплотить в себе такие разносторонние таланты, как исследовательский дар, гениальную научную интуицию, служение Богу и мастерство писателя – это Михаил Гаврилович Атаманов. Много ли найдется таких ярких личностей в российской науке? Для меня это, в первую очередь, М.В. Ломоносов и Д.С. Лихачев, среди удмуртов – В.Г. Верещагин, Т. Борисов и К. Герд. Харизма личности о. Михаила, в миру М.Г. Атаманова, неоспорима. В удмуртском языке для него подошло бы определение *Дунне Адями*. В данное «понятие входят такие качества, как ощущение себя частицей Вселенной, способность брать на себя ответственность за все, что творится во Вселенной. Это и универсальные способности, навыки, умения как в материальной, так и духовной сфере» (1, с. 82).

М.Г. Атаманов – «самородок», «человек нравственного максимализма», «наше всенародное достояние», «олицетворение совести», «символ удмуртского народа», «ходячий путеводитель по Удмуртии» (2, с.12, 15) и т.д. Эти определения можно найти в книге «Михаил Гаврилович Атаманов – ученый, проповедник, писатель. Библиографический справочник», составленной Е.А. Булычевой (Ижевск, 2012. 272 с.).

Благодаря мастерскому представлению материалов работа читается как единый текст, а образ М.Г. Атаманова открывается перед читателем как монолитная фигура, как ограненный природой алмаз, иногда высвечивая те стороны, которые в жизни оставались в тени. Библиографический справочник удачно объединяет разные жанры: интервью, отзывы, рецензии, эссе, выдержки из статей разных авторов, воспоминания детства и юности самого Михаила Гавриловича, его рассуждения и др. Такая широкая многоголосая палитра лишь усиливает общее звучание симфонии жизни и творчества выдающегося ученого, писателя, переводчика религиозной литературы.

Так что же такое *харизма*? Харизма (от греч. – милость, божественный дар) – 1. Исключительная одаренность (о святых). 2. Высокий авторитет, основанный на умении подчинять других своей воле (3, с. 1439). Харизма в русском тексте Нового Завета передается как *дар благодати*, получаемый верующими от Христа или Святого Духа. Харизматическая личность как феномен групповой психологии – человек, который в глазах своих приверженцев обладает исключительными качествами и способностями, вызывающими преклонение, безоговорочную веру в его необыкновенные возможности, готовность следовать ему, подчиняться, идти на любые жертвы (4, с. 118). Харизма тесно связана с креативностью, видимо, даже с эпатажностью, не переходящей некой меры, за пределами которой видится анархия с разрушением самого принципа авторитета.

Присуща ли харизма ученым? Безусловно. «Харизма ученого-гуманитария выступает прежде всего как фактор концептуализации гуманитарного знания, – пишет В.А. Луков. – Если ученые в естественнонаучных областях знания при создании научной концепции могут опереться на материал наблюдения и эксперимента, то в гуманитарной области очень многое определяется авторитетом той или иной научной школы или отдельного ученого» (5, с. 9). Исследователя-гуманитария он сравнивает с демиургом. «Очевидно, – пишет автор статьи, – что образ демиурга – обобщение созидательного потенциала всего научного сообщества, который складывается из разных по масштабам дарований и достижений, из несопоставимых долей и вкладов, но таких, которые придают целому синергию. И такое целое – больше суммы составляющих его частей. Развивая эту концепцию ученого-гуманитария как демиурга, следует особое внимание уделить качеству личности, придающему ей особое значение в глазах окружающих, сообщества, всего общества, – так называемой харизмы» (5, с. 8).

Вне всякого сомнения, примером ученого-гуманитария как демиурга в персональном воплощении может выступать наш современник Михаил Гаврилович Атаманов, воссоздавший систему воршудов, удмуртские личные и географические имена, написавший фундаментальный труд «Происхождение удмуртов» и переведший на удмуртский язык полный текст Библии. Он вернул из небытия многие стороны жизни удмуртского народа, и даже его литературный эпос «Тангыра» кажется восстановленным древним артефактом с его преданиями, легендами, мифами и историей.

У М.Г. Атаманова есть все качества, необходимые для выдающегося ученого: большая широта кругозора, чем у других специалистов его профиля, упорство в достижении цели, концептуальность, одухотворенность высокой научной идеей. Единственное, чего у него нет – это научной школы. Однако то, что он сделал, под силу, наверное, нескольким школам. А он справился со всем один. Всегда восхищает в нем редкостное соединение дара озарения с даром доказательности.

О его достижениях много сказано на конференции, и многое уже написано – и не стоит повторяться. В данной статье будет рассмотрено словотворчество, которое сопровождало его переводческую деятельность при работе с текстами Священного Писания, а именно, на религиозной лексике.

2. Религиозная лексика

2.1. С начала 90-х годов прошлого столетия Институт перевода Библии начал интенсивную работу по переводу книг Священного Писания. Несомненно, уникальные проекты, осуществляемые Институтом, «оказывают неоценимую помощь в деле сохранения и развития языков малочисленных и разделенных народов. Перевод Библии – это стимулирующий фактор в повышении престижа родного языка, особенно для тех языков, которые специалисты ныне называют вымирающими, исчезающими, <…> поскольку процессы вымирания языков нередко сопровождаются полным безразличием носителей к своему языку, который остается функционировать лишь в сфере семейного общения представителей старшего поколения» (6).

В эту работу активно включился и М.Г. Атаманов. К тому времени он уже был известным ученым-лингвистом и перешел в церковь. И это очень важно, т.к. «общественный статус и мастерство переводчика является немаловажным фактором повышения интереса к родному языку» (6). Известно много случаев, когда перевод делается неавторитетными людьми, тогда текст зачастую клеймят: находят недостатки, считают недостоверным и т.п. И совсем другое дело, когда перевод выполнен знающим, уважаемым человеком.

Когда о. Михаил приступил к переводу, уже имелось несколько библейских текстов на разных диалектах и наречиях удмуртского языка, но вряд ли он их использовал в работе. Об этом достаточно подробно пишет в своей монографии Л.М. Ившин: «В 1803 г. первые удмуртские переводы были представлены в Синод вятским епископом Амвросием, однако почему-то были оставлены без внимания» (7, с. 93). Тогда необходимо было перевести на удмуртский язык Символ веры, десятисловие, церковные молитвы и катехизис. В 1820 г. первые десять глав Евангелия от Матфея перевёл Левандовский. Кроме него переводили: Евангелие от Матфея – протоиерей А.Шкляев, протоиерей П. Платунов, священники Н.Невоструев и Н.Утробин, С.Анисимов, З.Кротов, купец И.Волков; Евангелие от Луки – священники Иоанн Анисимов, С. Красноперов; Евангелие от Иоанна – священники Павел Тронин, С.Анисимов. 25 декабря 1823 г. впервые в истории Удмуртского края зазвучали переводы фрагментов Библии. В 1824 г. переводы были представлены в комитет Библейского общества (Санкт-Петербург), но не были напечата-

ны. В 1838 г. проводилась проверка переводов. В 1844 г. разрешили печатание в Казани. Однако были напечатаны лишь в 1849 г. Итак, работа по переводу Евангелий на удмуртский язык и по их изданию продолжалась более четверти века (1818–1849 гг.) (7, с. 93, 95).

Именно печатные издания и рукописи Евангелий послужили источником для написания фундаментальных теоретических и практических трудов XIX столетия – грамматики удмуртского языка, словарей и др., а также сыграли большую роль в формировании норм литературного языка и художественной литературы.

Перевод Евангелий на удмуртский язык был сложнейшим трудом для переводчиков и редакторов, так как им пришлось проделать «…огромную работу в поисках лексических, морфологических и синтаксических эквивалентов для адекватной передачи русскоязычного материала и выработке определенных норм удмуртского письма» (7, с. 96). Ибо исторически нормирование языка обычно начинается с перевода богослужебных книг.

И вот в 2012 г. была закончена работа над переводом всей Библии, которая продолжалась 20 лет. *«Удмуртъёс осконзы понна бырыны дась ӧвӧл на… удмурт кылэ «Вуж Сизён» берыктэмын. Таӵе ужез сюлэмад зэмос осконэн улыса гинэ быдэстыны вормод»* (8, с. 2) 'Удмурты за свою веру еще не готовы отдать жизнь… на удмуртский язык переведен «Ветхий Завет». Такую работу не осилить без настоящей веры в сердце'. Сначала были переведены несколько книг Нового Завета, Детская Библия, акафисты, канон, молитвы и в последнюю очередь – Ветхий Завет.

200 лет ушло на то, чтобы удмурты получили полный текст Священного Писания.

2.2. Библия – древний памятник общекультурного наследия человечества. И практически в каждом языке имеются понятийные эквиваленты библейской терминологии. Язык Библии – пророческий/профетический/апостольский язык в отличие от профанного, т.е. повседневного, стилистически высокий (4, с. 260). Это язык, который использовался (и используется) при исполнении культов, в богослужении. В силу неконвенционального восприятия знака такие языки нередко сакрализировались, почитались как священные. Народы дорожили духовными ценностями, записанными на них, и делали все, чтобы сохранить и тексты, и сами языки в первозданном виде. Поэтому эти языки (авестийский, иврит, церковнославянский, санскрит и др.) исключительно устойчивы.

По мере секуляризации стали возможны и переводы Писания и богослужения на народных языках. Однако священными языками они не стали. Но переводчику, так или иначе, необходимо сохранить особенности такого двуязычия – культового и народного (см. 4, с. 261–262). Соответственно при этом и лексика должна отличаться от слов литературного и разговорного языков.

Создание и упорядочение системы религиозной терминологии в удмуртском языке происходит на базе имеющихся лексических и словообразовательных ресурсов и возможностей:

1) часто употребляется религиозная лексика, ранее бытовавшая в языке, в т.ч. единицы диалектов и говоров: **бургы-гумы, узьыгумы** 'труба'; **дэлет** 'благословение'; **лул** 'дух, душа'; **ӧбкельыны** 'раскаяться'; **курбон сётон** '1. жертвенник 2. жертвоприношение'; **тылыс** 'Скиния'; **ныпъет** 'бремя, ноша' – *Мынам зӥбетэ ӟеч, ныпъетэ капчи* (9, с. 440) 'Иго мое благо, и бремя моё легко'; **шайтан** 'лукавый' (9, с. 332);

2) используется метод контекстного изучения терминологии, когда слово выражает разные значения и только в контексте можно выявить адекватный термин для того или иного понятия: **апостолъёслэн ужъёссы** 'деяния апостолов'; **ӟеч эрик** 'благоволение' (9, с. 312);

3) широко применяется морфологический, аффиксальный, способ словообразования:

– *-он (-ён), -н* – продуктивный и регулярный аффикс, образующий от любого глагола имя существительное с отвлечённым значением (действия, состояния, реже субъекта, орудия действия или объекта); например: **адӟон** 'видение' (9, с. 272); **азон-калгон** 'блуд, блудодеяние; любодеяние' (10, с. 146); **бугыръяськон** 'забастовка, бунт, восстание, возмущение'; **буйгатскон** 'утешение' (9, с. 490); **бурмытон** 'исцеление' (9, с. 448); **виылон** 'убийство'; **дышетон** 'учение'; **каргаськонюриськон** 'клятва'; **куашкатон** 'опустошение'; **косон** 'повеление, указ'; **эксэй косон** 'царское повеление'; **курон-косон** 'заповедь, завет'; **лыктон** 'пришествие (Мессии)'; **мисьтӥськон** 'умывальник'; **пӧяськон-алдаськон** 'обман'; **пуктонкосон** 'устав'; **сӥзён** 'завет'; **сӥзён ковчег** 'ковчег завета'; **тодытон** 'пророчество', **тодытыны** 'проповедовать'; **усьтӥськон** 'откровение' – **Иоанлы Усьтӥськон** 'Откровение Иоанна'; **утиськон** 'убежище'; **шекланон(ъёс)** 'сомнения'; **берытскон** 'обращение' (9, с. 386); **даллашон-ченгешон** 'распря' (9, с. 502); **ёртон-ӝикатон** 'гонение' (9, с. 488); **кӧтэз тырон** 'насыщение'– *Вить сюрс муртлэсь вить нянен кӧтсэ тырон* (9, с. 352) 'насыщение пяти тысяч пятью хлебами'; **куштӥськон** 'отречение' – *Пётрлэн куштӥськонэз* (9, с. 418) 'отречение Петра'; **лулъяськытон** 'воскрешение' (9, с. 342); **оскиськон** 'надежда'; **ӧбкелён** 'покаяние' (9, с. 492); **ӧжыт оскись** 'маловерный' (9, с. 354); **ӧрекчи дышетон(ъёс)** 'ересь' (9, с. 502); **югдытскон** 'просвещение' (9, с. 298); **чорыг кутон** 'улов' (9, с. 326); **усён** 'падение' (9, с. 490) **сюлмаськон** 'попечение' – *Инмарлэсь та калык сярысь сюлмаськонзэ ивортон* (9, с. 442) 'попечение Божие об этом народе';

– *-лык* – продуктивный и регулярный аффикс, образующий от существительных и адъективных или адъективно-наречных слов существительные со значениями собирательности, совокупности, отвлечённого качества-свойства; например: **визьлык** 'мудрость'; **визьлыко** 'мудрый'; **кескичлык** 'вероломство, хитрость'; **кужымлык** 'владычество, могущество'; **ляблык** 'немощь'; **уродлык** 'зло'; **шонерлык** 'праведность'; **быдӟымлык** 'величие' (9, с. 490); **визьлык люканы** 'исполняться премудрости' (9, с. 308); **зэмлык** 'истина' (9, с. 420); **каньыллык** 'мир, спокойствие'– *Кыçе ужъёс каньыллыке мыныны тыныд юртто!* (9, с. 392) 'Что служит миру твоему!':

– *-эт (-ет)* – (очень редко использует) продуктивный и регулярный аффикс, образующий от глаголов существительные со значением орудия действия, предмета, имеющего определенное назначение, результата и объекта действия; например: **дэлет** ‘благословение (слава и присутствие)’ – *Отын Инмарлэн дэлетэз улыны кулэ* ‘там должно жить благословение Бога’; **тодмет** ‘знамение’; **йыркерттэт** ‘венец’ – *Тёрнпулэсь йыркерттэт пуныса, солдатъёс солэн йыраз изьыязы* (9, с. 422) ‘Связав терновый венок, солдаты надели ему на голову’; **мертэт** ‘мера’ (9, с. 338);

– *-эм (-ем), -м* – продуктивный и регулярный аффикс образования существительных от глаголов со значением отвлечённого действия, состояния, результата или объекта действия; например: **йӧнтэм** ‘нечестивый’; **сӥзем** ‘обетованный’ – **сӥзем музьем** ‘земля обетованная’; **укылтэмъёс** ‘глупцы’; **уллямъёс** ‘изгнанники’; **быръемъёс** ‘избранные’ (9, с. 396); **востэмъёс** ‘кроткие’ (9, с. 330); **дунсьӧлыктэм** ‘святой’ (9, с. 514); **зӥбыт-востэм** ‘смиренный’ (9, с. 380); **йыромем** ‘блудный’ – **йыромем пи** ‘блудный сын’, **йыромем пилэн бертонэз** ‘возвращение блудного сына’ (9, с. 372); **кужымтэм** ‘немощный’ – *Дух сэзь, ноин луллмугор кужымтэм* (9, с. 414) ‘Дух бодр, а плоть немощна’; **кыллы бырем** ‘суеслов’ – *Мар вераны ӧдья та кыллы бырем*? (9, с. 474) ‘Что хочет сказать этот суеслов?’;

– *-ан (-ян)* – продуктивный, но малорегулярный аффикс, образующий от глаголов существительные со значением процесса; например: **гажан-жалян** ‘милость, жалость’; **жытан** ‘вечеря’ – **берпуметӥ жытан** ‘последняя (тайная) вечеря’ (9, с. 410); **зечкылан** ‘приветствие’ (9, с. 402); **кортӟоганы** ‘распнуть’ – *Кортӟога, кортӟога Сое!* ‘Распни, распни Его!’; **кортӟоган** ‘распятие’ (9, с. 420); **юрӟым куашкан** ‘растление’ (9, с. 490);

– *-сь (-ись)* – продуктивный, регулярный аффикс, образующий от причастий при помощи субстантивации существительные со значением лица по роду его деятельности или соучастию; например: **шонер улӥсьёс** ‘праведник’; **выжы утись** ‘наследник’; **адӟись** ‘свидетель’ – *Малы кулэ на асьмелы адӟисьёс?* (9, с. 418) ‘Зачем нужны нам еще свидетели?’; **бӧрдӥсьёс** ‘плачущие’ (9, с. 330); **визь сынась** ‘искуситель, дьявол’ (9, с. 314); **возьмаськись** ‘пастырь’ (9, с. 494); **гажась-жалясь** ‘милосердный’ (9, с. 360); **жильыетын пукись** ‘узник’ (9, с. 420); **йырвандӥсь** ‘разбойник, убийца’ (9, с. 416); **каргасьёс** ‘проклинающие’ (9, с. 334); **курадӟытӥсьёс** ‘истязатели’ (9, с. 358); **чидась луон** ‘долготерпение’ (9, с. 502); **мозмытӥсь** ‘избавитель’ (9, с. 312); **чеберъяськисьёс** ‘лицемеры’ – *Малы тӥ мынэсьтым визьме сынаськоды, чеберъяськисьёс?* (9, с. 398) ‘Почему/зачем искушаете меня, лицемеры?’; **ултӥясь** ‘обидчик’ (9, с. 380); **ултӥясьёс** ‘обижающие’ (9, с. 334); **уллясь** ‘гонитель’ (9, с. 256); **уллясьёс** ‘гонящие’ (9, с. 334); **шонер улӥсьёс** ‘праведники’ (9, с. 334).

Совершенно не используются М.Г. Атамановым аффиксы *-ни, -тӥ, -чи*;

4) используется словосложение:

а) сочинительное: **мынон-ветлон** ‘путешествие’ (9, с. 470); **пуктон-косон**

'правило' (9, с. 339); **урод-лек** 'злой' (9, с. 338); **улы-бече** 'племя' (9, с. 516); **гйр-пурт** 'меч (оружие)'; **сюдон-вордон** 'гостеприимство' (9, с. 490);

б) подчинительное: **ожйыр** 'военачальник' (9, с. 486); **шорсюлэм** 'центр, средоточие, сердцевина' (9, с. 442).

Достаточно много единиц, образованных из нескольких слов, что не характерно для удмуртского словообразования. **пачыл мед-кузьым** 'воздаяние'; **шонер улйсь** 'праведник', **шонер улон** 'праведность' (9, с. 380); **шонертэм улйсь** 'неправедный' (9, с. 514);

5) нередко наблюдаются краткие описательные конструкции: **зын поттйсь арбериос** 'благовония'; **возьмаськон боды** 'посох'; **пыкъяськон боды** 'жезл'; **вир кисьтон** 'кровопролитие'; **визьнод сётйсь** 'советник'; **из зыръян арбери** 'праща'; **вӧсь карон** 'наказание'; **сюлэмын вылтйяськыны** 'возгордиться'; **гожтэт нуисьёс** *уст.* 'гонцы'; **ыстэм гожтэтъёс** 'послания'; **жог ветлйсь** *уст.* 'скороход'; **сю муртэн кивалтйсь** *уст.* 'сотник'; **сӧриськем кышномурт** 'негодная, распутная женщина'; **вина омыръясь** 'виночерпий'; **эксэй пукон** 'престол'; **музъемез таркась** 'опустошитель'; **шонер улйсьёс** 'праведник'; **азыса-калгыса улон** 'прелюбодейство'; **дышетыса-нодъяса улыны** 'наставлять'; **ӟудыса улыны** 'нуждаться'; **керетыса-жугиськыса улыны** 'воевать'; **тала-са-таркаса улыны** 'грабить'; **адӟемпотостэм карисьёс** 'ненавидящие' (9, с. 334); **азыса-калгыса улисьёс** 'любодеи' (9, с. 514); **коньдон вошъяса пукисьёс** 'меновщики денег', **коньдон вошъясьёс** 'меновщики' (9, с. 320); **кораблез валтйсь** 'корабельщик' (9, с. 484); **осконлэсь куштйськон** 'отступничество' (9, с. 490); **оскон понна курадӟытэм** 'мученик (за веру)' (9, с. 452); **периосты улляса поттыны** 'изгонять нечистых духов' (9, с. 316); **муртлы ӟеч карисьёс** 'милостивые' (9, с. 330) и др.

Особо можно выделить названия экзотических растений и животных: **виноградпуд** 'виноградная лоза'; **вӧйпу** 'оливковое дерево'; **миндальпу** 'миндаль'; **пальмапу** 'пальма'; **смоквапу** 'смоква'; **левпи** 'львёнок'; **кыр кеч** 'серна' (9, с. 462); **тёрипу** тёрн (9, с. 422) и др.

В тексте часто встречаются религиозные/культовые наименования: **дунне кутйсь но утись** 'Владыка и Спаситель мира'; **мынам возьмасе** 'мой Пастырь'; **вӧйын зырӧем** 'Помазанник'; **Ӟеч ивор** 'Благая весть, Евангелие'; **зырӟыны** 'помазать (на царство)'; **Дунне кутйсь** 'Вседержитель'; **кылчинъёс-херувимъёс** 'ангелы-херувимы'; **кӧс утён нунал** 'день поста'; **Сйон (гурезь)** 'Сион'; **улӟыса султон** 'воскрешение'; **тупаса улонлэн эксэз** 'Князь мира'; **Адями Пи** 'Сын Человеческий' (9, с. 322); **бакель карыны** 'благословить' (9, с. 290); **Быдӟымнунал сиён** 'Пасха' (9, с. 410); **вандйсь сям** 'обряд обрезания' (9, с. 298); **возись-кыны быгатон** 'воздержание' (9, с. 502); **Ваньдылы каньыл мед луоз!** 'Мир вам!' (9, с. 434); **Ин Эксэйлык** 'Царство Небесное' (9, с. 316).

Кроме небольшого количества понятий, которые можно передать только заимствованиями, названия чуждых реалий творчески переосмысливаются переводчиком. Фразеология не калькируется, а выражается описательно. Удалось избежать

и синтаксических калек. Вместо деепричастных оборотов употребляются придаточные предложения. Поссесивные конструкции с глаголом *иметь* адекватно переведены бытийными (поскольку глагол *иметь* в финно-угорских языках отсутствует – см. 11) и т.д.

Современный удмуртский язык динамичен и содержит множество примеров актуализации слов, находившихся ранее на периферии языка, что в свою очередь дает возможность словам становиться источником создания новых терминов и их значений. Всего в переводных текстах, прежде всего в Детской Библии, было выявлено 380 слов и выражений (см. приложение – список религиозных и других терминов). Почти все из них вошли в новый Удмуртско-русский словарь (2008).

3. Выводы

Приведенный пример М.Г. Атаманова как харизматической личности типичен для гуманитарной сферы знания, ибо в науке есть множество случаев, когда перекресток тенденций в ненаучном знании совпадает с крупной, неординарной личностью ученого-гуманитария. «Он вроде бы такой же, как и другие в его области деятельности, но – энергичнее, шире по кругозору, упорнее в достижении цели, убедительнее в аргументах, концептуальнее. Он больше видит, больше может, он работает за шестерых, но и этого ему мало. Главное – он одухотворен высокой научной идеей, он ее адепт, провозвестник, защитник» (5, с.11).

Несомненно, работа М.Г. Атаманова по переводу Библии на удмуртский язык стала большим вкладом в развитие удмуртской лексикографии. Перевод Священного Писания на удмуртский язык способствует выявлению лексического богатства, словообразовательных возможностей, активизации деривационных средств и некоторых грамматических форм, обогащению и становлению лексико-семантической структуры языка. Благодаря таким переводам расширяется сфера функционирования литературного удмуртского языка, т.к. он находит применение для передачи новых литературных жанров. Переводы также дают богатый материал для лингвистических, сравнительно-сопоставительных исследований и для переводоведения.

Стоит отметить, что проблема искусственной номинации в последнее время очень актуальна. Все, кто ею занимается, стремятся создавать мотивированные неологизмы. Сегодня понимание неологизма как слова с абсолютно новой формой плохо соотносится с тем, что подавляющее большинство слов (русского или удмуртского языков) являются производными, т.е. связанными отношениями формально-семантического сходства с другими лексическими единицами. Структурно уникальные слова-неологизмы предстают в этом случае как что-то редкое, нетипичное для системы языка, находящееся на периферии. При этом значительную часть неологизмов (при традиционном выделении этой группы слов), несмотря на преимущественное количество заимствований, составляют производные слова, образованные с помощью средств удмуртского словообразования – уже известных языку деривационных морфем и мотиваторов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Пукроков Ф.П.* К вопросу о национальном характере удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1992, № 6.

2. Михаил Гаврилович Атаманов – ученый, проповедник, писатель. Библиогр. справ. / Сост. Е.А. Булычева. – Ижевск, 2012.

3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: «Норинт», 2002.

4. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. – М., 1998.

5. *Луков В.А.* Харизма ученого как фактор концептуализации гуманитарного знания // Вестник Вятского гос. гуман. ун-та. 2011, № 3(2).

6. *Алексеев М.Е.* Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов России // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: Материалы конф. 24–26 сентября 2008 г. / ИПБ, ИЯз РАН. – М., 2008.

7. *Ившин Л.М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. – Екатеринбург–Ижевск, 2010.

8. *Дарали Лели.* Оскем потэ // Удмурт дунне. – 2013-ти ар 29-тӥ толшор.

9. Ныпиослы Библия / Бер. М. Атамановлэн. – Стокгольм–Хельсинки: Институт перевода Библии, 2001.

10. *Атаманов М.Г.* Восяськонъёс. Канонъёс. Кырӟанъёс. – Ижевск, 2000.

11. *Агранат Т.Б.* Перевод Евангелия в истории водского языка // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ: Материалы конф. 24–26 сентября 2008 г. / ИПБ, ИЯз РАН. – М., 2008.

Приложение

СПИСОК РЕЛИГИОЗНЫХ И ДРУГИХ ТЕРМИНОВ*

1. **адӟемпотостэм карисьёс** ненавидящие
2. **адӟись** свидетель
3. **адӟон** видение
4. **адями виылисьёс** убийцы
5. **Адями Пи** *рел.* Сын Человеческий
6. **адями талась** разбойник, грабитель
7. **азон-калгон** блуд, блудодеяние; любодеяние
8. **азыса-калгыса улисьёс** любодеи
9. **азыса-калгыса улон** прелюбодейство

---

* В Список включены примеры из 5 текстов (такое ограничение материала связано с тем, что в годы работы над словарем были готовы только эти части):

Деяния апостолов / Пер. М.Г. Атаманова.. – Стокгольм–Хельсинки: Институт перевода Библии, 1996. –118 б.: ил.

Атаманов М.Г. Вӧсяськонъёс. Канонъёс. Кырӧанъёс. – Ижевск: Удмурт университеглэн поттонниез, 2000. – 148 б.

Атаманов М.. Г. Диакон. Ньыль зарезь пыр – Иерусалиме. – Ижкар, 1994. – 52 б.

Марклэн гожтэм Евангелиез. Евангелие от Марка на удмуртском языке. – Стокгольм:: Библиез берыктонъя Институт, 1991. – 69 б.

Ныпиослы Библия / Бер. М. Атамановлэн. – Стокгольм–Хельсинки: Институт перевода Библии, 2001. – 546 б.

10. **азыса-калгыса улйсьёс** прелюбодеи
11. **азьветлйсь** вождь, предводитель
12. **алекъяськон** суета, суматоха; **алекъяськонъёслэн алекъяськонзы** суета сует
13. **апостольёслэн ужъёссы** *рел.* деяния апостолов
14. **бакель карыны** *рел.* благословить
15. **берытскон** обращение
16. **бӧрдйсьёс** плачущие
17. **бугыръяськон** возмущение (восстание)
18. **буйгатскон** утешение
19. **буйгатскыны** утешиться
20. **букро** *бот.* плевелы
21. **бургы-гумы, узьыгумы** труба
22. **бурмытон** исцеление
23. **быдӟымлык** величие
24. **Быдӟымнунал сиён** Пасха
25. **быронтэм улон** *рел.* жизнь вечная
26. **быртык** (нота), крупинка
27. **быръемъёс** избранные
28. **валэктон** толкование
29. **вандйсь сям** *рел.* обряд обрезания
30. **вандйськон сям** *рел.* обрезание
31. **Ваньдылы каньыл мед луоз!** Мир вам!
32. **веднаськыны** волшебствовать
33. **визь пырем бере** придя в себя
34. **визь сынаны** *рел.* искушать
35. **визь сынась** искуситель, дьявол
36. **визьлык люканы** исполняться премудрости
37. **визьлык** мудрость
38. **визьлыко** мудрый
39. **визьнод сётйсь** советник
40. **визьнодо** мудрый
41. **визьтэмъяськон-укылтэмъяськон** бесчинство
42. **визьтэмъяськыны** безумствовать
43. **вина виятон гу** точило
44. **вина омыръясь** виночерпий
45. **виноградпуд** виноградная лоза
46. **виноградпуд** лоза
47. **виноградпудъёс** виноградник
48. **вир кисьтон** кровопролитие
49. **виылон** *рел.* избиение; **вож нуныосты виылон** избиение младенцев
50. **виылон** убийство
51. **вӧйпу** оливковое дерево
52. **вӧйын зыръем** *рел.* Помазанник
53. **вӧсь карон** наказание
54. **вожпотон** гнев
55. **возиськыны быгатон** воздержание
56. **возьмаськись** пастырь

57. **возьмаськон бодыпосох**
58. **востэмьёс** кроткие
59. **вошгйськон** *рел.* преображение
60. **ву тырон** водонос
61. **выжы утись** наследник
62. **выштйяськись** надменный
63. **выштйяськиськытэк (улыны)** не гордиться
64. **выли мылкыдо** гордый
65. **гажан-жалян** *рел.* милость, жалость
66. **гажась-жалясь луон** милосердие
67. **гажась-жалясь** милосердный
68. **гажась-жалясь** милосердный
69. **гидкуа** двор
70. **гижло чер** *мед.* проказа
71. **гижло черен висисьёс** прокажённые
72. **гижлозыны** покрыться струпьями
73. **гожтэт нуисьёс** *уст.* гонцы
74. **гудзем** *см. тк.* колодча, колодец, колодезь
75. **Гурезь йылын тодытон** *рел.* нагорная проповедь
76. **даллашон-ченгешон** распря
77. **данлык** слава
78. **данэ потон** прославиться
79. **дарали** виссон (порфира), парча
80. **Дунне кутйсь** Вседержитель
81. **дунне кутйсь но утись** Владыка и Спаситель мира
82. **дуно шыкыс** ларец *перен.* сокровища
83. **дун-сьолыктэм** святой
84. **дун-шектэм** совершенный, целомудренный?
85. **дурбасьтон** заступничество
86. **дышетон** учение
87. **дышетыса-подъяса улыны** наставлять
88. **дэлет** *рел.* благословение (слава и присутствие)
89. **дэлето** *рел.* благодатный *Шумпот, Дэлето!* Радуйся, Благодатная!
90. **ёрмисьёс** нуждающиеся
91. **ёртон-жикатон** гонение
92. **жильыетын пукись** узник
93. **жильыетын пукись** узник
94. **жугыны-тышканы** истязать
95. **жикаса-ёрмыса улыны** жить в затруднённом положении?
96. **жог ветлйсь** *уст.* скороход
97. **жугйськыны** возвыситься
98. **жытан** *рел.* Вечеря; **берпуметй жытан** последняя (тайная) вечеря
99. **зйбыт-востэм** смиренный
100. **зын поттйсь арбериос** благовония
101. **зыр** кол
102. **зырзыны** помазать (на царство)
103. **зэмлык** истина

104. **Ӟеч ивор** Благая весть, Евангелие
105. **Ӟеч эрик** благоволение
106. **Ӟечкылан** приветствие
107. **Ӟечлык** *рел.* благость
108. **Ӟудыса улыны** нуждаться
109. **Ӟудыса улыны** нуждаться
110. **Ӟургетыны** роптать
111. **иворчи** вестник
112. **из гу** пещера
113. **из зыръян арбери** праща
114. **изкар** крепость
115. **Ин Эксэйлык** Царство Небесное
116. **индылон, нодъян** наставление
117. **инмар-сульдэр** *рел.* бог-идол
118. **Инме ӝутскем** *рел.* Вознесение
119. **исамес карыса** насмехаясь
120. **йӧнтэм** *рел.* нечестивый
121. **йыбырттыны ветлыны** ходить на поклонение
122. **йылсо боды** рожон
123. **йырвандйсь** разбойник, убийца
124. **йыркерттэт** венец
125. **йыромем** блудный; **йыромем пи** блудный сын; **йыромем пилэн бертонэз возвращение** блудного сына
126. **йыруж лэсьтйсь** преступник
127. **калыкъёслэсь лыдзэс чотагы** (с)делать перепись населения
128. **каньсыраны** истомиться
129. **каньыллык** мир, спокойствие *Кыӵе ужъёс каньыллыке мыныны тыныд юртто!* Что служит миру твоему!
130. **каргасьёс** проклинающие
131. **каргаськон-юриськон** клятва; проклятие
132. **катанчи** завеса
133. **керетыса-жугиськыса улыны** воевать
134. **кесиськыны** воскликнуть
135. **кескичлык** вероломство, хитрость
136. **киез поныны** возложить руки
137. **киултыны** взять (завоевать); **городэз киултӥзы** взяли город
138. **книга тодйсьёс** *рел.* книжники
139. **коньдон вошъяса пукисьёс** меновщики денег
140. **кораблез валтйсь** корабельщик
141. **корт дйськут** *воен. уст.* доспехи, латы
142. **корт изьы** *воен. уст.* шлем
143. **кортӵоган** распятие
144. **кортӵоганы** распнуть *Кортӵога, кортӵога Сое!* Распни, распни Его!
145. **косон** повеление, указ; **эксэй косон** царское повеление
146. **кӧс утён нунал** день поста
147. **кӧтэз тырон** насыщение
148. **куалектыса** со страхом

149. **куалектытыны** прийти в смятение, испугаться; **Инмар куалектытйз** Господь привёл в смятение

150. **куарнянь** лепёшки

151. **куашкатон** опустошение

152. **куашкатыны** уничтожить

153. **кужымлык** владычество, могущество

154. **кужымтэм** немощный *Дух сэзь, нош лулмугор кужымтэм.* Дух бодр, а плоть немощна

155. **кузёйыр** князь, начальник

156. **кузьым-салам** дар

157. **кулйськыны** быть при смерти

158. **кулэлыко** важный; **кулэлыко люкет** важная часть

159. **кунган** кувшин

160. **курадзытйсьёс** истязатели

161. **курбон сётон** 1. жертвенник 2. жертвоприношение

162. **куректон-кайгу** беды, горе, скорбь

163. **куректон-кайгырон** скорбь; **куректон-кайгырон нунал** день скорби

164. **куректыны** скорбеть

165. **куриськон** прошение

166. **куронзэ кабыл басьтйз** принял во внимание, услышал просьбу

167. **курон-косон** заповедь, завет

168. **кутылйсь** ловец; **адями кутылйсь** ловец людей

169. **кутыны-нодъяны** обуздывать / обуздать

170. **кушласькон** отношение

171. **куштйськон** *рел.* отречение

172. **кыл сётон** клятва

173. **кыллы бырем** суеслов

174. **кылчинъёс-херувимъёс** *рел.* ангелы-херувимы

175. **кыр кеч** *зоол.* серна

176. **кырсь-шеко улйсь** нечистый

177. **лазег инты** мель

178. **левпи** львёнок

179. **лёгаськыны потыны** (выйти) прогуляться

180. **либатыны** принуждать, уговаривать / уговорить

181. **лул** дух, душа

182. **лулмугор** плоть

183. **лулъяськытон** *рел.* воскрешение

184. **лулын-сюлмын юнманы** *рел.* укрепляться духом

185. **лыктон** *рел.* пришествие (Мессии)

186. **лэсьтйськись(ёс)** строител(и)

187. **лэсьты(лы)ны** *рел.* Сотворить

188. **люкиськон** прощание

189. **ляблык** немощь

190. **лякыплык** кротость

191. **лялъчи пиос** рабы; **лялъчи нылъёс** рабыни

192. **мадён** притча; **Соломонлэн мадёнъёсыныз книга** книга притчей Соломоновых

193. **мед-кузьым** награда; *Тйляд кыче мед кузьымды луоз?* Какая вам награда?

194. **медо** слуга
195. **медъяськем мурт** наёмник
196. **мертэт** мера
197. **миндальпу** *бот.* миндаль
198. **мисьтйськон** умывальник
199. **мозмытйсь** избавитель
200. **мувыр** холм
201. **музъемез таркась** опустошитель
202. **мукетъят** в другой раз
203. **муртлы ӟеч карисьёс** милостивые
204.**мынам возьмасе** *рел.* мой Пастырь
205. **мынон-ветлон** путешествие
206. **нимо-дано** знаменитый
207. **нодтэм** безумный
208. **нылкышно эксэй** царица
209. **ныпъет** бремя, ноша *Мынам зӥбетэ ӟеч, ныпъетэ капчи.* Иго мое благо, и бремя моё легко.
210.**нянь тйялтыку** преломление (хлеба)
211. **огкылысь улон** единство
212. **ожгарчи** воин
213. **ожйыр** военачальник
214. **ортчем сюрессэ тодытон** история
215. **оскиськон** надежда
216. **оскиськымон** верный
217. **оскиськымон луон** верность
218. **оскиськыны** надеяться
219. **оскиськыны, оскиськыса улыны** надеяться
220. **оскон понна курадӟытэм** *рел.* мученик (за веру)
221. **осконлэсь куштйськон** *рел.* отступничество
222. **ӧбкелён** покаяние
223. **ӧбкельыны** раскаяться
224. **ӧбкельыса** *деепр.* покаявшись; *ӧбкельыса, сьӧлыкъёстылэсь куштйськe* 1.покаявшись, избавьтесь от грехов своих 2. покайтесь
225. **ӧжыт оскись** *рел.* маловерный
226. **ӧрекчаськон кылъёс** лживые/ложные свидетельства
227. **ӧрекчи апай-выньёс** лжебратья
228. **ӧрекчи дышетон(ъёс)** ересь
229. **ӧрекчи пророкъёс** лжепророки
230. **паймымон тодметъёс** знамения
231. **паймымон ужъёс** чудеса
232. **паймымон** чудный
233. **палаш** палаш, меч
234. **палкышно** вдова
235. **пальмапу** *бот.* пальма
236. **палэнскыны** уклониться; **сюлэмыныз палэнскиз** изменил в сердце своём
237. **пачыл мед-кузьым** воздаяние
238. **пегӟон** бегство

239. **периос** бесы, духи (злые); **периосты улляса потгыны** *рел.* изгонять нечистых духов
240. **пинь сыскон** скрежет зубов
241. **пиштйсь данлык** слава Божия
242. **поглян** колесо
243. **подъясь** писарь
244. **посэм ку** пергамент
245. **пöяськон-алдаськон** обман
246. **праздник тупатыны** установить праздник
247. **пуктон-косон** правило
248. **пуктон-косон** устав
249. **пумитъяськись-бугыръяськись** мятежник
250. **пумтэм вапумъёслэн атайзы** *рел.* Отец вечности
251. **пыкъяськон боды** жезл
252. **пытсэт** темница, тюрьма, заточение
253. **пычал-тйрлык** *собир.* оружие
254. **раньзытыны** утруждать
255. **сак улыны** бодрствовать
256. **саптаськыны** осквернiться
257. **серекъян-горон** смех
258. **син усьтйськыны** прозреть
259. **син чебер** зрачок; **син чеберзэ кадь** как зеницу око
260. **синазькыль карон** ненависть
261. **сйзем; сйзем музъем** *рел.* земля обетованная
262. **сйзён** *рел.* завет; **сйзён ковчег** *рел.* ковчег завета
263. **Сйон (гурезь)** Сион
264. **смоквапу** смоква
265. **со виын** в это время
266. **Соломон Бöльмы** притвор храма
267. **солэсь но ортчыт** сверх того, более того
268. **сöриськем кышномурт** негодная, распутная женщина
269. **сöсырмемъёс** калеки
270. **сöсырмемъёс** увечные
271. **сöсыръясь** избивающий
272. **сузмытыны (лыосты)** сокрушить (все кости)
273. **сульдэр** *рел.* идол
274. **сульдэръёслы (идолъёслы) йыбыртъясьёс** идолопоклонники
275. **сьöлтэт** колода, узы
276. **сьöлыканы** *рел.* согрешить
277. **сьöлыкъёсыд куштйсько** прощаются тебе грехи твои
278. **сьöлыкъёсыз понна öбкелем** раскаявшийся
279. **сэзёмытскыны** ободриться
280. **сэзь улыны** бодрствовать
281. **сэрег сётыны** дать пристанище
282. **сэртгон-пергчон** исследование
283. **сю муртэн кивалтйсь** *уст.* сотник
284. **сюдон-вордон, куноятон** гостеприимство
285. **сюзы куасьмыса улйсьёс** жаждущие

286. **сюлмаськон** попечение *Имарлэсь та калык сярысь сюлмаськонзэ шуртон* попечение Божие об этом народе
287. **сюлмысь тыршыны** усердствовать
288. **сюлэмын вылтйяськыны** возгордиться
289. **сюмык** чаша
290. **сюр** *муз.* рог; **сюр гуммы** *муз.* труба, рог
291. **сюэз куасьмем мурт** жаждущий
292. **сялӟыса кельтыны** извергнуть, выплюнуть
293. **сяськаяськон вадесаз** в расцвете (его) жизни
294. **таласа-таркаса улыны** грабить
295. **таласьёс** разбойники
296. **тёрипу** тёрн
297. **тйр-пурт** меч (оружие)
298. **тодмет** *рел.* знамение
299. **тодытон** пророчество
300. **тодытыны** проповедовать
301. **тодытыны** *рел.* проповедовать
302. **тодытыны-дышетыны** проповедовать
303. **тунаськон-пелляськон** чародейство
304. **тунаськыны** ворожить
305. **тунгон** засов
306. **туно-пеллё** чародей
307. **тупаны** гадать
308. **тупаса улон ваисьёс** миротворцы
309. **тупаса улон** мир
310. **тупаса улонлэн эксэез** *рел.* Князь мира
311. **тупатэк улон** разногласия
312. **турын тырон** ясли
313. **тусбуй** изображение, портрет
314. **тушмонъяськыса улон** вражда
315. **тылыс** *рел.* скиния
316. **тэльмыри** вопль
317. **тэрытскыса улыны** быть послушным
318. **уж** *рел.* деяние **апостолъёслэн ужъёссы** деяния апостолов
319. **ужан-тыршон** служение
320. **ужан-тыршон** труд
321. **уждун** жалованье, зарплата
322. **улӟыса султон** воскрешение
323. **улӟыса султон** *рел.* воскрешение (из мертвых)
324. **укылмыны** неистовствовать
325. **укылтэмъёс** глупцы
326. **уллямъёс** изгнанники
327. **уллясь** гонитель
328. **уллясьёс** гоняющие
329. **ултйясь** обидчик
330. **ултйясьёс** обижающие
331. **улы-бече** племя
332. **улэп ву** вода живая

333. **уробо** колесница
334. **урод-лек** злой
335. **уродлык** зло
336. **ургтылйськыны** клеветать
337. **усён** *рел.* падение
338. **усьтйськон** откровение
339. **усьтйськон** *рел.* откровение; **Иоанлы Усьтйськон** Откровение Иоанна
340. **утиськон** спасение
341. **утиськон** убежище
342. **чакланы-эскерыны лыктэмъёс** лазутчики, соглядатаи
343. **чеберъяськисьёс** лицемеры
344. **черектйськыны** возопить; *соос дугдйзы ке, изъёс черектйськозы* если они умолкнут, то камни возопиют
345. **черектйськыса:** ***Соку со черектйськыса верам…*** И, возопив, сказал…
346. **чидась луон** долготерпение
347. **чорыг кутон** улов
348. **чӧлляськыны** извиняться; **Но ваньзы, огкылысь вераськем кадь, чӧлляськыны кутскиллям** И начали все, как бы сговорившись, извиняться
349. **шайтан** лукавый
350. **шекланон(ъёс)** сомнения
351. **шибоды** копьё
352. **шонер улйсь** *рел.* праведник
353. **шонер улон** праведность
354. **шонерлык** правда
355. **шонерлык** *рел.* праведность
356. **шонерлыко сюрес** *рел.* стезя правды
357. **шонертэм улйсь** *рел.* неправедный
358. **шорсюлэм** центр, средоточие, сердцевина
359. **шугадӟон** бедствие, наказание, несчастье; неприятность
360. **шукырес** блистательный/блистательно; **котькуд нунал шукырес сиён-юон дыр ортчытъям** и каждый день пиршествовал блистательно
361. **ыж (пудо) возьмась** пастух
362. **ыстэм гожтэт** *рел.* послание
363. **эксэй изьы** *уст.* царский венец
364. **эксэй мугорез утись** *уст.* царский телохранитель
365. **эксэй пукон** престол
366. **эрик** воля; **инмысь Атаезлэсь эриксэ быдэсъясь мурт гинэ отчы пыроз** Исполняющий волю Отца моего Небесного войдёт (в Царствие Небесное)
367. **эштос** организация
368. **югдытон уж** миссионерская деятельность
369. **югдытскон** просвещение
370. **югдытйсь** 1. просветитель 2. светильник; **Мугорлэн югдытйсез син луэ** Светильник для тела есть око
371. **юнматыны** подтверждать
372. **юрӟым куашкан** растление
373. **юрӟым** срамный
374. **юыса улон** пьянство
375. **яраос-гижлоос** раны

Tatiana Dushenkova

RELIGIOUS VOCABULARY OF M.G. ATAMANOV AND HIS SCIENTIFIC CHARISMA

In this paper we study the phenomenon of scientific charisma on the example of creation of the Doctor of Philology M.G. Atamanov. Scientists-scholar serves as the Demiurge in the conceptualization of scientific knowledge. M.G. Atamanov has great vision, persistence in achieving the goals of high spirituality scientific idea. This article discusses only one area – a religious vocabulary associated with its translational activity. Particularly productive ways of word formation are analyzed. At the end of the article we give an application – a list of religious terms.

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

ВЯТСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ КУШЕЛЕВ ПАВЕЛ СЕМЁНОВИЧ*

Нынешняя территория Республики Марий Эл до революции входила в состав трех губерний: Казанской, Вятской и Нижегородской. До настоящего времени не было системного изучения жизни и деятельности вятских просветителей марийского народа и истории становления марийской интеллигенции Вятского края. Имеется ряд небольших исследований, в которых труды вятских просветителей марийского народа упоминаются лишь с идеологической точки зрения (1, 2, 3), некоторые работы посвящены отдельным просветителям (4, 5). Жизнь и деятельность вятских просветителей наиболее полно отражена в монографии Л.П. Москвиной «Марийская национальная интеллигенция в конце XIX – начале XX веков» (Йошкар-Ола, 2007).

Данная публикация посвящена одному из ярких представителей марийской интеллигенции – просветителю Павлу Семёновичу Кушелеву.

Фамилия Кушелев в России славится с давних времен. Она нашла достойное место и в истории просвещения народа мари. Кушелев Павел Семёнович родился 24 июня 1871 года в с. Ценибеково Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне с. Емешево Горномарийского района РМЭ) в крестьянской семье Семёна и Екатерины Романовых. Сохранилось семейное предание о том, что при составлении ревизских сказок фамилия Романов была заменена на Кушелев (6).

Кроме Павла у четы Романовых было четверо детей: Фёдор, Григорий, Андрей и Матрона. Родители постарались дать своим детям достойное образование. Старший сын, Фёдор, окончил сельскохозяйственное училище. Он был призван в армию, однако там заболел и умер в военном госпитале. Такая же участь постигла и второго сына, Григория. Только младшему сыну, Павлу, удалось воплотить мечты отца. После окончания двухклассного земского училища он поехал в Москву. У здания Строгановского училища (ныне Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова) случайно встретился с инспектором Николаем Поливановым. Инспектор, проверив знания у юноши, взял его к себе на квартиру и стал готовить к поступлению, прикрепив к нему в качестве репетитора студента Кандидова (6).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ 13-14-12001 а (р).

18 сентября 1891 года Павел Кушелев окончил училище и получил диплом ученого рисовальщика. Успехи его, как указано в свидетельстве, были следующие: в Законе Божьем – порядочные, русском языке – довольно хорошие, арифметике – порядочные, географии – хорошие, истории – хорошие, геометрии – довольно хорошие, черчении – хорошие, начертательной геометрии – хорошие, перспективе – хорошие, теории – хорошие, орнаментистике – хорошие; рисовании: орнаментом – очень хорошие, ткацком – очень хорошие, набивном – очень хорошие, цветов – очень хорошие, с гипсов – очень хорошие; леплении – хорошие и чистописании – очень хорошие (6). Еще до получения диплома П. Кушелев написал письмо известному «отцу народов» Н.И. Ильминскому с просьбой устроиться на работу (7). По ходатайству просветителя-педагога его просьба была удовлетворена. Приказом попечителя Казанского учебного округа молодой специалист был направлен в Вятскую мужскую гимназию (6). Так с января 1892 года началась трудовая деятельность Павла Семёновича в качестве преподавателя чистописания и рисования, также он преподавал марийский язык слушателям миссионерских курсов в духовной семинарии (6). В то время предметы чистописания и рисования в училище считались одними из главных.

В 1895 году Павел Семёнович был переведен в Вятское Александровское реальное училище. Там он организовал студию, где молодежь могла совершенствовать способности по рисованию. В студию принимались ученики и из других учебных заведений. Большое внимание Кушелев уделял обучению и воспитанию неимущих, был членом попечительского совета школы.

П.С. Кушелев не терял связи со своим учителем Поливановым Николаем Ивановичем, с которым вел переписку. Благоустроитель судьбы Павла Семёновича в письмах выражал признательность и желал здоровья своему воспитаннику.

Продвижение по служебной лестнице шло своим чередом. В 1896 году Павел Семёнович был утвержден в чине коллежского асессора, в 1897 году переведен в надворные советники, в 1900 году – в коллежские советники, а 5 июля 1904 года произведен в статские советники.

В 1903 году Павел Семёнович в собственном доме организовал воскресные рисовальные курсы, где преподавали техническое рисование, черчение всем желающим. Курсы велись под руководством и наблюдением П. Кушелева и были подготовительным этапом для поступающих в художественное учебное заведение. После окончания курса учредитель устраивал бесплатную выставку ученических работ. А несколько картин марийского художника выставлялись в одном из музеев г.Котельнича. В программу курсов входило рисование плоских форм, углов и их сочетаний, бордюров, геометрических фигур, кривых линий и т.п. Изучали также технику черчения, геометрические построения, чертили разные фигуры (8, с. 135). Не можем не согласиться с мнением Л.П. Москвиной о том, что рисовальные курсы П.С. Кушелева сыграли большую роль в совершенствовании мастерства ремесленников разных специальностей, а также в подготовке учащейся молодежи к поступлению в художественные заведения (8, с. 135).

В 1909 году по инициативе местных художников в Вятке открылся художественный кружок. П.С. Кушелев являлся одним из учредителей и членом кружка. Он принимал самое активное участие в деятельности кружка. Его предложения, как правило, принимались единогласно (9, л. 35 об., 55 об.). В состав учредителей входили также художники Н.Н. Хохряков, Н.Н. Румянцев, А.И. Столбов, И.Ф. Федоров, Ф.А. Смирнов, С.А. Лобовиков, Ф.П. Куницын и Л.Н. Яцын (10, л. 4).

Деятельность данного общества заключалась в следующем: 1) с помощью кружка в 1910 году открыт художественно-исторический музей, он стал связующим звеном между населением и видными представителями художественного мира; 2) устраивались художественные выставки; 3) осуществлялась охрана памятников старины. В одну из задач входило открытие в Вятке художественной школы, однако замысел реализовать не удалось (11, л. 16, 20, 21 об., 22).

Кроме педагогической деятельности П.Кушелев занимался оформлением книг и показал себя способным к литературному творчеству. Им написано несколько автобиографических рассказов, которые были опубликованы в «Вятских губернских ведомостях» и «Вятской речи». Также просветитель собирал фольклор, наиболее интересные материалы помещал на страницах периодической печати. Им были напечатаны «Свадебная черемисская песня, записанная со слов черемисок Козьмодемьянского уезда Казанской губернии», игры «щелчки» и «крючки» горных черемис, сказка «Нищая», зафиксированная со слов черемис Яранского уезда Вятской губернии. К сказке «Нищая» П.С. Кушелев написал свои комментарии, которые заключаются в следующем: нищая мечтает разбогатеть. Она за веревку, найденную на дороге, приобретает себе лошадь со сбруей и упряжью. У разбогатевшей нищей настроение изменилось: она запела песню. Пела то, что с ней происходило. В конце сказки нищая лишается всего того, что приобрела в течение нескольких дней. Педагог-просветитель приходит к выводу, что нищий богат только мечтами, а умирать ему чаще приходится в бедности. Им также отмечено, что в сказке живо изображаются такие качества крестьян-черемис, как доброта, жалость и гостеприимство (12, с. 4).

Весьма интересна песня, которую поет невеста на свадьбе (текст песни дан с параллельным переводом на русский язык). К своим родственникам она обращается с просьбой что-нибудь подарить. Лишь у младшего брата невеста ничего не просит:

Ой, шолэм, мынтырк пушыц,	Ой, братец, выдал далеко,
Толмем годым онгэм ончал,	Когда приду, в грудь посмотри,
Кемем годым тупем ончал.	Когда пойду, в спину смотри (13, с. 3).

По мнению П. Кушелева, в песне не указано, что должен дать ей младший брат, можно лишь догадываться: она хочет получить что-нибудь для своего наряда, т.е. те предметы, которыми украшают замужние женщины свою грудь (13, с. 3).

Говоря об играх «щелчки» («чивыкла») и «крючки» («кагакла»), нужно отметить следующее: в «щелчки» дети играют до сих пор, а «крючки» немного забыты, сохранилась лишь первая часть игры. Сам П.С. Кушелев отметил, что «в настоя-

щее время эти старинные игры почти позабыты: их вытеснили русские игры. По всему, вероятно, со временем и совсем позабудут» (13, с. 7). Что представляла собой игра «крючки», приводим описание собирателя фольклора:

«В «крючки» – кагакла играют летом, ночью, когда стерегут лошадей, чтобы они не попали в хлебное поле и чтобы их не угнали, собираются мальчишки от 7 до 15 лет, и, чтобы не уснуть, играют в разные игры. Особенно любимой игрой считается игра в «крючки» – кагакла. «Крючок» приготовляется из кленовых или дубовых сучков, имеющих вид обыкновенной деревянной вилы. Каждый сучок «крючки» имеет величину не больше полтора вершка длины и не толще пальца толщины. Приготовляются они всегда из таких сучьев, у которых все ветви расходятся с одного места. Пред началом игры большинством голосов выбирают двух старшин, которые называются «ханами» или «äвä» (мать). В «ханы» или «ава» выбирают всегда бойких и распорядительных мальчиков и все участники во всем без всякого возражения их слушают и повинуются им. Выбрав хана, желающие принять участие в игре подходят к ханам попарно и просят, чтобы ханы приняли их в число участников игры. Перед тем, как подойти к ханам, два товарища должны дать друг другу какие-нибудь имена или название: подойдя к ханам, говорят так: «желаем мы принять участие в игре и просим вас, чтобы вы нас приняли». Ханы спрашивают, как их зовут, те называют свои вымышленные названия, так один говорит, например, что его зовут «сова», а другой – «филин». Один из ханов говорит: «Я хочу иметь сову» и тот, который дал себе имя «сова», отходит в сторону этого хана, а «филин» останется на стороне другого хана. В одно и то же время оба хана назвать «сову» или «филина» не могут. За этими двумя подходят еще две, один называет себя «черемисом», а другой – «русским». Один из ханов опять должен пригласить «черемисина», а другой – «русского». В таком порядке попарно подходят все желающие принять участие в игре, а «ханы» называют имена тех, которых желают принять в свою сторону. Распределяют так потому, чтобы у одного «хана» не было хороших, а у другого слабых игроков. Ханы не знают эти вымышленные имена до тех пор, пока участник не подойдет в его сторону и не скажет свое вымышленное имя. Если бы ханы знали вперед, кого как зовут, тогда они назвали бы только тех, которые ловки в игре. Участники игры, разделившись, таким образом, на две партии, дают себе с общего согласия два разных названия. Первый хан назовет свою компанию «белыми», а второй «черными». Перед началом игры один из ханов берет «крючок» и показывает всем участникам игры, а потом бросает при всех в сторону. Все участники бегут туда, где упал «крючок» и начинаю искать его. Нашедший, незамеченный никем противников, бежит к костру, а противники его ловят и заставляют снова бросать в сторону, куда опять все бегут искать. Главное значение «крючка» в том, чтобы найти его и незаметно для противников пробраться к костру. Прибежав к костру, участник игры кричит: «белый», услышав этот крик, специально сидевшие у костра два участника игры, один со стороны «белых», а другой со стороны «черных», пишут на палочке углем столько черточек, сколько раз из каждой партии принесли «крючок» к костру. Игра эта сопровождается большим шу-

мом, беготней и смехом. По окончании игры считают, у которой партии больше черточек, т.е. из которой партии больше раз прибежали с «крючком». Участники той партии, у которой меньше черточек, должны каждый своего товарища посадить на спину и вести определенное всем расстояние, или же из каждой партии выбирают по одному из самых ловких и сильных борцов и борются, а остальные смотрят и следят за правильностью борьбы, чтобы один другому не подставил ногу, чтобы они боролись по всем правилам, как полагает бороться, без всяких хитростей» (14, с. 6–7).

Просветителем опубликованы материалы по быту мари, автобиографические рассказы, заметки: «Из жизни черемис», «Как у нас школу устроили», «В земской школе и министерском двухклассном училище», «Леший» и др.

В 1917 году в реальном училище отмечали 25-летие службы П.С. Кушелева. Преподаватели с признанием отнеслись к этой дате и обратились к юбиляру с поздравлением: «Глубокоуважаемый Павел Семёнович! Сегодня исполнилось двадцатипятилетие Вашей службы в должности Преподавателя Вятского Реального Училища. Четверть века назад Вы пришли к нам как учитель и воспитатель маленьких людей, будущих граждан нашей родины и за это время маленькие люди стали большими людьми и, наверное, все они, как один человек, с любовью и благодарностью вспоминают Вас, как своего преподавателя, как доброго, честного и беспристрастного учителя в великой науке в мире-жизни. Глубоко уважая Вас за прекрасные качества Вашей души и за Ваш благородный характер и гордясь знакомством с вами, мы считаем для себя за честь поздравить Вас с знаменательным днем Вашего юбилея и с наступившим новым годом. Примите наши пожелания, Вам и Вашему семейству долгих лет жизни, здоровья и всего лучшего на свете, и наше искреннее желание всегда видеть Вас у нас в Вятке учителем и воспитателем добрым и хорошим, каким Вы были и, конечно, будете всегда. Глубокоуважающие Вас Василий Александрович Рудницкий, Людмила Александровна Рудницкая, Ксения Поликарповна Рудницкая, Анна Владимировна Лисовская, Александр Николаевич Матвеев, Василий Петрович (фамилия неразборчива), Софья Станиславовна Рудницкая и Николай Васильевич Рудницкий. Вятка. Января 1 дня 1917 года» (6).

Заботы и труды П.Кушелева были замечены. 26 февраля 1896 года он был награжден серебряной медалью в память о Бозе почившего императора Александра III. 1 января 1902 года за отличную службу и особые труды пожалован орденом Святого Станислава III степени, в январе 1908 года – орденом святой Анны III степени, в 1914 году – орденом Святого Станислава II степени. В 1904 – 1905 гг. он оказывал помощь жертвам русско-японской войны, за что был награжден орденом Красного креста.

События 1917 года не позволили Павлу Семёновичу работать дальше в Александровском училище. Ему приходилось часто менять работу, менять и место жительства. После революции 1917 года П.С. Кушелев работал мировым судьей 10 участка Глазовского уезда, с 1918 года – переписчиком 14 участка Пермской железной дороги, затем – контролером в строительном цехе железнодорожных мас-

терских станции Вятка II, а с 1919 года – учителем рисования в Мушаринской железнодорожной школе. Также он преподавал в Сернурском и Яранском педагогическом техникумах, был заведующим Яранского детского питательного пункта Красного креста при французской миссии. Далее Павел Семёнович до выхода на пенсию продолжил педагогическую деятельность: был учителем изобразительных искусств в средней школе им. И.С. Тургенева г. Вятки и в Вожгальской школе. П.С. Кушелев умер в 1943 году в г. Котельниче.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васин К.К., Коробов С.А., Рейнфелдт Б.К.* Из истории развития философской и общественно-политической мысли в Марийском крае (дооктябрьский период). – Йошкар-Ола, 1966.

2. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола, 1975.

3. *Апакаев П.А.* Просветители Марийского края. – Йошкар-Ола, 1990.

4. *Сануков К.Н.* Просветитель Павел Петрович Глезденев. – Йошкар-Ола, 2005.

5. *Степанов А.Ф.* История становления марийской национальной школы. – Йошкар-Ола, 2008.

6. Семейный архив Татьяны Владимировны Гришиной, правнучка П.С. Кушелева (живет в Казахстане).

7. НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. № 125.

8. *Москвина Л.П.* Марийская национальная интеллигенция в конце XIX – начале XX веков. – Йошкар-Ола, 2007.

9. ГА КО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. № 1.

10. ГА КО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. № 10.

11. ГА КО. Ф. 1294. Оп. 1. Д. № 4.

12. *Кушелев П.* Нищая (Сказка, записанная со слов черемис Яранского уезда Вятской губернии) // Вятские губернские ведомости. 1893, № 92, 17 ноября.

13. *Кушелев П.* Свадебная черемисская песня, записанная со слов черемисок Козьмодемьянского уезда Казанской губернии // Вятские губернские ведомости. 1895, № 31, 22 апреля.

14. *Кушелев П.* Черемисские игры «щелчки» и «крючки» (материал для изучения быта черемис) // Вятские губернские ведомости. 1896, № 99.

Nadezhda Fedoseyeva

VYATKA EDUCATOR KUSHELEV PAVEL SEMYONOVICH

This publication is dedicated to the study of the life and work of educator Pavel Semyonovich Kushelev. A native of s. Yemeshevo (now Gomomariyskiy district) graduated from the Stroganov School. Pavel Semyonovich started his career as a teacher of calligraphy and painting from January 1892, he also taught Mari to listeners of missionary courses in the seminary. In 1895, Pavel Semyonovich was transferred to Aleksandrovskiy real school in Vyatka. In addition to educational activities P. Kushelev participated in the design of books and has shown himself as capable of literary work. He has written several autobiographical and ethnographic stories that were published in the «Vyatka statements» and «Vyatka speech». After the revolution in1917, P.S. Kushelev taught at Semur Teachers College, Yaransk Teachers College, he was the head of Yaransk children's nutritional point of the Red Cross under the French mission. Next, Pavel Semyonovich continued teaching career until his retirement: he was a teacher of Fine Arts in Secondary School after I.S. Turgenev in Vyatka and Vozhgalsk School.

Наталья Горинова
Сыктывкар

ТРАДИЦИИ В.САВИНА В ПЬЕСЕ-СКАЗКЕ Г.ЮШКОВА «ЕН НЫВ» («ДОЧЬ БОГА»)*

Виктор Савин (1888–1943) стоял у истоков становления коми поэзии, прозы, драматургии. Коми драматурги конца XX века не могли обойти стороной творческие достижения В.Савина. Современные авторы создают свои оригинальные произведения, раскрывают свое миропонимание, воплощая традиции литературы коми начала XX века. В частности, в пьесе-сказке Г.Юшкова «Ен ныв» («Дочь Бога», 1990) мы находим тому подтверждение.

Сюжет пьесы-сказки представляет собой модифицированный вариант коми-пермяцкой сказки «Пера и Зарань». Фольклорный текст повествует о дочери солнца Зарань, полюбившей земного юношу Перу и спустившейся жить на землю (1, с. 384–386). Данный сюжет носит мифологический характер, отражая представления народа о происхождении коми-пермяков от дочери Ена (Бога), сошедшей с неба на землю по радуге и соединившейся в браке с богатырем Перой. Г.Юшков, перенося сюжет и систему персонажей из коми-пермяцкого фольклорного произведения на зырянскую почву, пытается создать на его основе историю происхождения народа коми. Прародителем народа коми в пьесе-сказке Г. Юшкова «Ен ныв» выступает молодой охотник по имени Йигор. Его прообраз в коми-пермяцкой сказке «Пера и Зарань» – Пера, коми-пермяцкий фольклорный герой-богатырь, защитник родины и победитель лешего (2, с. 298–303). Г.Юшков заменяет образ богатыря Перы образом юноши Йигора. Он – не воин, не победитель лесных духов, Йигор – простой охотник. В сравнении с героем коми-пермяцкой сказки Перой, Йигор далек от совершенства. Он подвержен страстям и склонен к ошибкам, что становится причиной возникновения многих проблем не только в его судьбе, но и в жизни близких ему людей. Так, герой, победив огромного медведя, задумывается о женитьбе. Более всех ему симпатична соседская девушка Ёрань, с ней Йигор и решает провести свою дальнейшую жизнь. Но однажды он встречает дочь Ена (Бога) Зарань, Йигор влюбляется в нее и отказывается от Ёрань. Герою приходится платить за свои ошибки – проклятия Ёрань становятся причиной бедствий юноши и его жены,

* Публикация подготовлена в рамках Проекта программ Президиума РАН № 12-П-6-1013 «Опыт развития коми литературы: творческая индивидуальность и художественный процесс».

преодолеть которые в конце пьесы-сказки помогает отец Зарань. Сюжет драматургического произведения имеет относительно положительный финал: Ёрань так и не прощает Йигора, значит, она и дальше будет проклинать его семью, а также продолжателей его рода. Такая развязка пьесы раскрывает понимание Г. Юшковым современного состояния народа коми: переживаемые зырянами трудности обусловлены не его характером, не современными социальными процессами. По версии драматурга, они связаны с его прошлым, с его прародителем: коми страдают из-за ошибок своего предка, несут наказание за его грехи. Г. Юшков, подчеркивая национальную уникальность коми и находя в чертах его характера проявление божественного начала (их прародительницей была дочь бога), все же выявляет связанные с этим проблемы народа: автор не видит ничего плохого в том, что народ коми в прошлом соединился с чуждым для него народом, но измена своему роду, своим верованиям, своим традициям им осуждается. За измену, с его точки зрения, народ коми наказывается тем, что ущемляют права человека коми не другие народности, а его соплеменники.

Традиции пьесы-сказки были заложены еще в 1920-е годы В.Савиным. Хотя сам драматург называл свою дилогию «Райын» («В раю», 1921) и «Инасьтӧм лов» («Неприкаянная душа», 1926) комедией, исследователь А.К. Микушев определяет ее как пьесу-сказку (3, с. 154). Таким образом, при создании пьесы-сказки «Ен ныв» Г. Юшков опирается на художественные открытия В. Савина, что обуславливает присутствие в произведении драматурга современности не только формальных перекличек с савинской дилогией, но и близости с драматургией В.Савина в области идейно-жанровой природы и художественного содержания. Выявление творческих перекличек между пьесами Г. Юшкова и В.Савина способствует, с одной стороны, прояснению природы определенных аспектов художественного мира Г.Юшкова, с другой, – некоторых тенденций развития савинских традиций в современной драматургии коми.

Одной из объединяющих тем в произведениях В.Савина и Г. Юшкова становится тема смерти. В пьесах обоих авторов она, казалось бы, не занимает центрального места, однако она несет сюжетообразующую функцию: именно смерть героев становится завязкой действия в драмах. Правда, ее воплощение в пьесах В.Савина и Г. Юшкова разное. В дилогии В.Савина смерть предстает в конкретном обличье: главный герой Сюзь Матвей действительно умер. В комедии показаны реальные поминки по нем, а затем действие переносится в пространство рая и ада, где некоторое время пребывает главный герой. В пьесе-сказке Г. Юшкова никто не умирает, смерть только предполагается. Героиня пьесы Зарань, по сути своей, бессмертна, т.к. она – дочь бога. Но жизнь на небесах ее утомляет, и она решается спуститься на землю и стать человеком, что предполагает утрату ее бессмертной сущности. Решение героини стать смертной приводит ее на землю, что и становится одной из причин возникновения конфликтной ситуации в пьесе.

Обретение смерти и в дилогии В.Савина, и в пьесе-сказке Г. Юшкова предполагает движение по вертикали. На первый взгляд, в произведениях этих авторов

векторы движения героев прямо противоположны. В пьесе «Ен ныв» Зарань, обретя смертную сущность, спускается с небес на землю, то есть совершает движение по вертикали вниз. В комедии «Райын» Сюзь Матвей после смерти, наоборот, попадает на небеса, то есть движется по направлению вверх. Однако герой В.Савина не находит себе места в загробном мире и с разрешения служителей небесного царства возвращается на землю, конечно, не в облике человека, но – невидимого духа, выступая, по его словам, покровителем своих земляков. Движение этого героя по вертикали в конце дилогии идет вниз. Таким образом, тема смерти в пьесах-сказках и В.Савина, и Г.Юшкова связана с движением героя с неба на землю.

Эти сходные моменты в пьесах имеют большое значение для обоих авторов, что обнаруживается в их предпочтении исходного материала для пьес. Оба драматурга заимствуют сюжеты для своих произведений из фольклора, при этом выбранные ими народные тексты имеют схожие мотивы. Основа комедии В.Савина – «сказки о похождениях мужика или солдата в загробном мире» (4, с. 36). Одна из сюжетных линий пьесы «Ен ныв», как было уже сказано, взята из коми-пермяцкой сказки «Пера и Зарань» о том, как дочь Бога Зарань полюбила Перу, земного юношу, и спустилась жить на землю. Разные фольклорные произведения объединены общими сюжетными элементами – пребыванием главного героя на небесах и его схождением на землю. Обоих драматургов интересуют одни и те же сюжетные ситуации, при этом в своих пьесах они усиливают именно эти фольклорные мотивы.

Движение центральных персонажей – одно из свойств жанра сказки. Мотив пути в этом жанре почти обязателен. Преодоление дороги для сказочного персонажа не является лишь перемещением в пространстве. Прохождение его героем ассоциируется с взрослением, приобретением опыта, мудрости. В странствиях сказочные герои обычно приобретают что-либо: невесту, волшебную вещь, дворец, что становится своего рода свидетельством их духовного взросления. Однако в пьесах-сказках В.Савина и Г.Юшкова мотив пути, вернее, схождения героев с неба на землю, скорее связан с потерей, нежели с приобретением: герои пьес отказались от беспечной жизни в раю ради суетной жизни на земле. Наивысшие блага, к которым надо было бы стремиться, были оставлены Сюзь Матвеем и Зарань. Наивысшим идеалом в пьесах-сказках становится сам путь, само движение, т.е. испытания, и как конечный пункт – жизнь на земле.

Такой выбор жизненного пути героями произведений Г.Юшкова и В.Савина обусловлен идейным содержанием анализируемых пьес. Оба произведения написаны в сложные исторические периоды (дилогия «Инасьтӧм лов» опубликована в начале XX века, пьеса-сказка «Ен ныв» – в конце XX века), когда в обществе происходило переосмысление жизненных ориентиров, реконструировалась шкала ценностей, когда общество нуждалось и разрабатывало новые идеалы. Драматурги, находясь в поисках истины, смысла жизни, приходят к выводу, что истина рядом: по их мнению, человеку необходимо по достоинству оценить саму жизнь, рассмотреть ее суть, возможно, в самых незначительных мелочах, как это делает Сюзь Матвей. Исследователь В.А. Латышева отмечает, что герой В.Савина не может жить

без работы, без семьи, без песни. Не безделье, а возделывание земли, сенокос с любимыми и праздники с ними – даже в воспоминаниях – и есть настоящий рай, ни с чем не сравнимое настоящее счастье. Дилогия В.Савина – это «прославление жизни, человека труда, его достоинства… Видя, что в раю нельзя ни пахать, ни сеять, что сердцу здесь не пережить радости ночлега в лесной избушке, не слышать, как под косой ложится трава, не почувствовать ее вечернего запаха, Матвей не хочет оставаться в раю…» (5, с. 37). Близкое к чувствам Матвея ощущается и в мыслях героини Г.Юшкова: несмотря на то, что на небе так хорошо – тепло. уютно, тихо, а на земле так плохо – холод, мошкара, работа, Зарань мечтает о земной жизни, о любви, семье, счастье. И даже когда на земле героиню и ее мужа настигают несчастья, когда ее мучает голод, Зарань не желает возвращаться к отцу на небеса.

Неприятие рая в пьесах обоих драматургов усиливается актуализацией внимания читателя на человеческих качествах небесных жителей. По В.Савину и Г.Юшкову, они не очень отличаются от обычных смертных. Хотя В. Савин создал своих неземных героев по образцу персонажей Священного Писания, они мало походят на своих прототипов. А.К. Микушев выявляет следующие черты савинских героев: «Святые вылеплены как личности весьма земные, довольно недалекие. Например, главными чертами апостола Петра и Ильи Пророка в изображении драматурга оказываются злость, мстительность, мелочность и деспотизм. Апостол Петр совершенно не выносит песен и игры на сигудках. Главный бог Саваоф даже рукоприкладствует, дерется с гостем. В таком сниженном, заземленном бытовом плане рисуются те, кого веками возвеличивала церковь» (3, с. 155). В пьесе-сказке Г.Юшкова в характере Ена-Бога, отца Зарань, также просматривается больше человеческого, нежели божественного. Как подчеркнуто в ремарке, он «зевает и потягивается», хотя он должен быть неутомимым в постоянном движении. К тому же бог постоянно ворчит: то звезда упала, то на солнце пятна появились..., еще и дочь все время просится на землю... Его речь – одни жалобы, в которых он часто употребляет экспрессивные нелитературные слова, например, «ерӧмакань!» (непереводимое), «сьӧкыд висьӧм!» (тяжелая болезнь!), «шы кывзытӧм быдтас» (непослушный).

Небесные служители В.Савина и Ен Г.Юшкова лишены сакральных черт и больше напоминают античных богов, которым также были свойственны человеческие чувства, страсти, мысли. Они не были ирреальны и бестелесны, они были «живыми» существами, ходившими по полям, горам и дорогам Греции. Как утверждает Симон Маркиш, «Подобные человеку во всем, греческие боги выступают в чисто человеческих ролях: они подают советы – совершенно такие же, как мудрый старец Нестор, они участвуют в схватках – совершенно как смертные герои, иногда даже с меньшей удачей, чем смертные, не брезгуют вмешательством и в мелочи земной жизни. Они способны помочь человеку или навредить ему, но решить его участь они не могут – ни один из них, даже Зевс» (6, с. 17). Небесные покровители в пьесах В.Савина и Г.Юшкова также не совершенны: они не обладают абсолют-

ной властью и поэтому не в силах изменить некоторые вещи даже в небесных царствах: так, бог В.Савина никак не может заставить Сюзь Матвея не петь, не играть на сигудке. Ен Г.Юшкова не может удержать свою дочь на небе.

Такое понимание рая и его жителей, как мы уже отмечали, не свойственно христианскому миропониманию. Бог воспринимается христианами как всемогущий и вездесущий, а жители рая – как пребывающие в вечном подчинении и преклонении перед ним. Показанные Г.Юшковым и В.Савиным небесные жители больше соответствуют языческому мировосприятию, мировосприятию древних коми. Исследователь Н.Конаков утверждает: народам коми «верхний мир, управляемый Еном, представлялся таким же, как мир средний, но был более богат флорой и фауной. Там жили обычные люди…» (7, с. 154). Таким образом, В.Савин и Г.Юшков заимствовали из народного творчества не только сюжетные ситуации и героев, но и народную философию, народное мировосприятие. Эта мысль уже высказывалась исследователями дилогии В. Савина. Так, В.А. Латышева утверждает: «Оптимизм народного воззрения на мир, типичный для народной поэзии, из фольклора перешел в комедию В.Савина» (5, с. 38). Этот оптимизм не чужд и пьесе-сказке Г.Юшкова. Но драматург, на наш взгляд, перенял его из арсенала В.Савина, а не из фольклора.

Хотя в произведениях В.Савина и Г.Юшкова наблюдается идейная близость, их пьесы различны в художественном воплощении этих идей. Первый открывает свое миропонимание, основываясь на комическом: как уже было сказано, – его дилогия написана в жанре комедии. Исследователи савинского наследия раскрывают, над чем и как смеются герои и сам автор в пьесах «Райын» и «Инасьтöм лов», из которых состоит дилогия (3, с. 153–156; 5, с. 33–41; 8, с. 101–106; 9, с. 29–30). В пьесе-сказке «Ен ныв», в отличие от комедий В.Савина, обнаруживаются элементы трагедии. Прежде всего, это касается взаимоотношений Ена с дочерью Зарань, которые автор воссоздает, развивая мотив богоборчества. Обычно трагедия воссоздает полубогов, тщетно сражающихся с превосходящими силами, которые одерживают победу над героем. Трагические характеры выступают как сильные люди: несмиренность под ударами судьбы, вступление в смертельную схватку с морем бед, активность – вот важнейшая черта взаимоотношений трагического характера и трагических обстоятельств. Зарань – тоже потомок бога, тоже сильная личность, борющаяся со своим отцом-богом: в пьесе Зарань преодолевает все трудности, насылаемые на нее отцом. В пьесе-сказке Г.Юшкова наблюдаются и другие элементы трагедии. Непослушание Зарань и ее нисхождение с небес можно расценить как поступок героя, с которого начинается его движение к гибели. Упорство героини в нежелании возвратиться к отцу, несмотря на все лишения и трудности, является «гибрисом» трагедии. Один из основных структурообразующих элементов трагедии – гибель трагического героя. Смерть героя в трагедии необходима, чтобы увековечить его имя: кончиной персонажа автор утверждает те идеалы и нормы, которые отстаивал трагический герой. Несмотря на его физический уход из жизни, его идеалы продолжают жить, и вместе с ними он обретает бессмертие.

«Уже шекспировская трагедия показала переход гибнущего героя в память и в опыт людей, показала величие и всемирно-историческую значимость страданий, борьбы и гибели Гамлета, Отелло, Ромео и Джульетты, показала непреходящую ценность человеческих качеств, заложенных в этих характерах, и величие и бессмертие их духовных сил, имеющих огромную общественную ценность» (10, с. 29).

В пьесе-сказке Г.Юшкова трагический герой не погибает. Как уже было сказано, Зарань как дочь бога теряет свою бессмертную сущность, спустившись с неба на землю и согласившись жить земной человеческой жизнью. Она лишается своего бессмертия, – значит, рано или поздно она умрет. Ее предпочтение земной жизни в драме приравнивается к смерти. Своим неизбежным финалом, как и подобает трагическому герою, Зарань утверждает идеалы. Своим нежеланием вернуться на небо даже под угрозой смерти она утверждает непреходящую ценность человеческой жизни и земных ценностей – дома, семьи, труда, любви.

Обращение драматургов к различным эстетическим категориям при утверждении сходных жизненных ценностей не случайно. В.Савин и Г.Юшков творили в разные периоды истории. Напомним, комедии В. Савина были написаны в 1926 г., пьеса-сказка Г.Юшкова – в 1990 г. Несмотря на то, что эти периоды имеют много общих признаков: трагичность, переходность, кризис идеалов, неустойчивость новой шкалы ценностей, – все же начало XX века и его конец имеют существенные отличия: первый ознаменован становлением социалистического общества, второй – его крушением. Как известно, В.Савин восторженно принял революцию, ее принципы и идеалы. Об этом свидетельствуют многие произведения писателя, в том числе и его драма «Шонді петігӧн дзоридз косьмис» («На восходе солнца цветок увял». 1919). Революция в этой пьесе воспринимается автором как переход народа коми из тьмы к свету, от безграмотности и неволи к просвещению и свободе. В дилогии «Инасьтӧм лов» звучат несколько иные мотивы. Напомним, что она была написана В.Савиным в 1920-е гг., когда строительство нового общества шло полным ходом. Драматург имел возможность осмыслить и оценить происходящие вокруг изменения. Кроме того, он сам был «творцом» этих изменений, будучи одним из представителей власти, активным деятелем революционного движения. И если его драма «Шонді петігӧн дзоридз косьмис» рассказывает о произошедшей революции и о связанных с нею чаяниях и надеждах народа, в том числе и самого автора, то в дилогии В. Савина отражены некоторые наблюдения художника уже над результатами строительства «нового» общества, оказавшимися не столь оптимистичными, как предполагалось в предыдущей драме.

В комедиях В.Савина мир небесного царства, куда попадает его главный герой Сюзь Матвей, во многом бюрократичен и напоминает земную чиновническую иерархию. С развитием действия комедии выясняется, что «кроме «маленького рая», куда пустили его (Матвея), существует еще и «большой рай», для особ более значительных и заслуженных;... выясняется, что «архангел Михаил не пускает в рай без бумажки,... жалобы и наказания, а также явная эксплуатация существуют и в царстве небесном... Апостолы Петр и Павел деспотичны и любят, чтобы их

почитали младшие чином, не возражают, если их называют «господин»...» (5, с. 37). Рай В.Савина напоминает пародийно сниженную интерпретацию «властной вертикали» постреволюционного общества. В нем так же много различных чиновников. Простые труженики здесь, как праведники в раю В.Савина, не имеют «каких бы то ни было прав», их жизнь регламентируют одни запреты. Подданным, как и в реальной жизни, нельзя выражать свое недовольство, то есть, «по-савински», сквернословить. Особенно часто в дилогии В. Савина выражен запрет на пение и игру на сигудке. Этот факт очень важен для понимания его пьес: пение и игра на инструменте, как правило, ассоциируются с обликом творческой личности, в данном случае, с личностью самого драматурга. Судя по дилогии, В.Савину запрещали заниматься творческой деятельностью. Исследователь Р.И. Куклина уже указывала на этот факт: комедии В.Савина, особенно «Инасьтӧм лов», – это пьесы о творческой несвободе писателей России 1920-х годов (8, с. 102). Герой В.Савина, отвергающий «бюрократический рай» и стремящийся на землю, ближе к своему народу, чтобы веселить его сердце игрой на сигудке, охранять народное творчество коми, раскрывает мечты автора о свободном творчестве, о желании заниматься только написанием художественных произведений. Известно, что В.Савин просил, «чтобы его освободили от многочисленных партийных и общественных поручений, просил, чтобы ему позволили заниматься только творческой деятельностью. Образ души Сюзь Матвея явился художественным отражением творческих устремлений писателя» (8, с. 102).

Таким образом, В.Савин, изображая «бюрократический рай» и его бесконечные запреты, отображает современное ему общество; высмеивая персонажей небесных покровителей, драматург высмеивает структуру власти постреволюционной России и ее законы, связанные несвободой в творческой сфере и невозможностью художника реализоваться в этой сфере. Применяя приемы условности, драматург объясняет, как можно попасть в такой рай: необходимо «умереть» – для семьи, для своего народа, как это случилось с его героем Матвеем. Более того, чтобы удержаться в этом «раю», надо отказаться от своих личностных качеств – своего мнения, своих талантов, от прежних ценностей и стать послушным подчиненным.

Смех, осмеяние, по своей природе, по законам комического, имеет разрушающую силу. Смеясь над несовершенством мира, писатели тем самым казнят или отрицают его. Жанр комедии, избранный В.Савиным для воплощения своих идей, позволяет драматургу посредством смеха «критиковать» и «казнить» предрассудки своего времени. Ему необходимо было первоначально разрушить через осмеяние имеющиеся идеалы, чтобы предложить читателю и зрителю новые.

Как известно, основу трагического составляет не отрицание или разрушение, а утверждение: «Герой, действовавший в «старой» (античной) или шекспировской трагедии, ее протагонист, был носителем... активного начала, направленного (чаще всего) на утверждение сил добра...» (11, с. 7). Г.Юшков в пьесе-сказке «Ен ныв», прибегая к категории трагического, стремится не столько к разрушению (в конце

XX века система ценностей государства была уже расшатана), сколько к утверждению определенных нравственных ценностей и идеалов. Элементы трагедии в пьесе-сказке Г. Юшкова, так же как и элементы комического в произведениях В. Савина, подталкивают зрителя к мысли о непреходящей ценности семейного института. Тема сохранения семейных отношений всегда актуальна, но особенную остроту она получает в переходные исторические периоды, каковыми являются начало 1900-х гг. и конец 1990-х гг. Так, революционные изменения начала века содействовали разрушению родственных связей: именно в это время идеологические разногласия, царившие в обществе, заставляли брата идти против брата, сына против отца, именно в это время происходили политические аресты и репрессии, разделявшие супруга с супругой, родителей с детьми, братьев с сестрами. В конце XX века распаду семейных отношений способствуют общая бытовая неустроенность, социальная напряженность, расшатанная система нравственных ценностей. Драматурги В.Савин и Г. Юшков, наблюдая за перечисленными процессами, стремятся раскрыть в своих пьесах ценность института семьи, ее необходимость в нормальном развитии общества. Особенно это касается драматургического творчества Г. Юшкова конца XX века: в этот период им создается цикл маленьких драм и комедий: («Кула кӧ эськӧ» («Вот если умру», 1998), «Шутӧгыс олас» («Сойдет и без слов», 1998), «Вӧтлы, вӧтлы» («Прогони, прогони», 1998), «Лок, пырав» («Иди, загляни», 1998), «Мый он виччысь» («Чего не ждешь», 1998), «Забеднӧ» («Обидно», 1998), «Ӧпитенньӧ» («Епитимья», 1998), «Матӧ пукта» («Рядом положу», 1998), «Коді шуис?» («Кто сказал?» 1998), «Любитан он?» («Любишь или нет?» 2000), центральной темой которого является тема семьи.

Таким образом, сопоставление комедии В.Савина «Инасьтӧм лов» и пьесы-сказки Г. Юшкова «Ен ныв» выявляет внутренние связи между этими пьесами. Данные произведения сходны в жанровом отношении, в выборе художественно-изобразительных средств, в построении характеров героев, в отображении народного мировосприятия. Поставленные в этих драмах художественные задачи объединены стремлением показать читателю и зрителю ценности института семьи. В начале XX века эти ценности были актуализованы В.Савиным, в конце XX – Г.Юшков напоминает нам о них, прибегая к савинским традициям.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Конаков Н.* Шонді // Мифология Коми / Науч. ред. В.В. Напольских. – М.: Издательство ДИК, 1999.

2. *Конаков Н.* Пера // Мифология Коми / Науч. ред. В.В. Напольских. – М.: Издательство ДИК, 1999.

3. *Микушев А.К.* На таежных просторах. – М.: Современник, 1986.

4. *Латышева В.А.* Драма героя в комедии В. Савина // III Савинские чтения: Материалы респуб. науч.-практич. конф. – Сыктывкар, 2005. (ИЯЛИ КНЦ УрО РАН).

5. *Латышева В.А.* Зарождение драматургии и театра народа коми. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1968.

6. *Маркиш С.* Путь к Гомеру // Гомер. Илиада. Одиссея. – М.: Эксмо, 2009.

7. *Конаков Н.* Енэж // Мифология Коми / Науч. ред. В.В. Напольских. – М.: Издательство ДИК, 1999.

8. *Куклина Р.И.* Сюзь Матвей как образ человеческой души в дилогии В.А. Савина «Райын» («В раю») и «Инасьтӧм лов» («Неприкаянная душа») // III Савинские чтения: Материалы республ. науч.-практич. конф. – Сыктывкар, 2005. (ИЯЛИ КНЦ УрО РАН).

9. *Кузнецова Т.Л.* Комическое в коми литературе / Т.Л. Кузнецова. – Сыктывкар: Издательство Коми РИППКРНО, 1994.

10. *Борев Ю.Б.* О трагическом. – М: Советский писатель, 1961.

11. *Топер П.* Трагическое в искусстве XX века / П. Топер // Вопросы литературы. – 2000. – № 2.

Natalia Gorinova

V.SAVIN'S TRADITIONS IN THE PLAY-FAIRY TALE OF G.YUSHKOV «THE DAUGHTER OF GOD»

In the article the author compares of V.Savin's comedy «Inastöm lov» and G.Yushkov's play-fairy tale «Yen nyv» and reveals the inner connections between the pieces. The works are similar in genre and in the choice of artistic and visual means, in building the character of the hero, in reflection of people's perception of the world. Raised in these dramas artistic tasks combined desire to show the readers and viewers of the family values. In the early XX century, these values were actualized by V.Savin, at the end of XX – G.Yushkov reminds us of them, resorting to Savin's traditions.

«Финно-угроведение», 2013, № 2

Ольга Зиявадинова
Сыктывкар

ПОЭТИКА ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ ПРИРОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ В.И. ЛЫТКИНА

В.И. Лыткин (1895–1981) – один из крупнейших коми поэтов и ученых XX века, общественный деятель, исследователь коми литературы. Вместе со своими коллегами и учителями В.А. Молодцовым, И.Т. Чисталевым принимал активное участие в подготовке к изданию первых учебных книг на коми языке. Поэт создал художественный мир, в котором отразилась народная жизнь, связанная с природой, национальным самосознанием и миропониманием.

Для значительной части стихотворений, в которых осмысливается тема взаимоотношений человека и окружающей его среды, характерен прием одухотворения природы. В произведениях В.И. Лыткина Вычегда «нахмурена», солнце «радуется», деревья «мерзнут», горы «спят», звезды «переговариваются друг с другом» (поэма «Мунӧны» / «Идут», 1927). Персонажи из природного мира автора подобны людям: они рождаются, растут, чувствуют, переживают различные коллизии, умирают.

Необходимо в связи с вышесказанным заметить, что поэтика очеловечивания природы – тема малоосвещенная. Исследователи приходят к различным теоретическим выводам, говоря о видах соотнесенности человека и «души» природы, определяющих место и роль пейзажа в структуре произведения. Например, Е.Н. Купреянова, анализируя тему человека и природы у Л.Н. Толстого, его философию природы, выделяет несколько форм одухотворения: в одних случаях это изображение параллельных рядов, то есть объективное описание природы, сопровождающееся анализом ее субъективного восприятия, или же «настроение» природы, которое может быть эмоциональным аккомпанементом к душевному состоянию героя. Возможен вариант, когда образ природы полностью конструируется душевным состоянием ее наблюдателя (1, с. 121).

В приеме очеловечивания окружающего мира в коми литературе находят свое воплощение представления о единстве человека и природы. Так, В.П. Налимов утверждает, что человек, по верованиям зырян, не был создан Еном (Богом), он произошел от соединения дерева и травы (2, с. 82). По мнению зырян, у животных, растений, как и у человека, есть душа, зырянам было свойственно представление о тождестве жизни природы и человека. Этой мыслью пронизаны мифологические

воззрения древних коми. К.Ф. Жаков и П.А. Сорокин в своих трудах затрагивали вопросы антропоморфизма. Так, К.Ф. Жаков в работе «Языческое миросозерцание зырян» (1901) рассматривает проблему одухотворения коми человеком природных явлений. Автор говорит об антропоморфизме древних зырян, отражающем идею родства природного и человеческого, указывает на непосредственную взаимозависимость истории природы и истории человека: «Дремучий лес окружает зырян. Этому лесу они не знают конца. По свойству первобытного человека – все уподобить себе, олицетворить – одухотворить – этот лес стал для него живым существом, могучим, таинственным, грозным» (3, с.72, 83, 84). Исследователь размышляет о боге лесов, воды у зырян и связывает такие представления с их основными занятиями – охотой, рыбной ловлей, которые напрямую зависели от природных явлений: «В период фетишизма человек молился самой воде, потом он предположил душу в воде, подобно тому, как он и в своем теле признавал душу. Душа воды – водяной... Олицетворяя величественные явления природы – реки, солнце, луну, горы, облака, небо, радугу, первобытный зырянин постепенно открывал в них нечто вроде души. В воде образовался дух воды – водяной, в дремучем лесу стал обитать лесной хозяин... Небо было низко и были облака, а боги жили между людьми и люди между богами... звери и птицы были братьями и сестрами. Вся природа жила в тысячах живых существ, между ними терялся человек...» (там же). Ведущим мотивом концепции мира зырян, по К.Ф. Жакову, было ощущение родственных связей всего живого, с учетом различных зависимостей психологии общества от условий жизни, от окружающей среды. В.М. Найдыш называет подобные художественные явления «паракультурными образованиями», в которых соединяются научное (от автора) и мифологическое (от героев), рациональное и иррациональное, логическое и поэтическое, и считает это особым способом духовного освоения мира в искусстве XX века (4, с.45).

Вопрос об одухотворении природы – центральный в статье П.А. Сорокина «Пережитки анимизма у зырян» (1910). В ней утверждается, что зырянам были свойственны анимистические воззрения, основанные на одухотворении предметов и явлений окружающего мира, что у них был развит фетишизм, культ животных и растений: «В животном, растении, также и в человеке есть душа, и понятие жизни, по верованию зырянина, неразрывно связано с понятием души и наоборот – отсутствие жизни, смерть, равносильны отсутствию души; вот почему срубленное дерево, скошенная трава, мертвое животное, мертвый человек – одним словом, явления, в которых жизнь отсутствует, – обозначаются зырянином как факты отсутствия жизни. Он говорит про мертвые предметы: *«ловтӧм турун»* (трава без души), *«ловтӧм мос»* (корова без души) и т. д. Анимизм был жизненным явлением у зырян. Зырянин верил и верит, что во всех существах органического мира есть душа – *«лов»*, *«ловъя чери»* (рыба с душой), *«ловъя пожӧм»* (сосна с душой) и т.д.» (5, с.24–25). Основным свойством анимистического мировоззрения автор считает восприятие природного мира в целом как одушевленного.

Л.С. Грибова, исследуя мотивы пермского звериного стиля, обосновывает принцип одухотворения природы. Она говорит о священных деревьях, почитавшихся коми людьми, при этом поясняет, что антропоморфизм порожден языческим мировосприятием среды, когда человеческое воображение создавало очеловеченного соперника или друга из растительного и животного царства: «Коми почитали род священных деревьев. Это определяло мировоззрение первобытного человека, который переносил структуру своей общественной организации на всю окружавшую его живую и неживую природу» (6, с. 25). Таким образом, в миропонимании народа коми жизнь человека и жизнь природы были тесно связаны, существовали в единстве.

Русские писатели – очеркисты XVIII – XIX веков А.В. Круглов, П.В. Засодимский, О.И. Ишимова, С.В. Максимов, Ф.А. Арсеньев, побывавшие в Коми крае, приписывали северному человеку одухотворение растений, камней из чувства равенства. Например, лес в изображении П.В. Засодимского представлен как единое живое существо, обладающее огромной силой, многообразием жизненных проявлений, голосами. Совершенно антропоморфным персонажем выступает корабельная чаща в повести М.М. Пришвина: охотники из коми рассказывают предание о заповедном лесе как о живом сообществе – дерево к дереву плотно стоит, защищая друг друга от ветра, и так служит мудрым примером человеку. Таким образом, богатое воображение предков, развитое языческим восприятием природы, привело к тому, что антропоморфная типизация в фольклоре и литературе стала системой образного языка.

Заметим, что анимизм в миросозерцании свойствен народам не только на определенной стадии развития, но и сохраняется в их восприятии природы в XIX и XX веках. Русские писатели, отражая это явление в своем художественном изображении природы, оценивали его как принципиально важное для духовности XX века – «как форму противодействия назревающим кризисам человечества (например, В.Арсеньев, Л.Леонов)» (7, с.41–42). С этой мыслью Л.В. Гурленовой следует согласиться и предположить, что для ряда коми писателей подобная позиция весьма характерна (В.Чисталев, В.Лыткин).

Природа в произведениях В.И. Лыткина является источником силы, красоты, в ней все воспринимается как живое, наделяется свойствами и качествами, присущими человеку. Сохраняется также объективная природа с намеком на человеческие черты, что отражается в эпитетах, деталях, активности глагольных форм. Естественные качества природного существа при этом остаются незыблемыми, хотя для их выражения привлекаются эпитеты из сферы человеческой психологии, жизни. Персонаж в своих главных действиях остается частью природы: он представляет внешний объективный мир, сопутствующий человеку. Кроме того, можно заметить, что антропоморфизация образов природы служит также задаче повышения экспрессивности описаний. Вероятно, к этой же разновидности следует отнести сравнительные обороты, в которых внешний вид персонажа из природного мира уподобляется человеческому: «Седобородые ели, лиственницы – богатыри, сосны с щеголеватыми "головами"» (поэма «Мунёны»).

Важным образом в стихотворениях поэта является вода – одна из основных природных стихий, с которой на протяжении всей истории была связана система жизнеобеспечения народа коми (8, с. 78). Образ Вычегды в произведениях В.И. Лыткина является символом истока всей жизни на земле, т.е. выступает в роли элемента космогонического мира. Часто в повествовании о Вычегде встречаются описания бегущей воды в реке: Вычегда журчит, прыгает – «Эжва» («Вычегда», 1916), течет спокойно – «Эжва вылын» («На Вычегде», 1923). Идея движения времени в стихотворениях поэта более всего выражена в образе реки, кроме того, образ Вычегды предстает как символ коми края и коми национального характера. Автор подчеркивает особую роль воды в жизни человека и природы: она дает человеку воду, пищу, служит путем сообщения, в то же время символизирует связь жизни и смерти, как стихийная энергия, с одной стороны, несет человеку пользу, с другой, гибель – «Мича ва дорын» («У красивой реки», 1925).

Образ воды у В.И. Лыткина приобретает множество смыслов, каждый из которых имеет свою локальную сферу бытования. Это получившие авторское осмысление образы льда (если бегущая вода символизирует ток времени, то лед, напротив, служит символом безвременья), воды (рождающее начало – «Эжва-ань» / «Вычегда-женщина»). Здесь приведены лишь наиболее часто встречающиеся значения, в самом широком смысле символ воды связан у автора с очищением, обновлением, материнским началом, жизнью. Стихия воды в художественном мире поэта изображается как антропоморфная, она явно наделена мифологическим смыслом.

Из растительных образов чаще всего выступает образ дремучего леса, пармы. Он, как правило, обозначен лишь в общих чертах, в которых подчеркиваются, прежде всего, его величие, красота, первозданность, дикость: *парма* ‘девственный лес’, *гажа яг* ‘веселый бор’, *мича парма* ‘красивая парма’, *сьӧд вӧр* ‘темный лес’. В стихотворениях «Коми йӧлы» («Коми народу», 1923), «Пожӧм» («Сосна», 1923), «Войын» («Ночью», 1927) предстает обобщенный образ коми пармы. В поэме «Мунӧны» образ леса значительно усложняется, он возникает из перечисления конкретных деревьев: *пожӧмъяс* ‘сосны’, *козъяс* ‘ели’, *ыа пу* ‘лиственница’, в их трактовке усилена социальная идея. Описания природы в поэме обращают к мотиву поиска истинной жизни, новых начал человеческой истории; образ лиственницы связывается с проблемой войны и мира: «...с удивлением прислушивалось каждое дерево, насторожила уши застывшая земля, белки спрятались в дупла, облако загораживало от солнца картину боя...». Так создается универсальная оппозиция прошлое – будущее, жизнь – смерть, добро – зло. Идеальный, цельный образ пармы раздвоился в поэме по принципу контраста на два «лика»: один – парма прекрасная, нетронутая человеком (она разворачивается преимущественно в реалистических пейзажных зарисовках), другой – парма уродливая, страшная как результат действий человека.

В.И. Лыткин с самого начала своего творческого пути отличался масштабным взглядом на коми природу. В его стихотворениях можно выделить

сложные сплетения природного и человеческого в природоописаниях, что является не только художественным приемом, но и отражает фундаментальные представления о мире – идею всеобщей одушевленности природной среды. Антропоморфизация природных явлений превращается у поэта в форму выражения натурфилософской концепции. В художественном мире автора она связана с сохраняющейся в народном сознании анимистической традицией.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Купреянова Е.Н.* Эстетика Л.Толстого. – М.; Л., 1966.

2. *Налимов В.П.* Некоторые черты из языческого миросозерцания зырян // Этнографическое обозрение. 1903, № 2, кн. 57.

3. *Жаков К.Ф.* Языческое миросозерцание зырян // Этнографическое обозрение. 1903, № 3.

4. *Найдыш В.М.* Мифотворчество и фольклорное сознание // Вопросы философии. 1994, №.2.

5. *Сорокин П.А.* Этнографические этюды: сб. этногр. ст. / сост. Д.А. Насанелис, В.А. Семенов. – Сыктывкар, 1999.

6. *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. – М., 1975.

7. *Гурленова Л.В.* Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов. – Сыктывкар. 1998.

8. *Конаков Н.Д.* Традиционное мировоззрение народов коми: Окружающий мир, пространство и время. – Сыктывкар, 1996.

Olga Ziyavadinova

POETICS OF HUMANIZATION OF NATURE IN THE ARTISTIC WORLD OF V.I. LYTKIN

In article attempt to consider reception of a spiritualizing of the nature as one of ways of spiritual development of the world in XX-th centure art on an example of V.I. Lytkin´s lyrics is udertaven, tradition of understading of the world are tracked.

Людмила Шабдарова
Йошкар-Ола

ФОЛЬКЛОРИЗМ РАССКАЗА В.И. БОЯРИНОВОЙ «ЎШТӦ»

Марийская литература, являясь частью художественной словесности финно-угорских народов, несомненно, несет в себе особенности не только собственно национальные, но и общие финно-угорские. Для марийского литературоведения так же, как и для отечественного, постановка проблемы взаимосвязи художественной литературы и устного народного творчества всегда была и до сих пор остается актуальной.

Эта проблема теоретически осмыслена и практически рассмотрена в работах В.П. Андриановой-Перетц, В.Г. Богданова, П.С. Выходцева, У.Б. Далгат, Д.Н. Медриша, В.А. Смирнова, Н.И. Савушкиной и других исследователей фольклора и литературы. На современном этапе одним из аспектов изучения литературно-фольклорных взаимосвязей является литературный фольклоризм. Что же понимается под фольклоризмом писателя?

Первоначально считалось, что фольклоризм – это взаимопроникновение сфер «миф» – «фольклор» – «литература». Такой подход в XIX веке представлен в трудах мифологической школы Ф.И. Буслаева, а также А.Н. Веселовского, А.Н. Афанасьева и других ученых. Данный аспект проблемы нашел отражение и в работах В.Я. Проппа, В.Н. Топорова, Ю.Н. Лотмана и других. Сам термин «фольклоризм» в науку ввел М.К. Азадовский в 60-е годы XX столетия. Его заслуга в том, что он впервые обоснованно заговорил о фольклористике и фольклоризме как о более глубоких понятиях, чем просто интерес писателя к фольклору. Литературовед М.К. Азадовский отмечает: «<…> Фольклоризм XVIII века ни в коем случае нельзя считать единым и цельным. Он прошел в своём развитии через ряд этапов и протекал по различным социальным руслам. Литературный фольклоризм является как бы частью общего фольклоризма эпохи <…>» (1, с. 47–48). Однако определение термину «фольклоризм» исследователями в этот период не даётся.

В 70–80-е годы XX века изучение проблемы взаимодействия литературы и фольклора поднялось на качественно новую ступень. В.Е. Гусев подчеркивает, что «<…> внимание ученых в этот период сосредоточено на создании типологии фольклоризма, характера связей, логики между литературой и фольклором на разных идейно-эстетических уровнях и в разные исторические эпохи» (2, с. 31). И предметом глубокого анализа становится содержание понятия «фольклоризм».

В общеэстетическом (культурологическом) плане определение термина дал В.Е. Гусев. Фольклоризм – это «социально детерминированный эволюционный процесс адаптации, репродукции и трансформации фольклора в условиях, отличающихся от тех, в каких развивался и бытовал традиционный фольклор. Как социальное явление фольклоризм появляется тогда, когда в жизни общества возникают объективные причины, затрудняющие развитие традиционного фольклора в народной среде, и тогда, когда сам фольклор воспринимается общественным сознанием как утрачиваемая ценность, как источник и материал для создания или возрождения национальной культуры» (3, с. 3).

Своё понимание фольклоризма применительно к литературоведческой науке изложила У.Б. Далгат в работе «Литература и фольклор»: «<…> Сознательное обращение писателей к фольклорной эстетике принято называть фольклоризмом» (4, с. 4). По её мнению, фольклоризм литературы возникает с момента «самозарождения художественной письменности» и проходит в своем развитии два уровня – «уровень младописьменных литератур и уровень развитых литератур» (4, с. 13–15). У.Б. Далгат сделала попытку систематизации явлений фольклоризма.

В начале 80-х годов XX столетия к данной проблеме обратился Д.Н. Медриш. Фольклоризм, согласно мнению учёного, является художественным качеством литературного произведения, появившимся в результате взаимодействия двух разных словесно-поэтических систем. Под фольклоризмом А.И. Лазарев понимает единство художественных принципов отражения действительности в фольклоре и литературе (5, с. 8).

Проблемы типологии литературного фольклоризма освещены в работах А.А. Горелова, В.Е. Гусева, У.Б. Далгат, Л.И. Емельянова, Д.Н. Медриша, А.И. Лазарева и других. Ими констатируется, что на современном этапе изучение понятия «фольклоризм» включает в себя не только исследование непосредственных заимствований фольклора в профессиональном литературном творчестве, но и предполагает установление глубинных связей писателей с народной художественной культурой, переосмысление используемой писателями фольклорной основы, её доработку, усложнение, а также опосредованное использование элементов народного творчества в структуре текста, образующее ассоциативно-символический подтекст.

Итак, под фольклоризмом писателя имеется в виду не всякое соприкосновение его с устной поэзией и не всякое упоминание о народно-поэтическом творчестве в его произведениях, а обращение писателя к фольклору в художественных целях, то есть отражение, осмысление, использование литературой фольклора в идейно-эстетическом плане.

Как отмечает учёный Д.Н. Медриш, «<…> позиция писателя определяет направленность его фольклоризма» (6, с. 7). Исследователи проблемы фольклоризма подчёркивают, что у каждого писателя есть своя доминирующая «направленность» при обращении к фольклорной традиции. И она (направленность) может быть разновекторной. В первом случае прозаик сознательно использует фольклорный материал и ставит перед собой цель в такой не совсем обычной форме зафиксировать

и сохранить фольклорно-эпическое наследие своего народа. В другом – обращение к фольклорно-этнографическим реалиям будет целеполагающим в осознании и постижении менталитета народа. В третьем, более сложном случае писатели неосознанно, интуитивно обращаются к глубинным пластам фольклора и мифологии – архетипическим сюжетам и мотивам, жанровым формам, а затем художественно их трансформируют в своем творчестве (7, с. 14–15). Под фольклоризмом вслед за С.В. Шешуновой мы понимаем ориентацию писателей на поэтику и жанры устной народной словесности, а также переработку ими отдельных элементов фольклора (8, с. 3).

На всех этапах развития марийскую литерагуру, как и литературу других финно-угорских народов, отличала тесная связь с фольклором. Следует отметить, что в истории марийской литературы характер ее взаимодействия с фольклором был разным: от простого заимствования и «вкрапления» фольклорных текстов в период становления до более глубокого опосредованного влияния на современном этапе.

В результате исследования прозы отечественными учеными выявлено, что фольклорная традиция функционирует через фольклорно-этнографический материал, это «своеобразные этноэстетические микроединицы, в которых представлена поэтическая, эмоциональная, социально-психологическая информация о духовной и материальной культуре народа» (4, с. 114). Например, В.И. Бояринова (1924–1996) – глубокий знаток марийских народных традиций, эпического знания и многие ее произведения пропитаны духом устного народного творчества. Вера Ильинична принадлежит к поколению писателей, пришедших в марийскую литературу в конце 50-х – начале 60-х годов XX столетия. С ее именем связаны новаторские искания марийской поэзии, прозы и драматургии 1960–1980-х годов. Так, изучение поэтических произведений В. Бояриновой позволило С.П. Манаевой-Чесноковой сделать заключение о том, что «<…> её поэзия стала первым глубоким откровением мира марийской женщины-современницы. Она своим творчеством подняла марийскую женскую поэзию на профессиональный уровень и, говоря строками Анны Ахматовой, «научила» марийских женщин «говорить» (9, с. 29).

Одновременно В.Бояринова выступала как драматург и как прозаик. Она к марийскому фольклору обращалась при создании поэм-сказок «Окачи», «Ош йӱксӧ» («Белая лебедь»), «Чоя рывыж ден ушан пӧрткайык» («Хитрая Лиса и умный Воробей»), «Кӱдыронгтыр кугыжаныш» («Страна колокольчиков»), повести-сказки «Овда» («Ведьма-оборотень»), по мотивам которой позже была написана пьеса (10, с. 118).

Вере Ильиничне принадлежат десятки очерков и рассказов о людях марийской деревни, сельской интеллигенции, молодежи. Лучшие её рассказы изданы в 1971 году отдельной книгой под названием «Шинчалан койдымо пиал» («Призрачное счастье»). Они разнообразны и отражают восприятие действительности 1960-х годов людьми разного возраста: детьми – «Ӱштӧ» («Пояс»), молодыми людьми – «Ой, коваем!» («Ой, бабушка!»), людьми зрелого и пожилого возраста – «Вашлиймаш» («Встреча»), «Йолташ ӱлыр-влак» («Подружки»), «Энгыремыш» («Паук»), «Унала

мийышна» («Были в гостях»), «Мировой Васлича» («Мировая Васлича»). Писательница интуитивно обращалась к началу начал духовной культуры своих сородичей и в этом сборнике проявила себя как пытливый искатель сюжетов. Характеризуя сборник, можно констатировать, что он несёт черты этнографического фольклоризма: типическое изображение характеров людей, народных обычаев и традиций, речевые характеристики героев, топографичность (узнаваемость пейзажа, мира марийской деревни), фольклорные вкрапления.

Следует отметить то, что имеющий место фольклоризм в поэтическом творчестве В. Бояриновой хорошо исследован С.П. Манаевой-Чесноковой (9, с. 29–49). Однако в прозе эта проблема практически не рассматривалась. Наша работа является первым опытом анализа прозаических произведений писателя, и в данной статье особое внимание будет уделено изучению фольклорно-этнографических элементов в рассказе «Ӱштӧ» («Пояс»). Фольклорная символика рассказа, точная передача марийских этнографических реалий в деталях, характер лексики придают особую тональность всему произведению. Сюжетной основой рассказа является марийская действительность. Принимая во внимание существующую маркировку типов несказочной народной прозы, можно сказать, что он (рассказ) имеет некоторые аналогии с мемоpатом. В композиционном отношении это небольшое произведение делится на две части и повествование ведется от лица героини Начи. По существу своего художественного назначения первая часть – интродукция ко второй, главной, части. Действующий персонаж сообщает о причине своего приезда в деревню, описывает окружающую действительность, даёт описания жизни и быта марийского народа в недалёком прошлом. Во второй части рассказа меняется характер повествования. От описания действительности автор переходит к передаче внутреннего состояния героя (эзотерике), выраженного своеобразным воспоминанием. Данный прием (воспоминание) используется для передачи трудного послевоенного времени и детства главной героини, истории изготовления её личного пояса, судьбы ее тёти.

Для создания фона автор также обращается к фольклорному материалу. Именно фольклорно-этнографический контекст служит определённой средой для изображения послевоенных событий.

В рассказе отсутствует фольклорное произведение, которое стало бы опорным звеном текста. Писатель обращается к совокупности возможных проявлений фольклорной эстетики и ограничивается при этом передачей их содержания и смысла. Текст насыщен фольклорно-этнографическим материалом марийского народа. Живописуя народную жизнь, автор большое внимание уделяет этноисторическим, в особенности этнографическим описаниям. С первых страниц произведения глазами фабульного героя прослеживаются подробные этнодетали: *«Мый чуланыш лектым. Кашташте акамын тувыржо, шовыржо, шикылаште туртыкты-ман шем мыжер, сатин валан ужга кеча. Кӱвар ӱмбалне ӧранвочко, лукышто кум шуарвондо шога… Окна воктене пырдыжыш кырыме изи пудаште ӱштӧ кеча…»* ‘Я вышла в чулан. На шесте висят рубаха, демисезонный кафтан

старшей сестры, на крючках – чёрный зимний кафтан со сборками, шуба, покрытая сатином. На полу стоят пахталка, в углу – три песта (для толчения белья и ниток). На гвоздике, вбитом в стену у окна, висит пояс…'. Полное представление интерьера служит введением в атмосферу произведения. Далее дается детальное описание личного пояса героини: *«Мыйын ӱштем. Кок тӱрлӧ меж шӱртӧ дене кандырала пунымо: пелыже чолка, пелыже ужарге. Кок мучашыже ӱпньывоч гайрак. Меж шӱртӧ денак ыштыме, паренге саска гайрак шолдыра шерым кандыра мучашке сакалыме. Той воштыр дене пӱтырымӧ шинчыр йолан шолдыра шер-влак ошкылмо годым кажныже посна-посна шке йырже пӧрдын кеча»* 'Мой пояс. Он свит верёвкой из двух разных шерстяных ниток: одна – светло-розовая, другая – зелёная. Оба конца похожи на накосные украшения. Сделаны из шерстяных же ниток, концы верёвки украшены крупными бусами, подобными ягодам картофеля. Эти крупные бусы, прикрученные медными проводками, при ходьбе кружатся в отдельности' (11, с. 162). В предметном мире рассказа *ӱштӧ* является главной этнографической деталью. Именно он становится объектом размышлений и оценки, поэтому название произведения автором выбрано неслучайно. «Пояса, также как передники и поясные украшения, – совершенно справедливо отмечено Т.Л. Молотовой, – являлись важной частью марийского женского костюма. Особенно тщательно за своим нарядом следили девушки и молодые женщины, потому что все детали женского костюма подчёркивали их опрятность, чистоту и хозяйственность. Не случайно детей с раннего возраста учили мастерству вышивания, умению одеваться. Также обращали внимание на манеру обувания лаптей. Ноги должны были быть похожи на два ровных столбика. Толщина ног марийки в прошлом была даже признаком ее зажиточности. О тех, кто обувал лапти не по размеру или небрежно заворачивал онучи, в народе с насмешкой говорили, что «пока она или он один раз наступит, лапти три раза слетят с ноги» (12, с. 71). Доказательство этому можно найти и в тексте анализируемого рассказа: *«Авам мыланем йыдалым пидыкта, изи вургыштырым йолышкем пӱтыра. Кандыра ден кандыра кокла шуэ ынже лий манын, парням дене тушкем…*

– Шуэ йол ок кӱл! Шуэ йол ок кӱл, мый Якиман кува омыл! – (Тудо пулвуйыш шумеш кандырам пӱтырен пидеш ыле) – кечкыжам мый.

Толашен-толашен, ик йолым пидна».

'Мама обувала меня в лапти, маленькими онучами заворачивала ноги. Чтобы между завязками расстояние было небольшим, тычу пальцем…

– Не надо редкого переплетения! Не надо редкого переплетения, я не Якимова бабка! – (Она до колен обвязывала ноги оборами)' – ною я.

Еле-еле мы обули на одну ногу' (11, с. 163).

Выше было сказано, что значению предметных реалий автор уделяет особое внимание. В значительной мере этнографическая картина создается предметным рядом. Например, подготовка к молению в священной роще глазами Начи описывается следующим образом: *«Пӧрт тураш вес имнешке толын шогалын. Тер*

тич тӱрлӧ ӱзгар: под, кугу кӱмыж, алдыр, легеж, киндерке да тулеч моло» ‘У дома остановилась другая повозка. На санях разная посуда: котёл, большая деревянная тарелка, ковш для пива, кадка, хлебница и тому подобное’ (11, с. 166–167).

В рассказе многогранно представлена одежда. «Она как непременная атрибутика человека, – утверждает Е.А. Самоделова, – является знаком цивилизации, свидетельствует о культурной традиции вообще и о принадлежности её носителя к конкретной эпохе и социальной среде. Одежда подчёркивает общественное начало в человеке, обозначает его сословную принадлежность, обнаруживает и обнажает социальную роль. Одежда соответствует этническому типу в его региональной и узко-локальной вариативности» (13, с. 35). Например, портретное описание марийского костюма на одном из героев рассказа, согласно терминологии У.Б. Далгат, можно назвать «национально устремлённым («национальным») этнографизмом»: *«Тер вуйышто Овдаки акам шинча. Кӱрен тӱсан караш шовычым шинчашкыже шумеш волтен, кумык пидын, матер валан шем ужгам, калошан шем портышкемым чиен. Ужга урвалтыже йымач чолка ден ужар тасмам кучыман ош кӱляш тувыржо коеш»* ‘На передней части саней сидит моя сестра Овдаки. Клетчатый платок коричневого цвета опустила до глаз и повязала впереди, одела чёрную шубу, покрытую фабричной материей, надела чёрные валенки с галошами. Из-под полы шубы виднеется рубаха из первосортной пряжи, подол которой отделан светло-розовой и зелёной тесьмой’ (11, с. 166).

Одежда, как известно, непременно отвечает возрасту и полу человека, определяет его семейный статус. Также она способна подчёркивать индивидуальность человека или, наоборот, лишать его узнаваемости. К выбору одежды для своих героев у В. Бояриновой особый подход. Автор осознанно наряжает своих персонажей в зависимости от сложившейся ситуации. Если в приведённом выше примере одежда главной героини аккуратна и опрятна, то через некоторое время она представлена совсем другой, свидетельствующей о крутых изменениях в жизни: *«Тудо ынде шапка… Йолжат пеш соптыра. Ончыч ош ӱвачкандыра дене чаткан пидын шында ыле гын, кызыт йыдал кандыра дене гына кузе лийын, туге пӱтыра. Тувыржат, шовыржат шеме. Ончыч «Семон Овдаки» маныт ыле, ынде чыланат «Сокыр Овдаки» маныт»* ‘Теперь она бледная… И ноги неряшливо выглядят. Если раньше аккуратно обвязывала их белыми завязками, сейчас же кое-как завязала лыковые оборы. И рубаха, и кафтан чёрные. Раньше её звали «Семонова Овдаки», теперь же все называют «Слепая Овдаки»’ (11, с. 169).

На наш взгляд, с образом Овдаки ассоциируется и раздвоенная береза, которая растет на могиле героини. Нужно подчеркнуть, что дерево – это природный символ динамического роста, жизненной силы, сезонной смерти и регенерации. С помощью дерева выражается определенная временная и пространственная установка, образ выступает в различных семантических функциях. Если судить по количеству упоминаний о березе в марийских песнях, сказках, поговорках, по частоте сравнений и отождествлений с человеком, то можно с уверенностью сказать, что

она является символом нации. Белая береза – поэтический женский символ, лирический образ весны, света, девственной чистоты также у славян, прибалтов, германских и многочисленных угро-финских племен. На Руси стройная «зеленокосая» березка всегда ассоциировалась со скромной девушкой-красавицей (14, с. 124). В рассказе В.Бояриновой образ раздвоенной березы отражает внутреннее состояние Овдаки до заболевания и после него, поэтому он приобретает символический характер.

Внешняя характеристика персонажа дополняется и внутренней. Автор для этого использует прием «внутренних жестов». Именно тогда герои становятся живее и психологически достовернее. Психологические детали становятся важным средством характеристики и Овдаки. В. Бояринова состояние героини (в диалоге действующих лиц) передает следующим образом: *Овдаки кидшыге-йолжыге, уло капшыге чытыраш тӱнгале. «Мӧнгӧ каем», – пыкше мане тудо* 'Овдаки начала дрожать всем телом. «Пойду домой», – едва промолвила она' (11, с.169).

Представляя на страницах рассказа пословицы, упоминания о предсвадебных обрядах, песнях, писатель характеризует художественные способности, здоровый нрав, крепкие устои жизни народа.

Обращение к фольклорно-этнографическому материалу позволяет автору не только постичь духовную и материальную традиции, но и зафиксировать, сохранить его в письменной форме, понять менталитет своих сородичей. Таким образом, фольклорно-этнографический материал становится средством передачи глубоко национальных пластов культуры, а также «приемом» постижения психоэмоциональной природы и психологии своих героев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики: в 2-х т. – Т. 1. – М., 1958.

2. *Гусев В.Е.* Фольклоризм как фактор становления национальных культур // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Сб. ст. – М., 1977.

3. *Позднякова Е.Г.* Фольклоризм прозы Н.М. Карамзина: дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2003.

4. *Далгат У.Б.* Литература и фольклор. – М., 1981.

5. *Лазарев А.И.* Типология литературного фольклоризма. – Челябинск, 1991.

6. *Медриш Д.Н.* Литература и фольклорная традиция. – Киев, 1983.

7. *Хазанкович Ю.Г.* Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов России (на материале мансийской, ненецкой, нивхской, хантыйской, чукотской и эвенкийской литератур): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2009.

8. *Шешунова С.В.* Национальный образ мира в русской литературе: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2006.

9. *Манаева-Чеснокова С.П.* Художественный мир современной марийской поэзии: Монография. – Йошкар-Ола, 2004.

10. Писатели Марий Эл: биобиблиогр. справ. – Йошкар-Ола, 2008.

11. *Бояринова В.И.* Ош йӱксе: йомак, почеламут, ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 2009.

12. *Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. – Йошкар-Ола, 1992.

13. *Самоделова Е.А.* Антропологическая поэтика С. А. Есенина: авторский «жизнетекст» на перекрестье культурных традиций: Автореф. дис. … д-ра филол. наук – М., 2008.

14. Энциклопедия знаков и символов / О.В. Вовк. – М., 2006.

Lyudmila Shabdarova

FOLKLORISM OF V.I. BOYARINOVA'S STORY «BELT»

The problem of the relationship of literature to the oral traditions is one of the most relevant and interesting. The work is devoted to the study of folklore and ethnographic elements in the famous Mari writer V.I. Boyarinova's story «Belt». The article defines the role of aesthetics in folk art system of the writer, which helps to provide artistic and visual tools of Mari prose.

Надежда Казакова
Козьмодемьянск

ТРАДИЦИОННАЯ КУКЛА ГОРНЫХ МАРИ

Кукла не рождается сама: ее создают люди. Историю куклы принято начинать с маленьких фигурок из мамонтовой кости. В Египте куклу вырезали из дерева и украшали бусами. Во время археологических раскопок на Украине была найдена глиняная фигурка женщины с зернами пшеницы на голове. Ее бросали в огонь для обжига. Это была фигурка богини плодородия. Изготавливались куклы из подручных материалов: травы, дерева, ткани, кости, соломы, камней, глины, ниток, листьев и т.д. История куклы длится века, но кукла всегда остается юной, на нее не влияет время, она по-прежнему находит путь к сердцу детей и взрослых (1, с. 3).

Кукла – это древнейший вид народной игрушки на Руси. Она изготовлялась как для взрослых, так и для детей. Кукла – это подобие человека, для оберега семьи или для забавы детей. Оберег – охрана, охранение, талисман – от сглаза, порчи, от завистливых людей. Изначально она служила и тотемом, и обрядовым символом, превратившись позднее в детскую игрушку. Куклу-талисман бережно хранили в семье, передавали из поколения в поколение вместе с традиционными приемами ее изготовления. И когда наступала пора, бабушка доставала из заветного сундука волшебных куколок, разноцветные лоскутки, мотки ниток и начинала обучать внучку старинному искусству кукольного рукоделия (1, с. 6).

Кукла сопровождает человека всю его жизнь. Она обретает жизнь при помощи воображения и воли своего создателя. Являясь частью культуры всего человечества, кукла сохраняет в своем образе самобытность и характерные черты создающего ее народа. В этом главная ценность традиционной народной куклы. Самые вдохновенные творцы кукол – дети. Кукла – зримый посредник между миром детства и миром взрослых. Через кукольный мир дети входят в жизнь полноправными членами общества, а для взрослых – это единственная возможность вернуться в мир детства (1, с. 4).

Литературы по истории создания горномарийской народной куклы нет. Возник вопрос – а была ли такая кукла вообще? Ответ на этот вопрос удалось получить летом 2009 г., участвуя в экспедиции по Горномарийскому району Республики Марий Эл совместно с сотрудниками Российского этнографического музея г. Санкт-Петербурга Колчиной Е. В. – заведующей отделом Поволжья и Приуралья и Кирсановой А. Экспедиция повторяла творческий путь по следам научных исследований известного этнографа Крюковой Татьяны Александровны, которая была не раз в

экспедициях по своим родным местам. За короткий отрезок времени, всего 10 дней, нам удалось восстановить в памяти людей такое понятие, как народная кукла.

При разговоре о кукле женщины соглашались, что играли и создавали куклы. Но основная причина «не желания говорить» о том времени сводилась к воспоминанию о тяжелой физической работе с детских лет. Довоенное или военное время оставило свой отпечаток на судьбах детей того времени. Как такового детства и не было. Дети быстро взрослели, работая наравне со взрослыми. А кукла жила своей жизнью. Ее создавали руки взрослых, понимающих, что радость в жизни ребенка должна быть каждый день. Куклу ребенок мог взять с собой в поле, в лес, куда угодно, где были нужны детские руки. Дети росли и воспитывались параллельно всем заботам семьи о хлебе насущном. Воспитанием родителям некогда было заниматься, маленькие дети росли под присмотром бабушек и дедушек. Как только ребенок вырастал из поры младенчества, его уже приучали к посильному труду. Трудолюбие было мерилом жизнестойкости человека. Через игру, труд и общение ребенок познавал жизнь. Готовился к взрослой жизни. Родители воспитывали и обучали подрастающее поколение так, чтобы оно могло выжить в трудных условиях.

Через игру в куклы дети повторяли жизнь взрослых, обучаясь и закрепляя те вековые знания, которыми обладали горномарийцы. Куклы приобщались к режиму дня, к аккуратности, к послушанию взрослых, наказывались за провинность, трудились в поле, возили дрова на лошадях, сеяли, жали, ткали холсты, шили, вышивали, варили супы, каши, стряпали национальные пироги с листочками ивы вместо рыбы, с грибами-поганками, с древесными опилками вместо творога и т.д.

Когда приходило время, куклы встречались друг с другом и влюблялись, наступало время свадьбы. Жених ехал свататься к невесте, а у нее все уже было готово на столе. Шумела и плясала свадьба, пелись свадебные частушки, гости веселились, радуясь за молодых. Молодых после свадьбы укладывали на перину, над амбаром, где хранилось зерно, чтобы в новой семье было много детей. Куклы рожали, пеленали, кормили своих младенцев, пели колыбельные песни перед сном, воспитывали своих детей. Как показали собранные полевые этнографические материалы, традиционные куклы изготовлялись из различных природных, текстильных материалов, а также и из бумаги. Так, простую куклу делали из пучка травы осоки, обозначая голову и туловище игрушки (фото 1, 2). Простейшую куколку дети могли сделать из кленового листка (фото 3).

Часто куколки делались из небольшой деревянной палочки с «одеждой» из лоскутков ткани или бумаги. Иногда на палочке закреплялась небольшая перекладина, которая имитировала руки куклы (фото 4, 5, 6).

Куклы-закрутки могли изготавливаться из подручного текстильного материала – различных лоскутков тканей, остатков тесьмы и лент (фото 7).

У традиционной горномарийской куклы не было лица, что было связано с древнейшими представлениями у многих народов. В куклу с лицом могла вселиться душа.

Горномарийская кукла была одета в традиционный костюм. Немаловажное значение имело сохранение традиций в изготовлении костюма для куклы. Дети стара-

лись точно повторить все детали костюма. Рубаха изготовлялась из белого холста, применялись лоскутки цветной материи, бережно сохраненные матерью, остатки атласных лент украшали наплечники, манжеты и поясные подвески куклы (фото 8). Кукла должна была выглядеть так же аккуратно и скромно, как того требовали многовековые традиции горных мари.

Воспитательная роль куклы велика. Играя с куклой, ребенок закреплял свои знания о жизни, о национальных праздниках и обычаях горных мари, учился рукоделию, трудолюбию, усидчивости, аккуратности, эстетике, почитанию взрослых, послушанию, ответственности, самоопределялся в семье и т.д.

Женщины, рассказывающие и показывающие нам, как изготовляется этнографическая кукла горных мари, преображались, улыбались, вспоминая свое детство. Вспоминали своих родителей, родных и близких. Куклы, изготовленные ими, теперь размещены на стендах Российского этнографического музея г. Санкт-Петербурга. Горномарийская народная кукла жива. Она по-прежнему несет радость.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Котова И.Н., Котова А.С.* Русские обряды и традиции. Народная кукла. – СПб.: «Паритет», 2006.

Nadezhda Kazakova

TRADITIONAL DOLL OF MOUNTAIN MARIS

The report is dedicated to the traditional doll of mountain Mari. Information about it was collected during an ethnographic expedition in 2009. The collected data showed that the doll as a toy made of various natural material (grass, leaves, and sticks), textiles and paper. Traditional dolls were not the person that was associated with notions of what a doll with a person could move into the shower. This is the first publication of this element of culture of mountain Mari.

Фото 1, 2. Изготовление куклы из травы. Г.Г. Арганякова, д. Тетяново. Фото автора. 2009 г.

Фото 3. Кукла из кленового листа. Сотрудница Российского этнографического музея Санкт-Петербурга Е.В. Колчина с жительницей из д. Чаломкино. Фото автора. 2009 г.

Фото 4. Кукла на палке. Ткань х/б. Л.И. Аксайкина, д. Четнаево. Фото автора. 2009 г.

Фото 5. Кукла на палке. Бумага, фломастеры. Сотрудница Российского этнографического музея Санкт-Петербурга А.А. Кирсанова А.А. с Р.П. Сальдияркиной, с. Пайгусово. Фото автора. 2009 г.

Фото 6. Кукла на палке. Холст, атласные ленты. М.С. Григорьева, д. Чаломкино. Фото автора. 2009 г.

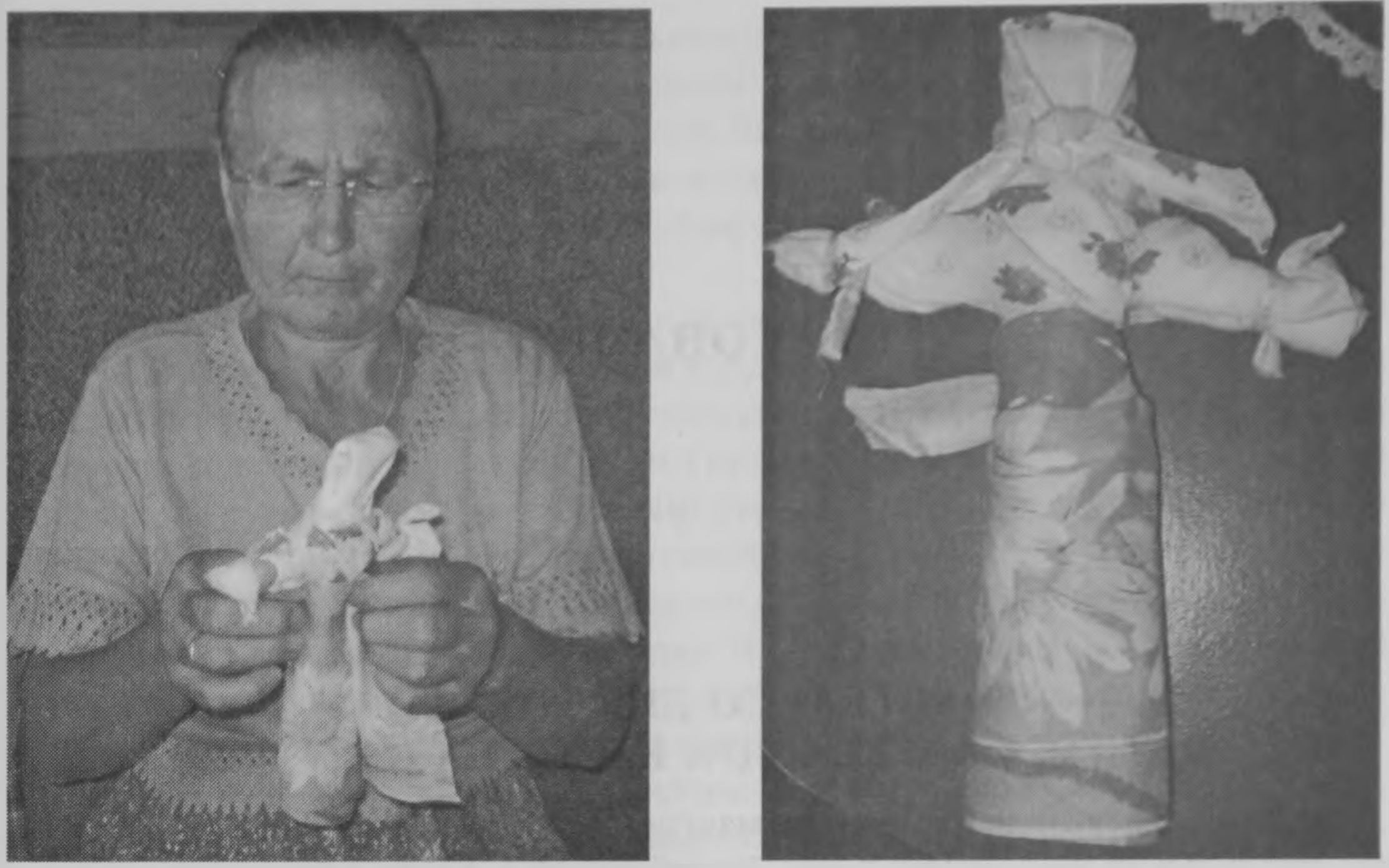

Фото 7. Изготовление куклы-закрутки из х/б ткани. В.Ф. Некрасова, д. Носелы.
Фото автора. 2009 г.

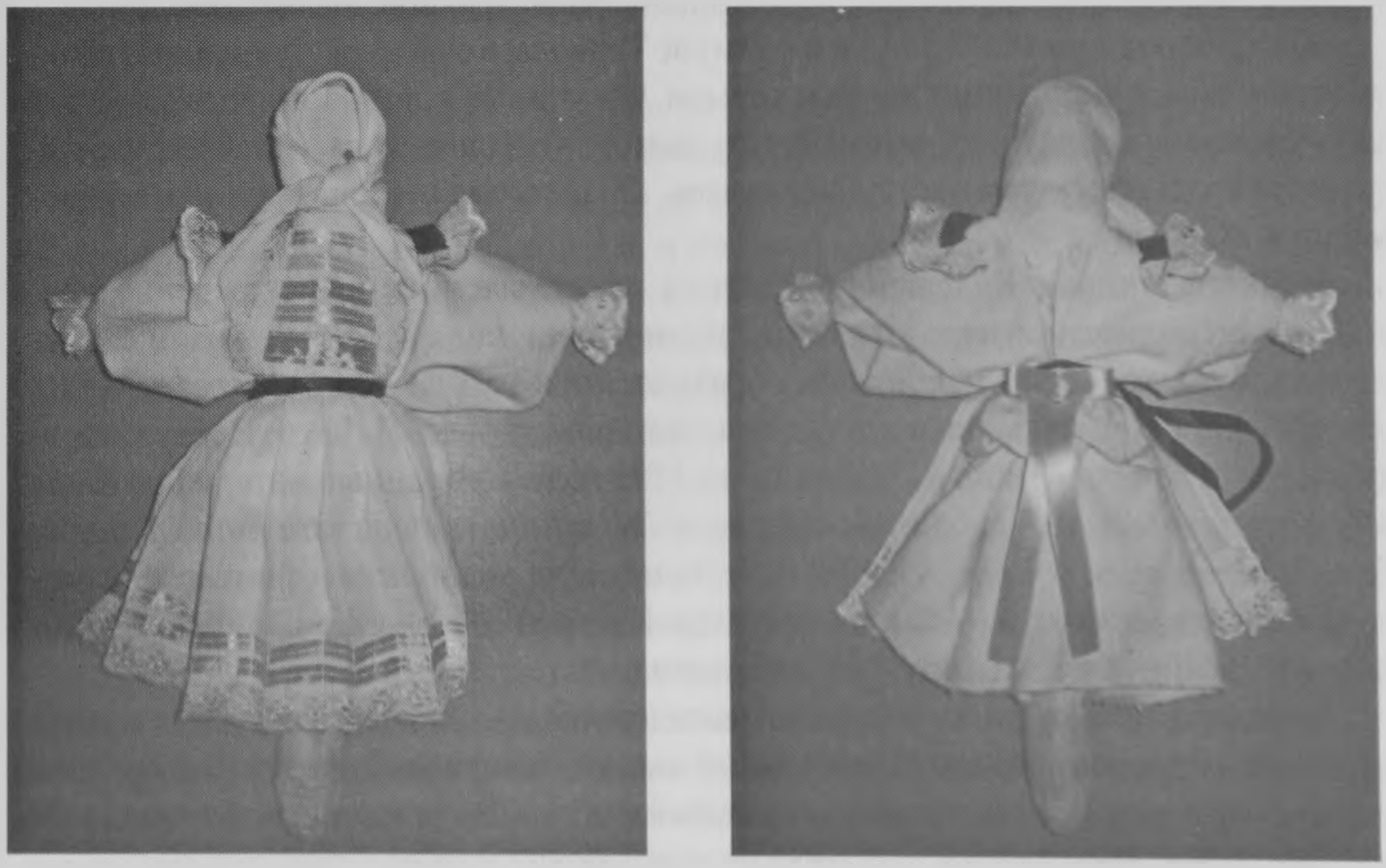

Фото 8. Кукла на палке. Холст, атласные ленты, шитьё, х/б ткань.
Кукла и фото автора. 2009 г.

ПЕРСОНАЛИИ

Илдико Лехтинен
Хельсинки

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАТИАСА АЛЕКСАНДРА КАСТРЕНА (1813–1852)

«Матиас Александр Кастрен – самая светлая звезда на небе финской науки» – отметил финский этнолог Уно Харва (Холмберг). М.А. Кастрен был пионером отечественных наук, в том числе языкознания, этнографии, археологии, фольклористики и науки о религиях. Он исследовал финно-угорские, самодийские языки, финский и саамский фольклор, был основоположником сравнительной уралистики.

Кастрен родился 02.12.1813 г. в коммуне Тервола, в северной Финляндии вблизи реки Кеми, в окружении лесов и холмов. Он учился в финноязычной школе в близлежащем городе Оулу, затем был студентом Хельсинкского университета факультета классических и восточных языков. Он получил степень кандидата философии в 1836 году.

Вдохновленный «Калевалой», Кастрен хотел выяснить происхождение финнов. «С пятнадцатилетнего возраста я принял решение труд моей жизни отдать изучению языка, религии, обычаев, образа жизни и всех других этнографических условий финского племени и других родственных племен» (1, с. 16) Первую научную поездку он совершил в Лапландию в 1838 году. Собранные материалы Кастрен использовал для своей диссертации *De affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica* («Об особенностях склонения в финском, эстонском и саамском языках»). Летом 1939 года Кастрен собирал фольклорный материал в Карелии, а в 1841 году – в Лапландии вместе с Элиас Лённротом.

Выяснить истоки финского языка исследователь решил через изучение языков и культуры народов Сибири. С этой целью как путешественник-этнограф Кастрен планировал совершить экспедицию именно в Сибирь. Во время первой трехлетней поездки по Уралу он изучал самодийские, хантыйский и коми языки, после поездки он опубликовал 2 грамматики *Elementa grammatices Syrjaenae* и *Elementa grammatices Tscheremissae* (1844) о языках коми и марийском языке. В 1845 году Кастрен защитил докторскую диссертацию, в которой выдвинул гипотезу о гене-

тическом родстве уральских и алтайских языков. В том же 1845 году Кастрен по поручению Санкт-Петербургской академии наук отправился в Сибирь для дальнейшего изучения языков разных народов. Во время своей экспедиции он посетил города Тобольск, Берёзов и Обдорск и исследовал бассейны таких рек, как Иртыш, Обь и Енисей. Он также объехал Минусинские степи. Саянские горы и Прибайкалье, посетил Монголию и Китай.

Работать в поле, собирать материал прямо от представителей коренного населения – эта задача была очень сложной в условиях Сибири того времени. Метод полевых исследований позволяет получить сведения о материальной и о духовной культуре. Во время путешествий были и приключения. Кастрен записал в своем дневнике на пути в город Туруханск: «Но уже в первую ночь у меня было приключение. Мой проводник не заметил в темноте ночи, что на льду Енисея повсюду плескалась вода из тут и там образовавшихся прорубей. Он ехал прямо по воде, олени не могли вытащить повозку на берег. И мы стояли, буквально примерзшие ко льду реки, растерянные, беспомощные, с угрозой обморозить конечности на трескучем морозе. Из беды нас вызволила счастливая случайность. Перевозчик почты случайно догнал нас. Он направил нас к одному самоедскому берестяному чуму, где я и провел всю ночь, разогревая застывшую кровь чаем и читая прибывшие письма». Несмотря на климат, условия и болезни, Кастрен не оставил свою работу. Он поселялся в избушках, в тесных чумах или в каюте обской лодки. Кастрен не жаловался, но писал о трудностях с юмором. Ему представлялось, что он приносит жертву на алтарь науки и действует во имя финского самосознания, то есть на пользу отечеству.

Сначала Кастрен поехал в Сибирь, чтобы изучать финно-угорские языки, но впоследствии он изучил тринадцать языков, не все из которых были родственны финскому. Почти все эти языки были до Кастрена не изучены. Кастрен собирал сведения с нескольких точек зрения, и помимо лингвиста, его можно считать и этнографом, и фольклористом, и археологом, и историком, и географом. В экспедиционных отчетах и письмах Кастрена в большом количестве приводятся этнографические заметки, которые он ценил. Во время сбора этнографического материала он занимался и приобретением предметов быта изучаемых народов. Для Академии наук Кастрен приобрел предметы на собственные средства, отчасти получил от разных помощников в виде подарков. Коллекция из 43 предметов находится в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Это хантыйское вышитое женское платье, шаманский костюм тунгусов, кетские шаманские головные уборы и самодийские домашние куклы. Небольшую коллекцию (20 предметов) Кастрен передал в Историко-этнографический музей Хельсингфорского университета (Национальный музей Финляндии / Музей культур), состоящую из якутских ложек и самодийских трубок из мамонтовой кости, мужского костюма эвенков и нганасанской будничной парки. Собранный материал указывает на особый интерес Кастрена к религии коренных народов. Что касается одежды, то надо отметить, что хотя Кастрен изучал языки и диалекты представителей самодийской языковой группы, но их простую малицу он ценил очень высоко. В заметках он

М.А. Кастрен в хантыйском чуме. Литография А. Эделфельтом. 1878.

подробно и детально представлял тунгусский костюм, который он считал эстетическим и красивым.

В своем введении к «Этнографическим чтениям об Алтайских народах» (1851) Кастрен раскрывал цели и задачи этнографии. «Что такое этнография? Это наука, изучающая религию, социальные отношения, обычаи, обряды, образ жизни, жилища разных народов, одним словом все, что входит в духовную и материальную культуру народов. Этнография – часть культурной истории, но у всех народов нет истории в полном смысле этого слова, но их история это именно этнография».

В 1851 году Кастрен стал первым в Хельсинкском университете профессором финского языка на впервые учрежденной кафедре финской филологии и работал над словарем самодийских языков. Последствия долгосрочных и физически очень тяжелых поездок сказались на здоровье Кастрена, в результате он заболел туберкулезом лёгких и умер в возрасте 39 лет. Наследие М.А. Кастрена огромно. После смерти М.А. Кастрена его труды были опубликованы в двенадцати томах под названием «*Nordische Reisen und Forschungen von Dr. Alexander Castrén*» (1853–1862). Рукописи, дневники, записки и письма находятся в коллекциях Национальной библиотеки Финляндии. Финно-Угорское Общество постепенно издает богатый материал по языкам. К 200-летию со дня рождения М.А. Кастрена будет опубликован первый том проекта «*Manuscripta Castréniana*». В том числе откроется 02.12.2013 г. выставка «В Сибирь!» по маршруту путешественника-этнографа Кастрена, организованная Национальным музеем Финляндии в помещении Музея университета Хельсинки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Богораз-Тан В.Г.* Кастрен – человек и ученый // Памяти М.А. Кастрена: к 75-летию со дня смерти / АН СССР. – Ленинград, 1927.

«Финно-угроведение», 2013, № 2

Александр Пустяков
Йошкар-Ола

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЭРККИ ИТКОНЕНА

Эркки Эсайас Итконен (Erkki Esaias Itkonen) – один из выдающихся финских лингвистов внёс большой вклад в развитие финно-угроведения наравне с такими учёными, как Матиас Кастрен, Андреас Шёгрен, Эмиль Сетяля, Август Альквист. Его перу принадлежит множество статей и монографий. Основными направлениями научных интересов были саамский язык, дальние родственные языки, вопросы общего языкознания. Э.Итконеном написаны работы по фонетике, морфологии, синтаксису, лексикологии, историографии, составлены учебники.

Эркки Итконен родился в Инари (Северная Финляндия) 26 апреля 1913 г. в семье настоятеля церковного прихода Лаури Арвида Итконена и был самым младшим ребёнком в семье. В 1914 году семья переехала в г. Вихти (провинция Уусимаа в Финляндии), и своё детство Эркки Итконен провёл там.

После окончания «народной школы» с 1922 г. продолжил учебу в средней школе. В это время очень много читал, писал стихи, стал членом литературной организации «Nuoren Voiman Liitto» («Союз Молодой Силы»). В 1930 г. поступил в Хельсинкский университет, в котором обучался финской и сравнительной фольклористике, также посещал курсы финского языка, финно-угорских языков. Впоследствии написал дипломную работу об известном финском лингвисте и этнографе А.А. Бореиусе (1933).

Осенью 1933 г. Эркки Итконен окончил бакалавриат. В этом же году была опубликована в журнале «Virittäjä» («Настройщик») его первая научная работа, посвящённая исследованию некоторых финско-саамских названий головных уборов. Статья привлекла внимание Э.Сетяля, известного в мире финно-угроведа, который в то время искал ассистента в руководимый им Институт исследования родственных языков (в 1976 г. институт объединён с другими организациями, работающими в сфере изучения финского, шведского и родственных финскому языков, в Научно-исследовательский центр языков Финляндии – Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, с

2012 г. Центр языков Финляндии – Kotimaisten kielten keskus). В сентябре 1934 г. Э.Итконен приступил к работе в качестве ассистента в этом институте. В последующем начал заниматься исследованием языков, первые его работы и бóльшая часть его трудов будут посвящены изучению саамского языка.

В 1939 г. Э.Итконен защитил диссертацию «Der ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus mit besonderer Berücksichtigung des Inari- und Skoltlappischen» («Восточно-саамский вокализм с точки зрения качества, преимущественно с учетом инари- и колтта-саамских языков») на соискание степени лиценциата философии (ныне доктора философии). Основной фактический материал был собран самим автором во время полевых экспедиций. Диссертация получила высокую оценку финских языковедов. Она стала значительным вкладом в изучение вокализма не только восточных, но и других диалектов саамского языка, открыла возможность для дальнейших исследований происхождения и развития данного языка. Ее продолжением является изданный в 1946 г. труд «Struktur und Entwicklung der ostlappischen Quantitätssysteme» («Структура и развитие восточно-саамской количественной системы звуков»), в котором подвергнута критике теория Э.Сетяля о чередовании ступеней согласных, распространённая в финно-угроведении в I половине XX в. В этой связи нужно отметить его замечательные исследования «Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere im Mordwinischen» («К вопросу развития вокализма первого слога в финно-угорских языках, преимущественно в мордовском», 1946) и «Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen» («К истории вокализма первого слога в марийском и пермских языках», 1954). Они были свидетельством того, что автор прекрасно знал теоретические основы изучения фонетики. Их относят к числу лучших работ того периода в области исследования вокализма финно-угорских языков. Хотя надо заметить, что исходя из современных позиций языкознания в работе «Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen» специалистами отмечается наличие указаний на несистемные изменения в вокализме марийского и пермских языков. Реконструкция Э.Итконена системы гласных в финно-угорских языках послужила основой для последующих изысканий в этой области.

Научно-исследовательская деятельность Э.Итконена многогранна. Вскоре после защиты диссертации ему присвоено учёное звание доцента кафедры финно-угорских языков. В 1950–1963 гг. Э.Итконен был профессором финно-угроведения в Хельсинкском университете, где, в частности, вёл курсы по марийскому языку. В 1954–1976 гг. работал в должности директора Института исследования родственных языков. В период с 1964 по 1983 гг. был членом Финской академии наук. С 1964 по 1988 гг. являлся главным редактором журнала «Finnisch-UgrischeForschungen» («Финно-угорские исследования»).

Э.Итконен принимал активное участие в общественной жизни. В 1952–1978 гг. участвовал в деятельности Финно-Угорского Общества, в 1956–1968 гг. являлся

заместителем руководителя общества, в 1969–1978 гг. – его руководителем. В 1957–1962 гг. возглавлял работу Саамского культурно-просветительского общества, редактировал издания этого общества на саамском языке с 1934 по 1966 гг. В 1959–1967 гг. был заместителем председателя Финно-венгерского культурного комитета.

Наиболее значимыми работами являются «Suomalaisugrilaisen kielen- ja historiantutkimuksen alalta» («Из области исследования финно-угорских языков и истории», 1961), «Kieli ja sen tutkimus» («Язык и его изучение», 1966). Э.Итконен – один из составителей «Suomen kielen etymologinen sanakirja» («Этимологический словарь финского языка», 1955–1978), на начальном этапе был главным редактором нового издания этимологического словаря «Suomen sanojen alkuperä» («Происхождение финских слов», 1–3, 1992–2000). Им составлен четырёхтомный словарь «InarilappischesWörterbuch» («Инари-саамский словарь», 1986–1991) совместно с Райя Бартенс и Леа Лайтинен.

Во время второй мировой войны Э.Итконен собирал материал у пленных марийцев. Впоследствии зафиксированный им богатый материал стал одним из основных источников при составлении «Словаря марийского языка» («Tscheremissisches Wörterbuch»), изданного в 2008 г. в Финляндии.

В обширном научном наследии Э.Итконена финно-угроведы могут найти немало работ о марийском языке. Ученый пишет, что «для финнов марийский язык представляется как своеобразный, пленительный мир». Его первые масштабные исследования посвящены фонетике саамских языков. Бомльшая часть работ по марийскому языку также относится к исследованию фонетики. В статье «Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen» («Ударение в финно-угорских языках», 1955) Э.Итконен анализирует ударение в финно-угорских языках, в том числе в восточном и западном диалектах марийского языка. По его мнению, восточные говоры марийского языка, в которых ударение находится на последнем полном гласном, сохранили прамарийское ударение; на материале марийского языка можно проследить развитие ударения в подвижное из первоначального на гласном первого слога; западный диалект марийского языка характеризуется тенденцией передвижения ударения на предпоследний слог, которое не известно прамарийскому языку и восточному диалекту. Э.Итконен подвергает сомнению теорию Э.Сетяля о подвижном ударении в угро-финском языке-основе и считает, что ударение было на первом слоге, приводя в качестве доказательства доводы о том, что самым распространённым в финно-угорских языках является начальное ударение (Anfangsbetonung) и что в большинстве слов наблюдается отпадение последнего гласного корня слова, в результате чего первоначальные двусложные слова превратились в односложные.

Вокализм марийского языка описывается в статье «A propos des voyelles réduites non arrondies de la prèmiere syllable en tchérémisse» («О неогубленном редуцированном вокализме первого слога в марийском языке»,1972), проблемы развития вокализма в финно-угорских языках рассматриваются также в докладе «Kysymys

äänteenmuutosten poikkeuksettomuudesta suomalais-ugrilaisen vokalihistorian valossa» («Вопрос об отсутствии исключений в системе фонетических изменений в свете истории финно-угорского вокализма»,1968) и статье «Nachträgliche Bemerkungen» («Дополнительные заметки», 1972).

Э.Итконен интересовался вопросами синтаксиса и морфологии марийского языка. В вышедшей в 1960 г. статье «Tšeremissin kielen sanaliittojen suhteesta yhdyssanoihin ja taivutusmuotoihin» («Об отношении словосочетаний к сложным словам и формам склонения в марийском языке») высказал интересные соображения по поводу слитного и раздельного написания слов. В первую очередь отметил, что слитное и раздельное написание слов в марийском и финском языках отличается: многие словосочетания, которые пишутся в марийском языке раздельно, в финском оформляются слитно. Рассматривая работы, освещающие вопросы слитного и раздельного написания в марийском языке, заметил, что выработанные в этом отношении правила можно толковать по-разному. Исследователь также обратил внимание на слитное и раздельное написание послелогов. По его мнению, редуцированность конечных гласных слов, предшествующих послелогу, свидетельствует о том, что послелоги развились в суффиксы, т. е. предполагал их слитное написание. При этом часто обращался к своим материалам по марийскому языку, к материалам А.Генеца, Э.Беке, Х.Паасонена, этнографа Т.Евсеева и сверял способы написания со своими выводами. Э.Итконен изложил указанные вопросы в свете фонетических изменений, но это изучение, как писал сам автор, не является исчерпывающим.

Следует отметить и другие статьи Э.Итконена, касающиеся проблем морфологии и синтаксиса в марийском языке: «Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystems» («Заметки о развитии системы спряжения в марийском языке», 1962), «Eräiden latiivin ja prolatiivin päätteiden tarkastelua» («Наблюдения относительно некоторых лативных и пролативных окончаний», 1967). Во второй работе, рассматривая показатели латива и пролатива в финно-угорских языках, в качестве основного материала исследователь использовал данные марийского языка и, прослеживая изменения звуков, делал выводы относительно происхождения суффиксов некоторых падежей и наречий. В этой связи необходимо назвать также статью «Eräästä tšeremissin adverbityypistä» («Об одном типе марийских наречий», 1966), в которой исследователь акцентировал внимание на выявлении происхождения и развития конечного *-ń* в словах типа *melə̑ń*, *tupə̑ń*, *kutə̑ń*, *lukə̑ń* и др. В обширной статье «Über das Objekt in den finnisch-wolgaischen Sprachen» («Об объекте в финно-волжских языках», 1972) Э. Итконеном освещена проблема выражения объекта в исследуемых языках.

Научная деятельность Э.Итконена получила высокое признание среди учёных-языковедов многих стран. В 1960 г. он награждён орденом Льва Финляндии (Командорский крест I класса), получил награды Венгерской Народной Республики, в 1977 г. ему присвоено звание почётного доктора философии Уппсальского университета, в 1986 г. – почётного доктора философии университета Турку.

Эркки Итконен ушёл из жизни 28 мая 1992 г., до последних дней жизни продолжал плодотворно трудиться на научной ниве.

Основные научные работы Эркки Итконена, в которых освещаются вопросы марийского языка:

Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprchen // FUF. – Helsinki, 1953–1954. – XXXI. – S. 149–345.

Materialveröffentlichungen aus dem Gebiet der tscheremissischen Sprache // FUF. – Helsinki. 1953–1954. – XXXI. – S. 36–47.

Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1955. – V. – S. 21–34.

Tšeremissin kielen sanaliittojen suhteesta yhdyssanoihin ja taivutusmuotoihin // Virittäjä. – Helsinki, 1960. – № 4.– S. 311–319.

Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystems // MSFOu. – Helsinki, 1962. – 125.– S. 85–125.

Eräästä tšeremissin adverbityypistä // Virittäjä. – Helsinki, 1966. – № 1. – S. 64–70.

Eräiden latiivin ja prolatiivin päätteiden tarkastelua // Virittäjä. – Helsinki, 1967. – № 3. – S. 249–255.

Kysymys äänteenmuutosten poikkeuksettomuudesta suomalais-ugrilaisen vokalihistorian valossa (Esitelmä Suomen tiedeseuran kokouksessa tammikuun 15 P:nä 1968). Societas scientiarum Fennica. Vuosikirja. – Helsinki, 1969. – XLVI, № 2.

Thesen und Antithesen in der finnisch-ugrischen Vokalforschung // Ural-Altaische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1969. – B. 41. – S. 212–251.

A propos des voyelles réduites non arrondies de la prèmiere syllabe en tchérémisse // Mélanges offerts a Aurélien Sauvageot pour son soixante-quinzième anniversaire. Études Finno-Ougriennes. – 1972. – VIII. – P. 107–116.

Über das Objekt in den finnisch-wolgaischen Sprachen // FUF. – Helsinki, 1972. – XXXIX. – S. 153–213.

Nachträgliche Bemerkungen // FUF. – Helsinki, 1972. – XXXIX. – S. 430–449.

Ein fall von syntaktischen parallelentwicklung // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1974. – 24. – S. 183–190.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Bartens, Raija. Tieteen moninkertaisen työmiehen merkkipäivänä // Virittäjä. – Helsinki, 1988. – № 1.

Castrénin perilliset. Helsingin ylio piston suomen ja sen sukukielten professorit 1851–2001 / Toim. Toni Suutari ja Merja Salo. – Vantaa, 2001.

Erkki Itkonen. Available online at <http://www.samimuseum.fi/anaras/tutkimus/eitkonen.html>.

Erkki Itkonen 60 v. // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. – Helsinki, 1973.

Korhonen, Mikko. Erkki Itkonen 60-vuotias // Virittäjä. – Helsinki, 1973. – № 2.

Kulonen, Ulla-Maija. Itkonen, Erkki (1913–1992), suomalais-ugrilaisen kielentutkimuksen professori, Suomen Akatemian jäsen. Available online at <http://www.kansallisbiografia.fi/kb/artikkeli/6991/>.

Virtaranta, Pertti. Erkki Itkonen 26.4.1913–28.5.1992 // Virittäjä. – Helsinki, 1992. – № 4.

Людмила Григорьева
Йошкар-Ола

СЛУЖЕНИЕ НАУКЕ И ШКОЛЕ (К 80-ЛЕТИЮ Г.И. ЛАВРЕНТЬЕВА)

«Марий йылмын ончыкылыкшым волгыдым ужнем»
(Марий Эл. – 2000. –22 декабрь)

Наука и образование – особая сфера деятельности человека. Тот, кто это понимает и отдает себя полностью служению такому нелегкому делу, становится настоящим подвижником. Энергичен, по-спортивному подтянут, хорошо играет на баяне. Живой взгляд, приветливая улыбка. Искренний интерес, пытливый ум, феноменальная память, внимательный ко всем, наделенный чувством юмора. Таков Гурий Иванович Лаврентьев, доктор филологических наук (1994), профессор (1998), видный ученый-языковед Республики Марий Эл. Его мудрую фразу «Человек имеет право исследовать только родной язык, которым владеет в совершенстве, чувствует все его нюансы» можно включить в книгу афоризмов.

Г.И. Лаврентьев родился 4 октября 1933 года в д. Семисола Моркинского района Марийской АССР в семье крестьянина-колхозника. Иван Семенович и Ефросинья Петровна хорошо понимали значимость учебы и, воспитывая семерых детей, старались поддерживать их во всем. Сын Гурий, успешно окончив Моркинскую среднюю школу, работал учителем немецкого языка и физкультуры в Купсолинской и Шордурской семилетних школах родного района. В 1953–1958 гг. обучался на историко-филологическом факультете Марийского государственного педагогического института им. Н.К.Крупской. Четыре года преподавал русский язык и был завучем в Шордурской и Нурумбальской средних школах Моркинского района. В 1962 г. поступил учиться в аспирантуру при кафедре марийского языка и литературы МГПИ им. Н.К. Крупской. Под руководством профессора Н.Т. Пенгитова написал диссертацию по теме «Волжский говор марийского языка», защита которой состоялась 20 апреля 1967 г. на заседании Ученого совета Тартуского государственного университета. Официальными оппонентами выступили академик Академии наук ЭССР П.Аристэ и канд. филол. наук И.Г. Иванов. Диссертант проана-

лизировал фонетические и морфологические особенности волжского говора лугового наречия марийского языка. Работа интересна тем, что некоторые языковые явления рассмотрены с генетической точки зрения.

После присуждения ученой степени кандидата филологических наук Г.И. Лаврентьев становится старшим преподавателем, затем доцентом кафедры русского языка Глазовского педагогического института им. В.Г. Короленко. В 1974–1985 гг. – доцент кафедры русского языка Марийского государственного университета, 1985–1998 гг. – заведующий кафедрой русского языка и литературы и доцент Марийского института образования, 1998 – 2005 гг. – профессор кафедры русского и общего языкознания МарГУ. Гурий Иванович читал лекции и вел семинарские занятия по старославянскому языку, введению в славянскую филологию, исторической фонетике и грамматике русского языка, русской диалектологии, а также по введению в языкознание.

27 мая 1994 г. на заседании Ученого совета Марийского государственного университета защитил докторскую диссертацию по теме «Морфемная структура слова и словообразование в современном марийском языке» (официальные оппоненты – доктор филол. наук, проф. А.И. Кузнецова, доктор филол. наук, проф. Л.П. Васикова, доктор филол. наук Н.И. Исанбаев). Данная диссертация представляет собой первый опыт исследования морфемного состава и образования марийских слов. Его монография «Состав слова и словообразование в современном марийском языке» ценится не только у нас, но и за рубежом (1).

Г.И. Лаврентьев – активный участник Международных конгрессов (Сыктывкар, 1985; Йошкар-Ола, 2005), конференций (Йошкар-Ола, 1992, 2000), Всесоюзных (Всероссийских) конференций финно-угроведов (Сыктывкар, 1965; Йошкар-Ола, 1969; Саранск, 1972; Ужгород, 1977; Сыктывкар, 1979; Ижевск, 1993; Йошкар-Ола, 1994), а также многих межрегиональных и республиканских научных форумов. В своих выступлениях он умеет подчеркнуть суть излагаемых вопросов, дать чёткое определение рассматриваемым явлениям, оптимально структурировать материал, хорошо обосновать полученные результаты исследования теоретическими положениями общего языкознания и разнообразными языковыми фактами, при этом обязательно приводит примеры из родственных и неродственных языков.

Научные труды Г.И. Лаврентьева посвящены проблемам диалектологии, фонетики, морфологии, словообразования, исторической фонетики и грамматики, истории письменности марийского языка, а также марийской орфографии, методики преподавания марийского и русского языков. Он является автором 200 научных работ и газетных публикаций, каждая из которых отличается особым взглядом на языковые явления и теоретической глубиной.

Освещение сущности номинатива и аккузатива имени и употреблении этих форм в марийской речи (2; 3; 4; 5; 6), языкового пуризма (7; 8; 9), усовершенствования орфографии, принятой в 1972, 1992, 2011 гг., в частности вопросов написания заимствованных из русского языка слов и сложных слов (10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18;

19; 20; 21), побуждает к научным поискам многих марийских лингвистов. И в жизни, и в науке много антиномий. *Антиномия* (греч. antinomia 'противоречие в законе') – противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых логически доказуемо (22, с. 65). Древнегреческий философ Сократ (ок. 469 г. до н.э.) приводил своих учеников к истинному суждению через диалог. Мы также должны использовать данный прием. Например, в решении проблемы языкового пуризма необходимо прислушиваться к мнению Г.И. Лаврентьева: «Главным, определяющим условием закрепления новшеств в литературном языке является непременно то, чтобы они не разрушали закономерность, целостность, гармоничность отношений в языке, чтобы они понимались широкими слоями говорящих на данном языке» (7, с. 59).

Гурий Иванович – строгий оппонент исследований по марийскому языку и другим финно-угорским языкам. Он оппонировал или рецензировал 12 кандидатских диссертаций и 8 докторских исследований: В.В. Быконя, И.А. Селицкой, С.Я. Черных, Т.М. Шеяновой (1996), Н.Н. Глуховой, П.М. Зайкова (1997), А.Н. Куклина, Е.И. Ромбандеевой (1998). Написал отзывы на многие монографии и учебные пособия.

Плодотворная научно-педагогическая и общественная деятельность профессора Г.И. Лаврентьева является примером истинного, беззаветного служения избранной профессии и преданной любви к науке. Его заслуги отмечены Благодарственным письмом Государственного Собрания РМЭ (2003), почетными грамотами Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко (1970, 1974), Марийского государственного университета (1983), Министерства образования РФ (2001), Государственного Собрания РМЭ (2013).

4 октября 2013 г. Гурию Ивановичу исполнилось 80 лет. Семья юбиляра понимает и поддерживает нелегкий труд ученого: супруга, Надежда Александровна, работала учительницей русского языка и начальных классов, дочери Полина Гурьевна – редактор редакционно-издательского центра Поволжского государственного технологического университета, Алевтина Гурьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и общего языкознания Марийского государственного университета, Ирина Гурьевна – инженер-химик Йошкар-Олинской кондитерской фабрики. Внуки гордятся дедом и радуют его своими успехами.

Пожелаем уважаемому Гурию Ивановичу крепкого здоровья, творческого долголетия, семейного благополучия. Пусть ваши дни будут светлыми и добрыми. Таза, кужу ӱмыран лийза, Гурий Иванович. Шкендам аралыза!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Лаврентьев Г.И.* Состав слова и словообразование в современном марийском языке. – Йошкар-Ола, 1984.

2. *Лаврентьев Г.И.* «Номинатив» прямого дополнения в марийском языке // Вопросы финно-угроведения. – Вып. VI. – Саранск, 1975.

3. *Лаврентьев Г.И.* Йылме законым наука чын умылтарышаш, але Уло мо вара марий

йылмыште маркироватлыдыме падеж? (*Законы языка наука должна отражать объективно, или Есть ли в марийском языке немаркированный падеж?) // Ончыко. 2000, № 5.

4. *Лаврентьев Г.И.* Винительный падежын кок формыжы ӓль кок падеж? (Две формы винительного падежа или два падежа?) // У сем. 2003, № 2.

5. *Лаврентьев Г.И.* Прямой и косвенные падежи с нулевой флексией: миф или реальность // Проблемы марийской и финно-угорской филологии. – Йошкар-Ола, 2005.

6. *Лаврентьев Г.И.* К вопросу о сущности номинатива имени и употреблении этой формы в марийской речи // XI Игнатьевские чтения «Проблемы горномарийского языка, литературы, истории, культуры, образования»: материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции 1 апреля 2009 г. – Йошкар-Ола, 2009.

7. *Лаврентьев Г.И.* К оценке лексических новообразований 20–30-х гг. // Вопросы марийского языка: Грамматика и лексикология. – Йошкар-Ола, 1986.

8. *Лаврентьев Г.И.* «Шанчизм» деч эрныман ыле (О засорении марийского языка словесными выкрутасами) // Марий Эл. 1993, 3 ноябрь.

9. *Лаврентьев Г.И.* Тӱвыра да сымыктыш, тӧртык, шанче да тӧнеж … але «Шанчыенгын» тургыжланымыже (О словах-выкрутасах, эквивалентных русским *культура* и *искусство*, *закон* и *наука*, *учреждение* и *ученый*) // X Игнатьевские чтения «Проблемы горномарийского языка, литературы, истории, культуры, образования»: материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции 1 апреля 2010 г. – Йошкар-Ола, 2010.

10. *Лаврентьев Г.И.* Орфографий мутерым саемдаш кӱлешак (Необходимо усовершенствовать орфографический словарь марийского языка) // Марий коммуна. 1984, 26 май.

11. *Лаврентьев Г.И.* Ӱчашымаште чын шочеш (В споре рождается истина) // Марий коммуна. 1989, 18 октябрь.

12. *Лаврентьев Г.И.* «Йыгырмут» нерген «почешлыш» (О мнимых сложных словах марийского языка) // Марий Эл. 1994, 23 март.

13. *Лаврентьев Г.И.* Орфографий проект (Проект орфографии) // Марий Эл. 1997, 27 ноябрь, 28 ноябрь.

14. *Лаврентьев Г.И.* Кугыраклан кугуракым пуыман (Старшему нужно давать больше) // Марий Эл. 1997, 23 декабрь.

15. *Лаврентьев Г.И.* Саскавий ден Васлин кочашт икте огыл шол (Дедушка Саскавия и Васлия не один и тот же) // Марий Эл. 1997, 27 декабрь.

16. *Лаврентьев Г.И.* Кӱсынлымӧ мутлан «марий йолчиемым» чиктыме (Заимствованные слова обуты в «марийскую обувь») // Марий Эл. 2003, 4 апрель.

17. *Лаврентьев Г.И.* Пырысын игыжым пырысиге манын (Детеныша кошки называют котенком) // Марий Эл. 2003, 26 апрель.

18. *Лаврентьев Г.И.* Сложный мут але кок мут? (Сложное слово или два слова?) // Марий Эл. 2003, 28 ноябрь.

19. *Лаврентьев Г.И.* Олык-эрвел марий йылме орфографий нерген шонкалымаш // XI Игнатьевские чтения «Проблемы горномарийского языка, литературы, истории, культуры, образования»: материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции 1 апреля 2011 г. – Йошкар-Ола, 2011.

20. *Лаврентьев Г.И.* Шонго учёный шонкала // Марийын йӱкшӧ. 2012, № 3 (1).

21. *Лаврентьев Г.И.* Моштен ӱчашымаште чын шочеш // Кугарня. 2012, 18 май.

22. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – 5-е изд., стер. – М., 2003.

---

* Наименования статей переведены Г.И. Лаврентьевым (см. Лаврентьев Гурий Иванович: биобиблиогр. указ. / науч. б-ка им. Р.А. Пановой МарГУ; сост.: Г.Т. Корнилова, С.Г. Багаева; науч. ред. В.В. Изыкин. – Йошкар-Ола, 2011. – 36 с. (Материалы к биобиблиографии ученых МарГУ. – Вып. 49).

«Финно-угроведение», 2013, № 2

Маргарита Кузнецова
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ Р. БАРТЕНС

25 октября 2013 г. известному финно-угроведу, литературоведу профессору Райе Бартенс (урож. Йокинен) исполнилось 80 лет. С этой высокой худощавой женщиной с удивительно живыми глазами автору строк посчастливилось познакомиться на финно-угорском конгрессе в Ювяскюля (1995 г.). А с Х.-Х. Бартенсом, ее супругом, судьба нас свела еще в апреле 1994 г. во время юбилейной конференции кафедры финно-угорских языков университета г. Уппсала (Швеция). В дальнейшем мы встречались в Гёттингене (Германия) и в Сомбатхее (Венгрия). Я несколько раз бывала в гостях у этой скромной, доброй пары, они всегда радушно принимали меня, устраивали интересные прогулки, поездки по самым живописным местам в окрестностях Геттингена. Меня всегда поражала их широкая эрудиция, глубокое знание истории, культуры как Финляндии, так и Германии. На мой взгляд, они побывали на всех художественных выставках не только в Германии, но и во всей Западной Европе, часто посещают концерты известных симфонических оркестров. Их любовь к искусству и к музыке огромна, огромна любовь к фольклору финно-угорских народов.

Урожденная финка (г. Вааса), отлично знающая немецкий язык – мы общались на немецком – Р.Бартенс была и остается интересной, общительной собеседницей, прекрасной коллегой. Я восхищаюсь ее трудолюбием, работоспособностью, усидчивостью, стремлением к широкому охвату разных аспектов финно-угроведения, живым интересом ко всем важным событиям в финно-угорском мире, особенно к литературной жизни финно-угорских народов Российской Федерации. В то же время она была и остается любящей матерью и бабушкой двух прелестных внучек.

В науке Райя Бартенс прошла обычный путь ученого от ассистента до доктора философии. Кандидатские экзамены по финно-угроведению, финскому языку, эстетике и сравнительному литературоведению она сдавала в университете г. Хельсинки в 1958 г. В 1965 г. получила диплом лиценциата философии по специальности «финно-угорское языкознание и финский язык». В декабре 1972 г. защитила докторскую диссертацию о синтаксисе падежей в саамских диалектах, в феврале 1973 г.получила диплом доктора философии.

Профессиональное совершенствование Райи Бартенс как исследователя началось рано. В 1957 г. она была практиканткой в лексикографическом институте, в

дальнейшем ей выпало счастье быть ассистенткой двух известных профессоров, членов Академии наук Финляндии – Пааво Равилы (1958–1963) и Эркки Итконена (1964–1967). Под руководством профессора Э. Итконена трудилась над составлением четырехтомного словаря инари-саамов. С октября 1977 г. Р. Бартенс – доцент финно-угорского языкознания университета г. Хельсинки, с января 1979 г. параллельно заведовала отделом родного языка (Suomen suku) в Научно-исследовательском центре языков Финляндии (г. Хельсинки), с августа 1979 г. – и.о. профессора финно-угорских языков университета, с июня 1980 г. – штатный профессор университета и директор Института финно-угорских языков и хунгарологии университета г. Хельсинки, с 1982 г. – действительный член Академии наук Финляндии.

С 1985 по 1987 и с 1991 по 1993 учебные годы работала в качестве профессора-гостя финского языка на кафедре финно-угорских языков университета г. Гёттинген (Германия).

Райя Бартенс тесно сотрудничала и сотрудничает с редакциями журналов «Finnisch-Ugrische Forschungen» («Финно-угорские исследования») и «Ural-Altaische Jahrbücher» («Урало-Алтайский ежегодник»). С 1960 по 1970 гг. работала секретарем редакции журнала «Finnisch-Ugrische Forschungen» (FUF). Является почетным членом Урало-Алтайского общества, а в 1994 г. была вице-президентом Правления данного общества.

С 1997 г. находится на заслуженном отдыхе.

Райя Бартенс – автор многочисленных монографий, статей, рецензий, отзывов и т.д., в т.ч. книг по марийской поэзии. Еще в 1997 г. Р. Бартенс издала антологию марийского фольклора с нежным названием «Sinussa minun ikäväni» («Грусть моя в тебе»), которая является продолжением ее серии антологий поэзии финно-угорских народов. Серию начинает антология коми поэзии (1984), за ней следуют антологии мансийской и хантыйской (1986), мордовской (1993), удмуртской (1994) и современной мордовской народной поэзии (2004).

Перед возвращением из Венгрии я познакомилась с очередной монографией Р.Бартенс в рукописи, которую она посвятила четырем марийским поэтам и которой дала красивое название «Kultainen aamunkoi» («Золотой рассвет»). Книга вышла в серии «Bibliotheca Ceremissica» (Сомбатхей, Венгрия) в 2007 г., в ней рассматривается биография и творчество Сергея Чавайна, Николая Мухина, Шабдара Осыпа и Олыка Ипая. Стихи представлены в оригинале и в переводе на финский язык, дается их сжатый анализ.

Мне как марийке, которая принимала непосредственное участие в подготовке к изданию «Марийского диалектного словаря» Эдена Беке (1997–2001), было очень приятно, что Райя Бартенс первой среди финно-угроведов откликнулась на выпуск первого тома словаря и дала положительную оценку тому.

Из многочисленных статей и монографий языковедческого плана, затрагивающих разные аспекты финно-угорского языкознания, в первую очередь хочется упомянуть монографии о синтаксисе падежей саамских диалектов (1972, 1978), о синтаксисе инфинитных форм в мордовских, марийском и удмуртском языках (1979),

две фундаментальные работы о структуре и развитии мордовских (1999) и пермских языков (2000) и многие другие.

Я желаю этой хрупкой, скромной, интеллигентной, талантливой и удивительно работоспособной женщине крепкого здоровья, творческих успехов. Тазалыкет тумо гай пенгыде, илыш корнет ончыкыжымат сото да волгыдо лийже, шанче пашат эре воранен шогыжо!

«Финно-угроведение», 2013, № 2

Евгений Цыпанов,
Галина Пунегова
Сыктывкар

К ЮБИЛЕЮ Г.А. НЕКРАСОВОЙ

12 декабря 2013 г. ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН кандидат филологических наук Галина Александровна Некрасова отмечает свой юбилей. Родилась она в старинном нижневычегодском коми селе Айкатыла (Айкино), однако жила и училась в школе в с. Гам. Ее отец многие годы был директором школы, писал на коми языке стихи и рассказы для детей. Вероятно, это обстоятельство повлияло на ее выбор стать филологом. После окончания средней школы в 1976 г. Г.А. Некрасова поступает на историко-филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. В 1981 г. оканчивает полный курс названного университета и защищает дипломную работу, выполненную под руководством доцента Е.А. Игушева. Уже в вузе она проявила большой интерес к исследованию родного коми языка.

Сразу после университета способную выпускницу приглашают на работу в сектор языка Института языка, литературы и истории тогда еще Коми филиала АН СССР, где она работает и в настоящее время. В трудовой книжке юбиляра есть лишь одна запись о приеме на работу. В 1982–1986 гг. Г.А. Некрасова обучалась в очной целевой аспирантуре Тартуского государственного университета (ЭССР), под руководством двух докторов филологических наук профессоров Аго Кюннапа и Пауля Алвре написала диссертацию на тему «Л-овые падежи в коми языке», которую успешно защитила в ноябре 1987 г.

Со времени окончания аспирантуры Г.А. Некрасова работает в ИЯЛИ в разных должностях: младший научный сотрудник, научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник. В течение ряда лет она параллельно преподавала коми язык в Сыктывкарском государственном университете.

Область научных интересов Г.А. Некрасовой – функциональная грамматика,

историческая фонетика и морфология коми языка. Юбиляром опубликовано в России, Финляндии, Эстонии около 180 научных работ, в том числе 12 книг и брошюр, прочитаны многочисленные доклады на международных и всероссийских конференциях. Основные ее монографические труды: Система Л-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар 2002; Коми кывлӧн историческӧй фонетика. Сыктывкар 2000; Вежлог перым кывъясын: пертас, вежӧртас, арманног. Сыктывкар 2004. Г.А. Некрасова была также руководителем и исполнителем темы «Падежная система пермских языков. Историко-типологический аспект» (грант РГНФ 2005–2006 гг., проект № 05-04-41401 а/С). В них раскрыты особенности развития коми языка в сравнении с другими финно-угорскими, прежде всего с пермскими, языками: детально проанализирована система падежей коми языка, уточнены их количество, функционирование и семантика; выявлены системные отношения послелогов различных семантических групп; прослежены этапы формирования и исторического изменения фонетической системы.

Никто не усомнится в том, насколько важен принцип единства научных исследований и образовательного процесса. Г.А. Некрасова вносит весомый вклад в подготовку научно-педагогических кадров в Республике Коми. На протяжении двух десятков лет в Сыктывкарском госуниверситете преподает коми язык студентам-филологам, обучающимся по специальности «Филология (национальная)», читает фундаментальные курсы «Историческая фонетика и грамматика коми языка», «Сравнительная грамматика пермских и финно-угорских языков», «Современный коми язык» (разделы словообразование и морфология), а также спецкурсы по коми и финно-угорскому языкознанию, руководит диалектологической практикой. Более полусотни выпускников подготовила к защите студенческих научно-исследовательских проектов перед государственной аттестационной комиссией. Тематика курсовых и дипломных работ студентов, научным руководителем и консультантом которых она являлась, настолько широка, что охватывает практически все разделы языкознания, а изучение актуальных вопросов коми и, шире, пермского и финно-угорского языкознания ее студентами производилось в аспектах диахронии и синхронии. Будучи руководителем научно-исследовательских проектов, Г.А. Некрасова оказывает большую помощь своим ученикам в подготовке докладов, тезисов докладов и статей. С научными разработками ее студенты выступали на конференциях различного уровня: международных, всероссийских и региональных. Многие ее выпускники, связав свою трудовую деятельность со школой, наукой, культурными заведениями и учреждениями, став уже опытными специалистами-филологами, добрым словом вспоминают занятия Учителя, ее наставления, консультации и рекомендации. Лекции Галины Александровны – это увлекательный рассказ о сложной системе языка, методах и принципах его исследования, современных технологиях, о новых научно-теоретических разработках и достижениях в области коми и финно-угорского языкознания. Они всегда захватывают студентов, побуждают вдумчиво относиться к изучению языка, познанию нового о нем. В период чтения лекций по достаточно сложному и трудно усваиваемому курсу исторической фоне-

тики коми языка Г.А. Некрасовой подготовлено и издано учебное пособие: Коми кывлӧн историческӧй фонетика. Сыктывкар, 2000. С выходом в свет этой книги были решены многие вопросы в преподавании данного курса, в том числе и проблема обеспеченности студентов литературой, поскольку последние издания по исторической грамматике коми языка были выпущены еще в середине прошлого столетия. Кроме того, Г.А. Некрасова опубликовала методические рекомендации по исторической грамматике коми языка, ими студенты пользуются по настоящее время.

Г.А. Некрасова активно участвовала в подготовке и проведении ряда научных форумов, была ответственным секретарем рабочего оргкомитета III Всероссийской конференции финно-угроведов (Сыктывкар, 2004), VII и XIII Международных симпозиумов «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Сыктывкар, 1998, 2010).

Юбиляр постоянно повышает свой научный уровень, использует в исследовательской деятельности новые методы лингвистического анализа. Г.А. Некрасова завершает работу над докторской диссертацией, посвященной исследованию падежной системы в пермских языках.

За многолетний плодотворный труд на научно-педагогическом поприще Г.А. Некрасова награждена Почетной грамотой Главы Республики Коми (2005), является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области науки (1999), лауреатом премии Правительства Республики Коми в области образования (2004), в 2003 г. ей было присуждено звание доцента по специальности «Языки Российской Федерации».

От всей души поздравляем Галину Александровну с юбилеем и желаем ей всего наилучшего, ыджыд шуд да ён дзоньвидзалун!

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: Tiit-Rein Viitso, Valts Ernštreits. Līvõkīel-ēstikīel-leţkīel sõnārõntõz Liivi-eesti-läti sõnaraamat Lībiešu-igauņu-latviešu vārdnīca. – Tartu / Rīga, 2012. – 415 l.

Трёхъязычный Ливско-эстонско-латышский словарь (Līvõkīel-ēstikīel-leţkīel sõnārõntõz, далее: LĒLS) составлен широко известным (и потому не нуждающимся в представлении) эстонским финно-угроведом Тийт-Рейном Вийтсо (составитель словаря) и молодым ливским лингвистом Валтом Эрнштрейтом (Valts Ernštreits), который привёл латышские соответствия и отредактировал словарь, поскольку ливский язык для него родной. Если в довоенной Латвии власти стремились к латышизации ливов, после восстановления независимости в Латвии начали заботиться о сохранении ливского языка и культуры. Президент Латвийской Республики Андрис Берзиньш в предисловии к LĒLS отметил, что это издание – единственное в своём роде и поистине историческое, и просто удивительно, что до сих пор не было словаря литературного ливского языка, и он может послужить всем, кто испытывает интерес к языку ливов, поддерживает и уважает их культуру, ведь ливский язык и культура – сила и богатство Латвии. А президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес подчеркнул значимость словаря для эстонцев, ведь ливы – ближайший по языку к эстонцам народ, а издание словаря должно помочь ливам обрести силу для национального самосохранения и развития. По мнению Президента Эстонии, издание его равнозначно основанию в XXI веке Народного дома ливов. Язык ливов и их жизнеспособность зависят от них самих, эстонцы могут лишь чем-то помогать им в этом. Господин Ильвес счёл похвальным то, что LĒLS – результат сотрудничества ливов, эстонцев и латышей.

Рассматриваемый словарь является словарём именно литературного языка (хотя, как правило, для языка малочисленного народа словари издаются уже как памятники языка, об их возможном литературном характере даже не упоминается). Это говорит о том, что ливы имеют твёрдое намерение пользоваться уже имеющимся литературным языком. Разумеется, для чисто научных целей ранее изданные словари этого языка представляют собой большую ценность, но в данном случае есть все основания говорить о важности LĒLS для сохранения ливского языка, да и всего народа ливов.

Необходимо отметить, что Валт Эрнштрейт как лингвист и один из составителей этого словаря награждён в 2013 г. орденом Крест Маарьямаа 4 класса (этот орден выдаётся Президентом Эстонской Республики иностранцам за научную, литературную, переводческую и иную деятельность, в той или иной мере связанную с Эстонией). Можно сказать, что Эрнштрейт принял эстафету от известного знатока ливского языка Петыра Домберга, посвятившего свою жизнь собиранию лексики родного языка и попыткам возродить его.

Поскольку в России, по всей вероятности, вообще нет знатоков ливского языка, а для российских финно-угроведов ливский язык столь же важен, как и все уральские языки, то и здесь не будут излишними какие-то сведения об особенностях языка ливов и его новом словаре.

Ливы – наименее известный родственноязычный народ для финно-угров России. Казалось, их история вот-вот завершится печальным образом: к концу XX века ливов, хорошо владеющих родным языком, оставалась всего-то какая-то сотня. А ведь ещё в XIII веке это был довольно многочисленный и воинственный народ. Но ливам очень не везло: крестовый поход немецких рыцарей первым ударил по ним, после жестокой войны они были покорены, затем рыцари заставили их воевать против литовцев, латышей и эстонцев; и позже их земля слишком часто была ареной страшных войн, значительно подрывавших силы народа, особенно это касается Первой и Второй мировых войн. Печальные последствия имела для ливского народа длившаяся многие десятилетия так называемая холодная война – ливы, жители побережья, для которых главным в их хозяйственной жизни было рыболовство, оказались в советской пограничной зоне со всеми её строгостями и ограничениями, а связанное с этим отсутствие работы заставило тысячи ливов переместиться во внутренние районы Латвии, где им приходилось жить не компактными группами, а отдельными семьями, что способствовало полному переходу на язык окружения – страшного явления для небольших народов. С восстановлением независимости Латвии ливы получили возможность вернуться в свои родные посёлки. Но после уже состоявшегося перехода на речь большинства возврат к языку своих предков в условиях господства другого языка крайне сложен, почти невозможен. Однако ливы создали свою национальную организацию, и многие из них твёрдо решили бороться за сохранение своего языка и культуры. Это заслуживает уважения и моральной поддержки. Мы от всего сердца желаем успехов ливам в их благородном деле.

Словарь имеет чёткую структуру. На страницах 15–19 LĒLS поясняется его строение. На с. 17 приводится список использованных сокращений. Далее указывается, какие использованы знаки и для чего они служат в LĒLS. Так, комбинация знаков в виде > **o** указывает на нежелательность использования слова или фразеологизма в литературной речи. Сам корпус трёхъязычного словаря начинается со страницы 21 и кончается на с. 379. На страницах 380–381 дан список местных ливских названий. На страницах 385–391 можно ознакомиться с произношением, ударением, вокализмом (краткими, долгими гласными, дифтонгами и трифтонга-

ми) и консонантизмом ливского языка. Одним из особенностей ливского вокализма можно считать прерывистый тон, обозначаемый апострофом, ср.: **aigi** 'связанный с каким-то временем' – **a'igi** 'расположенный на краю, край', **jūodõ** 'пить' – **jū'odõ** 'вести', **pugõ** 'повесить' – **pu'gõ** 'дуть'. В обычном же письме (но не в текстах учебного характера) обозначение апострофа не обязательно.

Со с. 393 по 415 LÕLS знакомит читателя с семнадцатью ливскими падежами, со склонением имён в единственном и во множественном числе, формами и окончаниями глаголов, их финитными формами, с типами изменения имён (местоимений, существительных). То есть LÕLS в какой-то мере является и справочником по ливскому языку.

До этого финским учёным Лаури Кеттуненом был составлен и издан словарь ливских диалектов (Lauri Kettunen, Livisches Wörterbuch, 1938), он использован при составлении финских этимологических словарей «Suomen kielen etymologinen sanakirja» и «Suomen sanojen alkuperä», уедавно вышедшего в свет эстонского этимологического словаря «Eesti etümoloogiasõnaraamat». В LÕLS же нет слов салацкого диалекта, где сохранились гласные *ö*, *ü*, например, в словах ***k'ört*** 'юбка' (из эст.), ***kilā, külā*** 'деревня', ***killə, küllə*** 'сеять, сажать' – в LÕLS это: ***killõ***. Здесь мы можем отметить, что часто встречающийся гласный ***-õ*** в ауслауте ливских слов (глаголов и т.д.) ближе к марийскому краткому *ы*, а не к эстонскому гласному *õ* (правда, этот звук может быть долгим и в ливском языке).

LÕLS, отражающий лексику литературного ливского языка, главным образом опирается на латышский (исключение: использована эстонская буква **õ**) алфавит. Так, вместо двойных гласных *ee, ii, oo, uu*, используемых в финском и эстонском языках, использованы буквы **ē, ī, ō, ū** латышской графики, хотя они и отражают меньшую продолжительность долгих гласных (что имеет место в латышском языке), чем в остальных прибалтийско-финских языках. Здесь есть плюс: слова при такой графике будут чуть короче, но есть и минус: напечатать или написать два одинаковых гласных обычно легче, чем гласный с диакритическим знаком. К тому же по особенностям письма литературный ливский язык несколько обособится от прибалтийско-финских с богатейшей литературной традицией – эстонского и финского. Для гласных **ä, õ** (и некоторых других) для обозначения их долготы приходится использовать буквы даже с двумя диакритическими знаками: **ǟ, ȭ, ō̈**, что представляет некоторые сложности в практике письма.

В LÕLS слова, начинающиеся на **ä-**, следуют сразу после слов, начинающихся на **a-**, т.е. не так, как в финском и эстонском языках. Также буква **õ** в ливском алфавите сразу следует за буквой **o**. Можно полагать, что такой порядок в алфавите для работы со словарём несколько удобнее (по этому поводу можно указать, что недавно порядок следования букв в алфавите татарского языка изменён, *ә* [*ä*] теперь следует за буквой *а*, а *ө* [*ö*] – за *о*, *ү* [*ü*] – после *у*, *ж* – после *ж*, *ң* – после *н*, *һ* – после буквы *х*; вследствие этой реформы пользоваться словарём татарского языка действительно стало легче). В марийском алфавите *ӓ* идет после *а*, *ӧ* – после *о*, *ӱ* – после *у*, а *ҥ* – после буквы *н*, так было изначально.

Для согласных более привычными для нас являются буквы с диакритикой **š** и **ž**, отражающие согласные *ш* и *ж*. Слабопалатализованные согласные характерны для балтийских, ливского и (в гораздо меньшей степени) эстонского языков. Из алфавита латышского языка для слабопалатализованных **l**, **n**, **r**, **t** переняты латышские буквы **ļ**, **ņ**, **ŗ**, **ţ**, они удачны для использования – это облегчит запоминание ливского алфавита, поскольку ливы, живя в Латвии, не могут не владеть латышской письменностью. Но это не только плюс в плане сохранения языка, когда маленький народ, полностью [или почти полностью] перенимает алфавит преобладающей нации. Всё же при пользовании обычной компьютерной клавиатурой наличие почти двух десятков диакритических знаков и особых букв создаёт немалые сложности. Но в Латвии уже производится (или же в скором времени будет производиться) своя компьютерная клавиатура с соответствующими программами, где система букв [будет] полностью приспособлена к собственным нуждам, поэтому во многом перенятый латышский алфавит, по-видимому, устроит ливский язык в достаточной мере, и пользователям не надо будет часто искать в «символе» недостающие для родного языка знаки.

Интересно, что некоторые ливские слова напоминают марийские (или же в отдельных случаях они несколько ближе к ним), например, **amtlõ** ‘зевать’ (ср. мар. *омешташ*), **ēbrikš** ‘паук’ (мар. *энгыремыш*), **i'bbi** ‘лошадь’ (мар. *ине*), **i'zzi** ‘самец’ (мар. *узо*), **kärmi** ‘муха’ (мар. *карме*, ср. эст. *kärbes*), **ku'ž** ‘моча’ (мар. *куж*-вӱд), **suša** ‘сестрёнка’ (мар. *шӱжар*, *шужар*), **u'm** ‘я есть’ (=мар. *улам*, ср. эст., фин. *olen*). Есть и случаи сходства мордовских (*умарь* ‘яблоко’) и ливских (**umār**) слов.

Во многих ливских словах конечный гласный отпал (что напоминает схожее явление в восточных финно-угорских языках): **lu'm** (фин., эст. *lumi*) ‘снег’, **ni'm** (фин., эст. *nimi*) ‘имя’, **si'z** (эст. *süsi*, фин. *sysi*) ‘уголь’, **su'g** (эст. *sugu*, фин. *suku*) ‘род’, **u'd** (эст. *udu*, фин. *utu*) ‘туман’, **vä'g** (эст. *vägi*, фин. *väki*) ‘сила’, **ve'r** (эст., фин. *veri*) ‘кровь’, **ve'ž** (фин., эст. *vesi*) ‘вода’, **vi'b** (эст. *vibu*) ‘лук, дуга’. Но в некоторых случаях конечный гласный отпал только в эстонском, например, в словах *vihm* (**vī'mõ**) ‘дождь, *võrk* (**võrgõ**) ‘сетка’.

Несомненно, новый словарь ливского языка может предложить немало интересного и для финно-угроведов России. Носители финно-угорских (уральских) языков должны интересоваться родственными языками, их судьбой и их перспективами. Наличие же латышских соответствий полезно и для тех, кто интересуется этимологией – в ливском языке немало слов из латышского языка, и латышское соответствие в ряде случаев поможет легче определить происхождение того или иного ливского слова. И разумеется, это необходимо тем ливам, кто через латышский язык будет изучать язык своих предков.

Валерий Вершинин
Йошкар-Ола

Рец.: Сануков К.Н. Финно-угры и финно-угроведение. Сб. статей. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. – 324 с.

Сборник статей доктора исторических наук профессора К.Н. Санукова посвящен жизни и истории финно-угорских народов, проблемам финно-угроведения. Статьи, очерки, доклады были написаны и опубликованы в период с 1985 по 2011 год. Значительная часть работ напечатана в журнале «Финно-угроведение», газете «Марийская правда», в материалах конференций, изданных в Йошкар-Оле, Петрозаводске, Казани, Сыктывкаре, Санкт-Петербурге (Ленинграде), Уфе, Будапеште, Таллинне, Риге, Хельсинки. Основное содержание сборника раскрывает результаты авторских исследований в области новейшей истории и современного состояния финно-угорских народов. Ряд материалов отражают позицию К.Н. Санукова по положению финно-угорских народов в публицистическом изложении представителей СМИ (Уолеви Маттила). Сборник заканчивается историографическим обзором трудов К.Н. Санукова, посвященных историческому финно-угроведению, подготовленным Ольгой Малининой. В качестве приложения помещен раздел из воспоминаний «Путь в науку и в науке», где автор размышляет о своем участии в финно-угорском движении и изучении родственных народов.

Значительная часть представленных в сборнике материалов отражает участие профессора Санукова в финно-угорских форумах научной и общественно-политической направленности. Так, в 1985 году состоялся VI Международный конгресс финно-угроведов в городе Сыктывкаре. Как член оргкомитета он возглавлял делегацию научной общественности Марийской АССР в составе 19 человек. Учёные были единодушны в оценках социально-экономического прогресса Марийского края за последние десятилетия (с. 4–6). Вслед за развалом СССР, затяжным кризисом всех сфер общественной жизни, в публикациях проф. Санукова начинает преобладать глубокий анализ проблем, охвативших финно-угорские народы Российской Федерации в конце XX – начале XXI века. Особое внимание уделено вопросам сохранения и развития марийского языка, языков финно-угорских народов (с. 16–17, 26–29, 58–60, 60–62, 154–157), политическому положению и политической истории финно-угров (с. 33–39, 66–77, 150–154, 170–181, 209–220), культурно-историческому процессу (с. 182–185).

В конце XX – начале XXI века профессор К.Н. Сануков принял участие и сделал доклады на ряде высших форумов финно-угорской научной общественности. К ним относятся: Всемирный конгресс финно-угорских народов (Сыктывкар, 1992), Третья Международная встреча финно-угорских писателей (Эгер – Венгрия, 1995),

Международная научная конференция «Идентитет и национальная историография в регионе северо-восточной Балтики в XIX–XX веках» (Каусала – Финляндия, 1994), VIII Международный конгресс финно-угроведов (Ювяскуля – Финляндия, 1995), II Всемирный конгресс финно-угорских народов (Будапешт – Венгрия, 1996), Европейская региональная конференция «Европейские исследования: проблемы и перспективы развития» (Йошкар-Ола, 1998), Международный научный семинар «Финно-угорский мир и XXI век» (Йошкар-Ола, 1998), II Международный конгресс по истории финно-угорских народов (Таллинн – Эстония, 1998), Вторая Всероссийская научная конференция финно-угроведов (Саранск, 1999), Международная научная конференция «Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков» (Москва, 2001), III Международный конгресс историков финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2004), X Международный конгресс финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005). Итоги каждой встречи ученых финно-угроведов К.Н. Сануков широко освещал в средствах массовой информации республики, делал достоянием интеллигенции г. Йошкар-Олы. Все эти события вошли в историю финно-угроведения, а профессор К.Н. Сануков внес свой уникальный вклад в их проведение.

Важная часть сборника посвящена вопросам финно-угроведения. Профессор Сануков К.Н. провел историографический анализ трудов специалистов по финно-угроведению (с. 140–150), определил место финно-угроведения в системе европейских исследований (с. 82–85).

Сборник статей содержит материалы, посвященные отечественным и зарубежным финно-угроведам. Так, раскрыта роль профессора И.Н. Смирнова в становлении финно-угроведения в России (с. 238–247), жизнь и творчество выдающегося марийского ученого-языковеда В.М. Васильева (с. 260–263), опубликован развернутый отзыв на докторскую диссертацию Хено Сарва (Эстония) «Коренные европейцы к востоку от Москвы: население и миграция крупнейших финно-угорских народов России с XVIII по XX века» (с. 163–170). С большим тактом, скрупулезной точностью раскрыта роль выдающегося венгерского ученого Петера Домокоша в развитии современного финно-угорского литературоведения (с. 263–270).

Центральное место в сборнике отведено X Международному конгрессу финно-угроведов, проходившему в Йошкар-Оле в 2005 году. Ксенофонт Никаноровичч Сануков выступил на конгрессе с пленарным докладом, в котором раскрыл развитие финно-угроведения в Республике Марий Эл в конце XX – начале XXI века (с. 200–209). Ещё одно развернутое выступление состоялось в прениях по докладу Петера Домокоша «История и роль международных конгрессов финно-угроведов» (с. 220–231). В сборнике помещен ряд материалов, которые предваряют работу этого конгресса и подвергают осмыслению его итоги (с. 198–200, 231–238).

Ряд публикаций имеет философско-социологическую направленность («Идентитет и национальная историография», с. 55–58; «Финно-угорские народы России: проблема национального идентитета», с. 157–162; «Национальный идентитет в историческом контексте», (с. 185–198); «Финно-угорские народы: прошлое, настоящее, будущее», с. 125–138).

Рецензентов сборника работ проф. К.Н. Санукова особенно привлекла внимание статья «Финно-угорские народы России в условиях глобализации» (с. 270–280), впервые увидевшая свет на страницах журнала «Финно-угроведение» в 2011 году. Здесь мы обнаружили стремление автора обобщить этносоциальные процессы в современном мире, определить роль финно-угорских народов в условиях глобализации экономик, культур и людей. «В условиях глобализации... финно-угорские народы России, как и любой народ, любая этническая общность, не могут остаться в стороне от интеграционных процессов» (с. 271). Выделим еще одну мысль: «Национальное и общечеловеческое, традиционное и новое существуют не в отдельности, а в единстве... Обогащение каждого народа идет вследствие усиления ценных традиционных национальных черт и усвоения богатства других народов» (с. 279).

Содержание сборника демонстрирует читателям, что научные идеи профессора К.Н. Санукова отличаются актуальностью, прозорливостью, своевременностью, широтой охвата проблем реальной жизни, соответствуют духовным запросам родного народа, всего финно-угорского сообщества. Сборник статей будет полезен ученым-гуманитариям, преподавателям, студентам высших учебных заведений, изучающим историю и культуру народов России.

Александр Маслихин,
Николай Гаврилов
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛИТЕРАТУРНО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ С.Г. ЧАВАЙНА»

28 июня 2013 года в пгт Морки (Республика Марий Эл) состоялась Международная научно-практическая конференция «Литературно-культурное наследие С.Г. Чавайна», посвященная 125-летию со дня рождения основоположника и классика марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна.

Для участия в научном форуме в оргкомитет поступило 70 заявок из разных городов (Йошкар-Олы, Чебоксар, Казани, Саранска, Ижевска, Тарту, Хельсинки). Однако по разным причинам не все заявившиеся смогли принять участие.

К участию в конференции удалось привлечь ученых Республик Марий Эл, Карелии, Удмуртии, Чувашии, Мордовии, Коми, зарубежных стран Финляндии и Эстонии, изучающих творческие идеи Сергея Чавайна, художественное наследие классиков национальных литератур. Научный форум организовал единое культурное пространство для общения деятелей науки, авторитетных исследователей, молодых ученых и учителей школ, заинтересованных в изучении и применении выработанных ими научных подходов.

На пленарном заседании было представлено четыре доклада: зав. отделом литературы МарНИИЯЛИ Н.А. Федосеевой «Творчество Сергея Чавайна в контексте литератур народов Урало-Поволжья»; декана факультета чувашской филологии ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, профессора В.Г. Родионова «Современные проблемы типологии литератур народов РФ»; директора института финно-угроведения ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет», профессора Р.Г. Кудрявцевой «Рассказы С.Г. Чавайна в аспекте теоретических проблем современного литературоведения»; директора ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева» А.В. Муравьева и зав. отделом развития ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т.Евсеева» Н.А. Соловьевой «Личные фонды С.Г. Чавайна в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т.Евсеева».

Работало 4 секции, где было заслушаны доклады по проблемам изучения жизни и творчества С.Г. Чавайна в контексте художественной словесности, традиционной и современной культуры, журналистики финно-угорских народов и народов Урало-Поволжья. Были подняты актуальные вопросы изучения фольклора финно-угорских народов, освещены проблемы развития финно-угорских литератур и литератур народов Урало-Поволжья, а также вопросы преподавания национальной словесности в вузе и школе.

Представленные доклады отличались высоким профессиональным уровнем, научной актуальностью и вызвали живой интерес участников конференции, нередко возникали дискуссии, проходившие в атмосфере доброжелательной заинтересован-

ности.

Конференция прошла успешно и плодотворно. Большой вклад в ее проведение внесли Правительство Республики Марий Эл, Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; администрация МО «Моркинский муниципальный район»; Государственное бюджетное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»; ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет».

Участники конференции отметили следующее:

– литературно-культурное творчество С.Г. Чавайна, положившее начало формированию марийского литературного языка и марийской художественной словесности, направленное на сохранение и развитие культурных традиций народа мари, продолжает оставаться актуальной областью научного осмысления и важнейшим фактором воспитания современной молодежи;

– творчество классиков национальных литератур все больше становится центром притяжения и объединения научных сил урало-поволжского региона России и мира;

– проведение юбилейных научных форумов на родине писателей стало одной из традиций литературной жизни Республики Марий Эл и знаком признания непревзойденного значения их творчества.

Участники конференции выражают благодарность организаторам Международной научно-практической конференции «Литературно-культурное наследие С.Г. Чавайна».

В ходе работы научно-практической конференции были высказаны следующие рекомендации и предложения:

– издать сборник материалов конференции;

– проводить юбилейные научные конференции, посвященные С.Г. Чавайну, каждые пять лет.

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вершинин Валерий Иванович – старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Гаврилов Николай Никандрович – кандидат философских наук, доцент кафедры связей с общественностью факультета международных отношений Марийского государственного университета

Горинова Наталья Васильевна – научный сотрудник сектора литературоведения ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Григорьева Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, ученый секретарь МарНИИЯЛИ

Душенкова Татьяна Рудольфовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН

Зиявадинова Ольга Сайфидиновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Казакова Надежда Кимовна – преподаватель высшей категории школы-интерната с углубленным изучением отдельных предметов г. Козьмодемьянска

Казанцев Дмитрий Егорович – доктор филологических наук, профессор Марийского государственного университета

Кузнецова Маргарита Нифонтовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета

Лехтинен Илдико – доктор философии, старший научный сотрудник Музея культур Финляндии, Председатель общества М.А.Кастрена

Маслихин Александр Витальевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Марийского государственного университета

Пунегова Галина Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Пустяков Александр Леонидович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Соловьев Борис Степанович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ

Цыпанов Евгений Александрович – доктор филологических наук, доцент, заместитель директора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Шабдарова Людмила Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения МарНИИЯЛИ

CONTENTS

ARTICLE

Solovyov B.S. Ethnic and cultural process on the south of forest Volga region in the end of Middle and beginning of Late Bronze Age. 3

Kazantsev D.Ye. Some thoughts about the plural suffix in the Mari language. 22

Sibatrova S.S. The role of Russian borrowings in the formation of Mari particle system. 30

REPORTS

Dushenkova T.R. Religious vocabulary of M.G. Atamanov and his scientific charisma. 46

Fedoseyeva N.A. Vyatka educator Kushelev Pavel Semyonovich. 64

Gorinova N.V. V.Savin's traditions in the play-fairy tale of G.Yushkov «The daughter of God». 70

Ziyavadinova O.S. Poetics of humanization of nature in artistic world of V.A. Lytkin. 79

Shabdarova L.Ye. Folklorism of V.I. Boyarinova's story «Belt» 84

Kazakova N.K. Traditional doll of mountain Maris. 92

PERSONALS

Lehtinen I. The 200th anniversary of Matthias Alexander Castrén 98

Pustyakov A.L. The 100th anniversary of Erkki Itkonen. 101

Grigoryeva L.Ya. The ministry of science and school (The 80th anniversary of G.I. Lavrentyev). 106

Kuznetsova M.N. To the anniversary of R.Bartens. 110

Tsypanov Ye.A., Punegova G.V. To the anniversary of G.A. Nekrasova. 113

SURVEYS AND REVIEWS

Vershinin V.I. Rev.: Tiit-Rein Viitso, Valts Ernštreits. The Liv-Estonian-Latin Dictionary. – Tartu / Riga, 2012. – 415 pp. 116

Maslikhin A.V., Gavrilov N.N. Rev.: Sanukov K.N. Finno-Ugrians and Finno-Ugric Studies. Collection of selected papers. – Yoshkar-Ola: Mari State University, 2012. – 324 pp. 120

CHRONICLE

Fedoseyeva N.A. The international scientific-practical conference «Literary and artistic heritage of S.G. Chavain». 123

Informations about the authors 125

«Финно-угроведение», 2013, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Редактор *Н.И. Сараева*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
+3 Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: mamii@mari-el.ru

Подписано в печать 30.11.2013. Формат 70x100/16.
Усл.п.л.10, 32. Тираж 300 экз. Заказ № 660.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Мерзляковой Г. Г.
425200, РМЭ, п. Медведево, ул. Советская, 5